

С. Ганеман

ОРГАНОН
ВРАЧЕБНОГО ИСКУССТВА

ОРГАНОН
ВРАЧЕБНОГО ИСКУССТВА
ИЛИ
ОСНОВНАЯ ТЕОРИЯ
ГОМЕОПАТИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ
ДОКТОРА
САМУЭЛЯ ГАНЕМАНА

Печатается с пятого немецкого издания (переведенного лекарем В. Сорокиным с некоторыми дополнениями из четвертого издания и предисловием переводчика), осуществленного в 1884 году Санкт-Петербургским издателем Ф. Флеммингом.

Настоящее издание осуществлено с соблюдением современной пунктуации и орфографии русского текста.

ISBN 5-89777-007-7

© "Гомеопатическая медицина", 1998 г.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Христиан Фридрих Самуэль Ганеман родился 10-го апреля 1755 г. в Саксонии, в городе Мейсен. Отец его был искусный живописец на местном фарфоровом заводе и отличался старанием в работе и бережливостью. Первоначальное воспитание любознательного ребенка было исполнено его родителями. Отец учил его наблюдательности посредством рисунков и с самых ранних лет приучал к практическому опыту, развивая пытливость и самостоятельность суждения. Мать приняла на себя первоначальное школьное обучение.

При этих благоприятных условиях в родительском доме, где преобладали честность, простота и практический талант, у ребенка развились быстрота соображения, прилежание и значительные способности уже в местном приходском училище, куда он поступил на двенадцатом году жизни. Спустя три года он поступил в

городскую школу, основанную курфюрстом Морицем Саксонским, где вскоре приобрел любовь своих учителей прилежанием и замечательными способностями.

Несмотря на явную склонность сына к образованию, отец Ганемана, ввиду собственной бедности и скромного положения в обществе, предназначал его для торгового звания и отослал было уже к одному торговцу кореньями в Лейпциге, так что только настоятельные просьбы директора школы заставили его отказаться от своего намерения. Директор принял мальчика в школу даром и даже поместил его у себя в доме. В этой замечательной для своего времени школе Ганеман приобрел классическое образование и основательное знание французского и английского языков; здесь установились основы его философского и реального образования; здесь же выяснилась его страсть к естествоведению. Результатом последней было недюжинное сочинение для выпускного экзамена "О дивном строении человеческой руки".

Двадцати лет, с двадцатью талерами в кармане, Ганеман отправился в лейпцигский университет, где должен был жить уроками и переводами с иностранных языков, привыкая уже смолоду к борьбе с суровою нуждою и

лишениями, не покидавшего его в течение почти всей остальной жизни.

Через два года (1777) Ганеман из Лейпцига, где условия медицинского образования в то время были неудовлетворительны, отправился в Вену. Нуждаясь в деньгах, он принял здесь предложенное ему место домашнего врача и библиотекаря у барона фон Бруккенталь, в Германштадте. Приведя в порядок библиотеку и занимаясь в то же время городской практикой, Ганеман получил наконец материальную возможность приступить к исполнению своего пламенного желания - отправиться в Эрланген, чтобы держать там экзамен на степень доктора медицины.

10-го августа 1779 г. он защитил свою диссертацию "О причинах и лечении судорожных болезней" (Conspectus adfectuum spasmodicorum aetiologieus et therapeuticus) и получил диплом доктора медицины с правом врачебной практики. В 1781 году, работая уездным врачом в Гаммерне, близ Магдебурга, он женился на дочери аптекаря в Дессау, Иоганне Кюхлер, и имел от этого брака четырех дочерей и одного сына. Через три года он отправился в Дрезден, где настолько сошелся с местным медицинским инспектором, д-ром Вагнером, что во время продолжительной болезни последнего

исполнял его обязанности по медицинскому району и госпиталю, не покидая в то же время литературы (здесь, кроме мелких статей, он написал (1796) свой трактат об отравлении мышьяком) и занимаясь химией; к числу последних работ относится открытый им препарат, известный как *Mercurius solubilis Hahnemanni*. Спустя четыре года Ганеман отправился в Лейпциг.

Замечательная неутомимость 33-летнего доктора объясняется только выдающеюся силою души и ненасытною жаждою знаний, которую не могло удовлетворить занятие врачебною практикою.

Недовольство практическою медициною того времени и научная добросовестность послужили главными причинами его переселения в Лейпциг; Ганеман решился отказаться от практики, предпочитая содержать семейство трудными работами по химии, фармации и переводами французских, английских и итальянских медицинских сочинений. Но здесь совершился решительный поворот в его жизни; отречение от медицины сменилось новым направлением, давшим реформу всей терапии.

Переводя статью о хинной коре с английского руководства Куллена, Ганеман был поражен резкими противоречиями касательно ее

врачебных действий и решился испытать действие средства на собственном здоровом теле. "С этим первым опытом, - говорит он, - впервые блеснула мне заря новых, ясных дней во врачебной науке; он указал мне, что лекарства могут излечивать болезни **только** посредством своих болезнетворных сил на здоровый организм и что симптомы тех и других явлений должны быть **сходны** между собою".

Затем Ганеман предался снова медицине. Шесть лет хранил он свою идею, которой нужно было созреть и укрепиться для доказательной силы. Впервые он обнародовал свое учение в журнале Гуффеланда, отдавая ее на беспристрастный суд своих собратьев по науке.

В 1805 г. напечатаны первые опыты над действием лекарств на латинском языке, следовательно, по адресу ученых врачей; вскоре затем появилась статья и на немецком языке под названием "Heilkunde der Erfahrung", где в первый раз упомянуто слово **гомеопатия**.

Уже в первые девять лет с обнародования новой идеи лечения на долю смелого реформатора выпал целый ряд нападков и оскорблений. Врачи и аптекари, последние вследствие прямого подрыва их торговли, объявили беспощадную войну новатору.

Отвергнутый представителями медицины, Ганеман в 1806 г. обратился к простым людям, не врачам, с мастерски написанною популярною статьею; в доказательствах не было недостатка - и энтузиазм народа спас новое учение, а в то же время заставил обратить на него внимание и некоторых специалистов.

Мы опускаем причины и подробности беспокойных скитаний, каким подвергнулся Ганеман со своим учением, гонимый из Лейпцига в Альтону, Эйленбург, Махерн, Виттенберг, Дессау, Торгау, Брауншвейг и, наконец, в 1811 г. снова в Лейпциг.

В 1810 году появилось в печати первое издание "**Органо-на врачебного искусства**" - систематическое изложение нового учения. Здесь реформатор уже ломает мост за собою и увлекается своею идеею до эксцентричности. Мы должны извинить последнюю, потому что она понятна, потому что она естественное и необходимое следствие самой природы вещей.

В физической и духовной жизни целых народов и отдельных лиц происходит по временам сильное движение, энергический толчок старому порядку, и в этих случаях пролом всегда бывает чрезмерен; по крайней мере, на известное время он много превышает нужные размеры, чтобы затем малыми колебаниями

постепенно приблизиться к норме при равновесии действующих и противодействующих сил. Как при физической борьбе напряжением мышц, борьба идей за правоту и признание должна так же на первых порах превосходить меру необходимого. Что идея Ганемана только взрывами могла пробивать себе дорогу, объясняется не столько своеобразностью самого учения, сколько противодействием затронутых интересов, которое должно было придать борьбе крайне ожесточенный характер, обрушиваясь всею силою на слабые стороны нового учения и на современные реформатору научные взгляды.

Хотя уже во времена Ганемана были известные врачи, требовавшие перестройки фармакологии на новых началах и осуждавшие употребление лекарств на основании стародавних преданий и фантастических выводов, но никто не высказал этого так безусловно, никто не взялся сам за это дело. "Необходимо наконец, - писал он в 1808 г., - высказать громко и всенародно, что наше лекарствоведение требует полной перемены с головы до ног. Существует то, чего не должно быть, а необходимейшее совершенно упускается из вида. Зло до того укоренилось и назрело, что против него не поможет робкая уступчивость Иоганна Гусса; здесь нужны весь

огонь и настойчивость непоколебимого Мартина Лютера".

Воззвание не осталось без ответа.

В 1811 г. Ганеман вторично прибыл в Лейпциг, страстно желая приобрести здесь независимую кафедру и клинику для практического оправдания своей теории. Это ему не удалось. Декан факультета даже запретил ему врачебную практику, требуя взноса 50 талеров для **нового** экзамена на том основании, что существующий диплом получен из другого университета. Ганеман ответил на это предложение исторически-медицинской статьей под названием: **"Геллеборизм стариков"** (Helleborismus veterum), которая благодаря классической учености была благосклонно принята в образованном обществе.

Таким образом, снова сбитый со свободного пути, Ганеман разослал воззвание к врачам, приглашая их к себе для слушания чтений, и постепенно собрал около себя кружок приверженцев, которые вскоре сделались его сотрудниками.

С их помощью вышел в 1811-1819 гг. фундамент гомеопатии - **"Чистое лекарствоведение"** (Reine Arzneimittellehre) в шести больших томах, заключающих в себе результаты исследования шестидесяти двух лекарств.

В течение этого времени слава Ганемана и гомеопатии росла все более и более, чему немало способствовали блестящие результаты лечения тифозной горячки и холеры, впервые посетившей Европу из Азии и настолько распознанной Ганеманом по ее симптомам, что он заглазно назначил против нее лекарства, из числа им исследованных, которые пригодны от этой болезни и поныне.

В 1820 году Ганемана пригласили к фельдмаршалу князю Шварценбергу, пораженному апоплексическим ударом. Хотя основатель гомеопатии признал болезненное состояние неизлечимым, тем не менее смерть князя, наступившая вскоре после кровопускания, сделанного без ведома и вопреки совету Ганемана, отозвалась существенным вредом для последнего: по решению лейпцигского медицинского факультета Ганеман, по распоряжению правительства, был лишен права готовить и раздавать свои лекарства.

Намерения врагов осуществились, и деятельность Ганемана была парализована; обладатель целой новой фармакопеи должен был жить пособиями от аптекарей, ненавидевших его учение, в котором они видели собственную гибель.

Из этого бедственного положения наш автор был выручен герцогом Фердинандом, который в 1821 г. призвал знаменитого врача в качестве лейб-медика к своему двору в Ангальт-Кётен и предоставил ему полную свободу врачебной деятельности во всей стране. Здесь Ганеман был уже не один; значительный круг его приверженцев образовался даже из врачей, имена которых украшают литературу гомеопатии. Таким образом ближайшая будущность нового учения была обеспечена.

В Кётене Ганеман имел большую практику; больные из других стран стекались сюда за советом. Здесь же, на склоне жизни, началась для него пора, когда старость осуждает человека на одиночество. Его единственный сын выселился из Германии и пропал без вести. Супруга его, делившая с ним дни бедствия и славы, скончалась на 43 году брачной жизни; дочери выданы замуж - и Ганеман остался один в своем доме.

Однако же он вторично женился на француженке Мелании д'Ервилли Гойе и отправился с нею в Париж, бывший в то время средоточием всего света. Париж и Франция могли лучше Германии оценить заслуги Ганемана. Действительно, по прибытии в Париж Ганеман получил, при посредстве Гизо, высочайшее

разрешение свободно распространять и практиковать свой метод лечения.

Восемь лет Ганеман практиковал в Париже, посещаемый отовсюду приезжавшими врачами и больными; отсюда гомеопатия распространилась по всему свету.

Он умер 2-го июля 1843 года, на 89 году жизни, пользуясь общим уважением и любовью окружающего его общества.

Ганеман, гомеопатия и крупинки образуют почти неразрывную триаду, на основании которой необходимо обсуждать существование гомеопатии и давнишние нападки на нее. Эти малые гомеопатические дозы, в особенности гомеопатические потенции, давно служат яблоком раздора между приверженцами ганемановой школы, большинство которых видит в них главнейшее препятствие к сближению с господствующей школой, не принимая в расчет того, что отвергая их, необходимо отступить от всего учения; меньшинство же не менее добросовестных врачей, напротив того, благославляет эти дозы, признавая их высшим завершением гомеопатии.

Этот спор, где обе партии меряют свои силы, хотя предосудителен, однако ж

оправдывается беспристрастным обсуждением учения на основании добытых данных и предоставляет каждому врачу-гомеопату в распоряжение всю шкалу лекарственных приготовлений, начиная с первоначального вещества до высших делений. Сам Ганеман высказал эту мысль еще в 1813 г., на 58 году жизни, в предисловии к своему трактату "О Мышьяке". Вот его слова:

"Умный врач отнюдь не должен ограничивать собственную пытливость и наблюдательность каким бы то ни было школьным воззрением.

Круг его деятельности обнимает собою исцеление человека, почему все бесчисленные лекарственные деятели на земле, без всякого исключения, неограниченно предоставлены в его распоряжение Жизнедателем. Врачу, устранителю болезни, стремящейся к уничтожению человека, предоставлена вся природа, со всеми ее веществами и деятелями, для осуществления этой цели; но он также должен действовать совершенно свободно и употреблять все эти лекарства в количестве настолько малом или настолько большом, насколько нужно для выполнения задачи, руководствуясь указаниями наблюдения и опыта, притом именно в той форме, какую укажут ему личные соображения

и опыт. Во всех этих случаях, владея всеми нужными знаниями, он не подчиняется ни малейшему ограничению и действует как свободный человек и сознательный врач".

Если Ганеман в последние годы жизни придерживался постоянно и даже почти исключительно бесконечно малых приемов и даже 30 деление принял за нормальный прием, то мы отнюдь не обязаны слепо придерживаться его взгляда в этом отношении, хотя должны относиться к нему не иначе, как с благодарностью, так как этим путем исследователь достиг чудного открытия, выяснил неизвестную до него и невероятную силу лекарства и достойно увенчал свое учение, чего не отвергают гомеопаты даже крайней левой стороны.

"Не предвзятое мнение, не фантазия или причуда, - говорит он в своем предисловии к **Хине**, - привели меня к этому уменьшению дозы, но многосторонние опыты и наблюдения, которые ясно указали мне, что усиленные приемы, даже в случае приносимой ими пользы, действуют все-таки сильнее, чем нужно для излечения. Поэтому малые, даже малейшие дозы оказываются наиболее соразмерными для цели исцеления". Усиленными растираниями и взбалтываниями с нелекарственными веществами (молочным сахаром и алкоголем) он

учил нас развивать лекарственную силу в совершенно нелекарственных веществах, каковы: мел, кремнезем, поваренная соль, - силу, которую до него никто даже не подозревал в них. Подобно ему, мы также, посредством этих бесконечно малых делений, ежедневно наблюдаем исцеления, которые невольно изумляют нас и открывают как бы новый свет.

Что касается неверующих, утверждающих, что это **ничто**, как им угодно называть наши высокие деления, не может вылечить больного человека, то мы укажем им только на более старый вопрос о происхождении и естественных свойствах **естественных деятелей**, вызывающих болезни человека. Если в сфере "невесомых", которые бесконечно меньше и тоньше наших высоких делений, мы не затрудняемся признавать агентов, которые служат причиной столь грубых материальных заболеваний, то почему же отказывать нашим лекарственным деятелям в способности **действовать специфически на эти естественные болезненные агенты**, нейтрализовать, устранять и пресекать дальнейший ход заболевания? В организме причина и действие не подлежат количественному сравнению и отнюдь не представляют собою эквивалентов; дело гораздо более зависит

от пункта, на который подействует болезненный или лекарственный деятель.

Взглянем на заслуги нашего автора для медицины вообще.

На одном из лучших мест Лейпцига возвышается памятник Ганеману, но память о нем на земле, конечно, будет долговечнее всякого вещественного монумента. Действительно, он создал новую эру в медицине. Он пошатнул в самом основании положения современной ему медицинской иерархии и, заручившись наблюдением и опытом, дал медицине новую, общую основу лечения.

Он вспахал заново каменистую почву лекарствоведения и собрал с него богатую жатву драгоценных лекарственных деятелей.

Он вырвал с корнем старые лекарственные смеси и на место фантастических составов дал простое лекарственное вещество.

Принцип его лечения **допустил** и принудил его довести уменьшение лекарственной дозы без утраты лечебной способности до таких пределов, что о неумышленных отравлениях не может быть и речи. Таким образом, в руках этого врача лекарства перестали быть обоюдоострым

мечом, способным поражать не только болезнь, но и больного.

Отвергая лекарственные примеси в пищу, он упростил диету и сделал ее более сообразною с условиями гигиены.

Он отверг лечение форм болезней и установил правило, что врач должен лечить не **названия недугов**, но **больных людей**, состояние которых **фотографически** выражается совокупностью крупных и тонких симптомов, составляющих нераздельное **целое**.

Позднейшие открытия медицины, которых она достигла косвенными путями, были по большей части высказаны или намечены уже Ганеманом.

Медицинский нигилизм, прикрывающий наготу свою флагом **выжидательного метода**, победил господствующую школу современников Ганемана; что касается нашего времени, то больничные отчеты должны доказать, кто более счастливый конкурент с этим пассивным методом, гомеопатия или господствующая школа.

Указав значение нашего автора для медицины вообще, скажем несколько слов о

предлагаемой книге - одном из капитальных его произведений.

Органон Ганемана представляет систематическое изложение и оправдание его терапевтического метода. Этому сочинению предшествовали многие статьи в **Журнале Гуфеланда**, главном медицинском органе того времени в Германии. Он был впервые издан в 1810 г. Второе издание появилось в 1819; третье - в 1824; четвертое - в 1829; пятое и последнее - в 1833¹ г. Все издания, кроме третьего, представляют значительные изменения, без знакомства с которыми невозможно сделать верную оценку самого произведения. Так, например, гипотеза о происхождении многих хронических болезней от псоры, еще недавно авторитетно выставленная как одна из существенных основ гомеопатии, впервые является только в четвертом издании. Теория динамизации лекарств, т. е. возрастания их силы вследствие измельчения путем растирания и взбалтывания, собственно, приведена только в последнем, пятом издании. Учение **о жизненной силе** как источнике всех явлений жизни и сфере, в которой начинается болезнь и действует лекарство, считается многими последователями Ганемана

---

¹ Русский перевод четвертого издания "Органона" относится к 1835 г.; он устарел и, кроме того, составляет уже библиографическую редкость.

существенной частью его философии. Между тем эта мысль впервые упоминается лишь в четвертом издании и развивается в пятом (§§ 9-16).

Несколько странное название книги объясняется, по всей вероятности, примером Аристотеля, различные сочинения которого о логике были собраны в одно под названием **Органон**. Логика - искусство мышления - есть орудие исследований и открытий. Ганеман обозначил свой метод медицинской логикою - орудием, посредством которого врач имел бы возможность открывать наилучшие средства против болезней. Впрочем, непосредственным примером ему служил, без сомнения, Бэкон. Вторая книга сочинения последнего *Instauratio magna* носит название *Novum Organum* и излагает новый способ мышления, который при научных исследованиях должен был повести к небывалому развитию познаний. Претензия Ганемана сделать для медицины то, что Бэкон сделал для науки вообще, считается некоторыми дерзостью. Между тем никаким другим сравнением нельзя было бы яснее выставить Ганемана истинное положение, как относительно его заслуг, так и недостатков. Если он заблуждался по некоторым отдельным вопросам патологии и даже практики, то вспомним, что и Бэкон

скептически относился к астрономии Коперника и осмеивал учение Гарвея о кровообращении, а в то же время допускал возможность превращения простых металлов в золото. С другой стороны, цель **Органона** проникнута истинным духом Бэкона. Подобно своему великому прототипу, Ганеман приглашает отбросить в сторону паутинные умозрения и заняться терпеливым исследованием фактов. Подобно ему, он выставляет все значение **практического** в медицинской философии и посвящает свои главные усилия выяснению и совершенствованию метода, предлагаемого им для **благодеяния человека**, предоставляя грядущим поколениям привести его в исполнение. В медицине может появиться второй Декарт, одаренный более проницательным взглядом на отдельные отрасли нашего искусства, но Ганемана всегда будут признавать Бэконом терапии, плодотворным мыслителем, показавшим, в чем должна состоять наша цель как врачей и каким образом она может быть всего легче достигнута.

В пятом издании были выпущены **случаи неумышленных гомеопатических излечений** и приводится только ссылка на них. Мы позволили себе для полноты книги привести эти наблюдения из четвертого издания в переводе,

хотя достоинство их, конечно, не одинаково². Некоторые из этих наблюдений вовсе не имеют значения, другие являются сомнительными, остальные же (больше половины) могут выдержать критику. Исцеления эти описаны лучшими наблюдателями того времени, употребленные средства были несомненно гомеопатичны болезням и благотворное действие их невозможно приписать никакому иному способу лечения.

Наиболее уязвимая сторона положения Ганемана состоит в его исключительности, в утверждении, что его метод применим ко всем нехирургическим болезням и что всякие другие способы употребления лекарств излишни и вредны. Эта исключительность, между прочим, побудила его рассматривать глисты как продукты организма и не признавать чесоточного клеща возбуждающею причиною чесотки, а также повела к отрицанию паллиативных средств. Мы должны извинить ее, как энтузиазм человека, сознававшего все громадное значение основанного им метода и естественно побуждаемого применять его везде и безусловно.

---

² В связи с тем, что книги XVII-XVIII вв., упоминаемые автором, являются библиографическими раритетами и малодоступны читателю, ссылки на них в разделе "Примеры гомеопатических излечений" опущены.

Взгляды Ганемана на дозу оцениваются неверно, потому что мы знакомы только с пятым изданием **Органона**. В 1829 г., по выходе уже четвертого издания, у него возникла злополучная мысль обеспечить однообразие в практике употреблением одного деления для всех лекарств, а именно дециллионного, т. е. 30-го сотенного. В первых же четырех изданиях нет такого ограничения и вообще излагаемые в них правила дозологии вполне умеренны и рациональны. Доза гомеопатически выбранного средства, говорится в них, очевидно, должна быть менее той, какая нужна для получения антипатического или аллопатического действия. Излишек приема возбудит ухудшение и побочные страдания. Прием должен быть настолько уменьшен, чтобы первичное ожесточение (которое Ганеман считал неизбежным результатом) было едва заметно и, по возможности, кратковременно. Это должно зависеть от свойства назначаемого лекарства, и на этот счет автор отсылает к своему *Reine Arzneimittellehre*, где рекомендуются дозы, начиная от цельной тинктуры и доходя до 30 деления, причем, однако же, последнее считается исключительно высоким. Он объясняет (как мы указали выше), что только опыт довел его до таких разжижений, и вместе с тем указывает на их

рациональность ввиду возвышенной чувствительности больного организма и на то обстоятельство, что от разведения сила лекарственного вещества не ослабляется соразмерно уменьшению его объема. Таким образом, эти дозы являются простыми вопросами фактов и опыта.

Что касается гипотез книги, то от них она, конечно, ничего не выиграла. Переселившись в 1821 г. из Лейпцига в Кётен, Ганеман променял деятельную общественную жизнь на уединение и узкость. В уме его возникло царство гипотез физиологических, патологических, фармакологических. Созданные по этим трем отраслям мышления теории проникли в позднейшие издания **Органона**, но отнюдь не составляют сущности сочинения, являющегося вполне законченным целым без этих вставок. К последним относятся теория жизненной силы, теория псоры и теория динамизации (представляющей вопрос совершенно отдельный от бесконечно малых доз). Все это догматически выраженные, но не доказанные положения, которые вносят в книгу новый, сомнительный элемент и не могут выдержать строгой критики.

Впрочем, помимо всех этих недостатков, **Органон** Ганемана, по нашему мнению, должен служить главным и первым учебником

всякому начинающему гомеопату как произведение, замечательное по логичности и ясности изложения, по простоте и полноте концепции. Мы можем отказаться от всех его теорий, хотя бы и остроумных, утилизируя только массу наблюдений, на которых они построены, ибо практика гомеопатии не подчинена тесному кругу априористических выводов, причем даже незначительный уклон может иметь роковое значение, но **укреплена на своей почве тысячью фактов**, подобно могучему дубу, с которого порыв бури может срывать только листву и засохшие побеги, без вреда для целостности и красоты гиганта. В наше время необходимо смотреть на **Органон** именно с этой точки зрения. "Мы должны читать его, - говорит один из наилучших деятелей гомеопатии, - **собственными глазами**, отделяя факт от гипотезы, и тогда найдем в этом произведении неисчерпаемую массу остроумнейших наблюдений, тонких соображений и обильный источник вопросов, обличающих глубокого мыслителя, какие являются только веками".

В. Сорокин

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Биография Ганемана. Раскол между гомеопатами. Заслуги Ганемана для медицины. Современное значение **Органона**.

ВВЕДЕНИЕ

Взгляд на существующие способы лечения, на аллопатию и паллиативное лечение господствующей медицинской школы

Неврачи точно так же находят исцеление при выборе средств по закону подобия как единственному, изобилующему удачными результатами.

Примечание. Изопатия.

Даже врачи старого времени отдавали предпочтение этому способу.

Примеры гомеопатических излечений.

ТЕКСТ ОРГАНОНА

§§ 1-2. Единственное назначение врача заключается в быстром, возможно легком и надежном исцелении.

Примечание. Не в построении теоретических систем и объяснительных опытов.

§§ 3-4. Дабы применить правильно лекарство и поддержать здоровье больного, врач должен уметь отыскать средство, исцеляющее болезнь и изучать круг врачебного действия разных лекарств.

§ 5. При лечении вспомогательным средством служит исследование поводов, основных причин болезни и других обстоятельств.

§ 6. Для врача болезнь выражается единственно совокупностью симптомов, в которых она проявляется.

Примечание. Для старой школы определение сущности болезни (*prima causa*) невозможно.

§ 7. Приняв во внимание обстоятельства, указанные в § 5, врачу для излечения

болезни требуется только составить себе картину совокупности симптомов. *Примечание а.* Обстоятельства, способствующие болезни и ее поддерживающие, должны быть устранены.

Примечание б. Непригодность симптоматического (паллиативного) способа лечения, основанного на одном каком-либо симптоме.

§ 8. С исчезновением всех симптомов исчезает и внутренняя причина болезни.

Примечание. Для старой школы это кажется непонятным.

§ 9. В здоровом состоянии организм оживляется и содержится в гармоническом порядке духовною силою (автократия, жизненная сила).

§ 10. Без этой оживляющей, духовной силы организм мертв.

§ 11. В болезни подвергается прежде всего расстройству жизненная сила; страдания свои она выражает в ненормальности ощущений и деятельности организма.

Примечание. Для лечения безразлично, то есть врачу нет необходимости знать то, каким именно путем или

- способом жизненная сила воспроизводит симптомы болезни.
- § 12. Уничтожением посредством лечения всех болезненных симптомов уничтожается одновременно также и болезненное состояние жизненной силы, т. е. внутреннее и внешнее проявление болезни.
- § 13. Признавать болезни нехирургические за что-то особенное, гнездящееся в человеке, ему присущее, - пагубное заблуждение, усвоенное аллопатией.
- § 14. Все излечимое болезненное может быть познано врачом по болезненным симптомам.
- § 15. Страдания, болезненное состояние жизненной силы и вызываемые ими симптомы болезни составляют одно неразрывное целое - одно и то же.
- § 16. Наша духовная жизненная сила может подвергаться заболеванию только под давлением духовных болезнетворных влияний; равным образом исцелять ее может только духовное (динами-ческое) действие лекарств.
- § 17. Таким образом, врачующему для полного исцеления болезни необходимо

познать, уяснить себе суть признаков болезни.

Примечания 1 и 2. Доказательные примеры.

- § 18. Совокупность симптомов служит единственным указанием для выбора лекарства.
- § 19. Различные болезненные проявления (симптомы болезни) могут излечиваться исключительно теми лекарствами, которые обладают способностью вызывать в здоровом организме совершенно подобные же болезненные явления.
- § 20. Эта способность лекарств вызывать болезненные проявления может быть изучена единственно по действиям их на здоровых людей.
- § 21. Болезненные симптомы, вызываемые лекарствами в здоровых людях, составляют единственно то, что позволяет нам познать целебную силу этих лекарств.
- § 22. Если опыт показывает, что болезнь вернее и надежнее всего исцеляется лекарствами, вызывающими подобные свойственным ей симптомы, то при лечении следует прибегать к

лекарствам, соответствующим закону подобия; когда же опыт показывает, что она вернее и надежнее исцеляется средствами, вызывающими симптомы, противоположные болезненным, тогда лечить должно лекарствами, отвечающими закону противоположности.

Примечание. Употребление лекарств, симптомы которых не имеют существенного отношения к симптомам болезни, не производит в организме новых болезненных явлений и составляет аллопатический способ лечения, подлежащий устранению.

§ 23. Лекарствами с противоположными симптомами (антипатическое лечение) длительные (хронические) болезненные симптомы не исцеляются.

§§ 24-25. Только остающийся затем гомеопатический способ лечения посредством лекарств с подобными симптомами оказывается, как доказано на опыте, единственным, дающим в изобилии благотворные результаты.

§ 26. Такое благодетельное его действие основывается на целебном законе природы, по которому более слабое

динамическое расстройство живого человеческого организма прочно устраняется только возможно подобным ему, более сильным, отличающимся от него только по виду.

Примечание. Происходит это безразлично, как при физических, так равно и при моральных страданиях.

§ 27. Поэтому целебная сила лекарств заключается в их симптомах, подобных симптомам болезни.

§§ 28-29. Опыт объяснения упомянутого целебного закона природы.

Примечание. Доказательство его.

§§ 30-33. Человеческое тело более способно расстраиваться силою лекарств, чем естественными болезнями.

§§ 34-35. Верность целебного гомеопатического закона доказывается как неудаче негомеопатического лечения застарелых болезней, так и тем, что при существовании в организме двух неподобных между собою болезней одна не уничтожается и не исцеляется другою.

§ 36. I. Застарелая болезнь в теле препятствует появлению в нем неподобной ей новой болезни, если только

- последняя будет равносильна или слабее первой.
- § 37. Таким образом, хронические болезни не поддаются слабому негомеопатическому лечению.
- § 38. II. Новая, более сильная болезнь, поражающая уже больного человека, только подавляет, заглушает на время своего существования его прежнюю неподобную ей болезнь, но не исцеляет ее.
- § 39. Точно так же сильно действующие аллопатические средства, не обладающие способностью вызывать симптомы, подобные симптомам болезни, не исцеляют, а только заглушают на время своего действия хронические болезни; по прекращении же их действия хроническая болезнь снова проявляется с прежнею и еще большею силою.
- § 40. III. Или же новая болезнь, после продолжительного действия на тело, присоединяется к прежней, ей неподобной, и этим путем образуется двойная (осложненная) болезнь; ни одна из этих двух неподобных между собою болезней не уничтожается другой.

- § 41. При обыкновенном способе лечения под влиянием продолжительного употребления сильнодействующего несоответствующего (аллопатического) средства образуется гораздо чаще, чем без всякого лечения, новая искусственная болезнь, которая присоединяется к прежней, неподобной ей (следовательно, неизлечимой употребленным средством), естественной болезни и делает хронического больного вдвойне больным.
- § 42. Сопряженные указанным путем болезни вследствие неподобия их между собою занимают в организме свойственное каждой из них место.
- §§ 43-44. Совершенно другое происходит при поражении уже больного организма новою сильною болезнью, но подобною старой; тут старая уничтожается и исцеляется новою.
- § 45. Объяснение этого явления.
- § 46. Примеры исцеления хронических болезней случайным появлением других, им подобных и более сильных.
- §§ 47-49. Даже из болезней, встречающихся в природе (естественным путем), уничтожать и исцелять другую может

- исключительно та, которая характеризуется признаками, ей подобными, не подобные же болезни никогда не искоренят одна другую - назидательное указание для врача касательно средств, которыми он должен лечить, т. е. исключительно гомеопатически.
- § 50. В природе встречается мало подобных друг другу взаимноисцеляющих болезней и самое исцеление их одна другою сопряжено со многими неудобствами.
- § 51. Врач, напротив того, обладает бесчисленными целебными средствами, свободными от указанных неудобств.
- § 52. Следовательно, сама природа учит врача лечить и исцелять исключительно средствами, избираемыми по закону гомеопатии, но не другими, так как последние никогда не исцеляют, а только вредят больному.
- §§ 53-54. Существуют только три способа применения лекарств к врачеванию болезней: 1) единственный, богатый успехами - гомеопатический.
- § 55. 2) Аллопатический или гетеропатический

§ 56. 3) Антипатический (энантиопатический), паллиативный.

Примечание. Сомнительность изопатии.

§ 57. При каком способе лечения лекарство с противоположным действием (*Contraria contrariis*, неподобными симптомами) предписывается против одного какого-либо симптома болезни. Примеры.

§ 58. Такой антипатический способ ошибочен как потому, что направляется исключительно против одного симптома болезни, так и потому еще, что в упорных, продолжительных болезнях он после кажущегося временного облегчения производит действительное ухудшение.

Примечание. Указание на литературу.

§ 59. Вредные последствия некоторых антипатических лечений.

§ 60. Усиленные повторительные дачи паллиатива также никогда не исцеляют хронической болезни, а напротив того, еще более вредят ей.

§ 61. Отсюда врачи должны были бы убедиться в пользе единственно

- противоположного ему, т. е. гомеопатического применения лекарств.
- § 62. Причины, основание, вред паллиативного и польза единственно гомеопатического применения лекарств.
- § 63. Различие между проявляющимся при действии каждого лекарства первичным его действием и развиваемым вслед за тем со стороны живого организма (жизненную силу) противодействием или последующим действием.
- § 64. Проявление первичного и последующего действий.
- § 65. Примеры того и другого.
- § 66. Проявление последующего действия жизненной силы восстановлением равновесия в здоровье выказывается единственно при даче лекарств в гомеопатических дозах.
- § 67. Из приведенных истин вытекает целебность гомеопатического и обратное действие антипатического (паллиативного) способов лечения.

Примечание. Случаи, в которых еще может быть допущено антипатическое применение лекарств.

§ 68. Каким образом вытекает из приведенных истин целебность гомеопатического способа лечения?

§ 69. Каким образом вытекает из тех же истин вред антипатического способа?

Примечание 1. Противоположные ощущения не нейтрализуются взаимно в человеческих чувствах подобно тому, как это совершается в химии с противоположными веществами.

Примечание 2. Доказательный пример.

§ 70. Краткое понятие о сущности гомеопатического лечения.

§ 71. Три существенно необходимых условия для лечения: 1) исследование болезни, 2) исследование, знание действия лекарств и 3) целесообразное применение.

§ 72. Общий обзор болезней: острых, хронических.

§ 73. Острые болезни отдельные, спорадические, эпидемические, острые миазмы.

§ 74. Самые тяжкие хронические болезни вызываются аллопатическим лечением.

- § 75. Эти болезни наиболее трудно излечимы.
- § 76. В каких случаях по уничтожении причинной (основной) болезни гомеопатическими средствами здоровье может быть восстановлено единственно при условии достаточной жизненной силы и часто в течение продолжительного времени.
- § 77. Ненастоящие хронические болезни.
- § 78. Настоящие хронические болезни; все они происходят от хронических миазмов.
- § 79. Сифилис и сикозис.
- §§ 80-81. Псора; она является матерью, родоначальницей всех настоящих хронических болезней, за исключением сифилитических и сикозных.
- Примечание.* Номенклатура болезней в обыкновенной патологии.
- § 82. Из имеющихся против таких хронических миазмов, именно против псоры, специфических врачебных средств требуется для каждого отдельного случая хронической болезни самый тщательный выбор лекарства.
- § 83. Условия для распознавания картины болезни

§§ 84-99. Наставление, как поступать врачу при исследовании болезни и составлении ее картины.

§§ 100-102. Исследование эпидемических болезней в частности.

§ 103. Точно таким же путем надлежит поступать для выяснения основных причин хронических (несифилитических) болезней и восстановления общей картины псоры.

§ 104. Польза письменного изложения картины болезни, как для начала, так и для всего хода лечения.

Примечание. Приемы врачей старой школы при исследовании состояния болезни.

§§ 105-114. Предостережение относительно исследования действия чистых лекарств на здоровом человеке. Первичное действие. Последующее действие.

§ 115. Переменное действие лекарств.

§§ 116-117. Идиосинкразия.

§§ 118-119. Каждое лекарство имеет свое отличное от других действие.

Примечание. Суррогаты немислимых.

- § 120. Поэтому каждое лекарство подлежит тщательному исследованию на особое, свойственное ему действие.
- §§ 121-140. Каким образом следует поступать при испытании лекарств на других лицах?
- § 141. Испытание лекарства здоровым врачом на самом себе оказывается всегда наилучшим испытанием.
- § 142. Испытание чистого действия лекарств на больных затруднительно.
- §§ 143-145. Только на основании исследования чистого действия лекарства на здоровых и может быть составлена точная и верная *materia medica*.
- § 146. Наиболее целесообразный способ применения к лечению известных лекарств, характеризующихся особым, своеобразным действием.
- § 147. Наиболее гомеопатичное, соответствующее болезни лекарство всегда будет верным и специфическим целебным средством.
- § 148. Указание, как должно вести гомеопатическое лечение.
- § 149. В свежих болезнях гомеопатическое лечение помогает быстро; в

хронических же требует сравнительно больше времени.

Примечание. Отличие чистого гомеопата от последователя смешанной секты.

- § 150. Незначительное соответствие лекарства болезни.
- § 151. Серьезные болезни выражаются многими симптомами.
- § 152. Наличие многих выдающихся симптомов значительно облегчает надежный выбор подходящего гомеопатического средства.
- § 153. На какой именно род симптомов должно быть в подобных случаях обращено преимущественное внимание.
- § 154. Гомеопатическое средство в надлежащем приеме излечивает без значительного ожесточения.
- § 155. Причины такой легкости исцеления.
- § 156. Причины некоторых мелких исключений из сказанного.
- §§ 157-160. Искусственная лекарственная болезнь, возможно подобная лечимой естественной, но несколько превосходящая ее по силе, называется также гомеопатическим ухудшением.

- § 161. В хронических (псорических) болезнях от употребления гомеопатических (антипсорических) средств появляется по временам гомеопатическое ухудшение, продолжающееся по нескольку дней.
- §§ 162-171. Как следует поступать в тех случаях, когда при лечении запас известных гомеопатических средств оказывается недостаточным.
- §§ 172-184. Наставление при лечении болезней со слишком недостаточным числом симптомов (односторонних болезней).
- §§ 185-203. Лечение болезней с местными симптомами; лечение их наружными средствами несомненно вредно.
- §§ 204-205. Все настоящие (не одни только вызываемые и поддерживаемые вредным образом жизни) хронические страдания и болезни должны быть лечимы исключительно внутренними гомеопатическими средствами, соответствующими миазмам, лежащим в основании этих болезней.
- § 206. Предварительное ознакомление с причиняющим (основным) болезнью

миазмом, простым или осложненным другим (иногда и третьим) миазмам.

§ 207. Ознакомление с предшествовавшим способом лечения.

§§ 208-209. Предварительное ознакомление с прочими, даже подобными, обстоятельствами, необходимыми для составления полной картины хронических болезней.

§§ 210-230. Лечение так называемых душевных болезней.

§§ 231-232. Периодические болезни. Перемежающиеся.

§§ 233-234. Типичные периодические болезни.

§§ 235-244. Перемежающаяся лихорадка.

§§ 245-251. Способ употребления лекарств.

Примечание. Дозы. Их повторение.

§§ 252-256. Признаки начинающегося улучшения.

§§ 257-258. Пристрастие к любимому средству и несправедливое расположение к другим.

§§ 259-261. Образ жизни (гигиена) в хронических болезнях.

Примечание. Вредные в образе жизни предметы.

§§ 262-263. Диета в острых болезнях.

§§ 264-266. Выбор настоящих укрепляющих лекарств.

Примечание. Изменения, совершающиеся в не-которых веществах вследствие приготовления их в пищу.

§ 267. Приготовление в наиболее крепкой и прочной форме лекарств, выделяемых из свежесобранных трав.

§ 268. Сухие растительные вещества.

Примечание. Приготовление порошков для сбережения впрок.

§§ 269-271. Особый, свойственный гомеопатии способ обработки сырых лекарственных веществ в видах возможно большего развития их целебной силы.

§§ 272-274. Больному при каждой даче лекарства должно быть даваемо только одно простое (чистое) средство.

§§ 275-287. Величина доз при гомеопатическом лечении - каким путем они усиливают или ослабляют силу своего действия.

§§ 288-292. Какие части тела наиболее и какие наименее восприимчивы к действию лекарств?

Примечание. Преимущество нюхания высоких делений.

ВВЕДЕНИЕ

Обзор способов лечения, употребляемых до настоящего времени врачами старой школы

С самого начала своего существования человечество вследствие разнообразных физических и нравственных причин постоянно подвергалось различным болезням, иногда принимавшим в большей или меньшей степени повальный характер. В первобытном состоянии человек мало нуждался в лекарствах благодаря простоте образа жизни, причем заболевания были явлением редким, но с дальнейшим развитием человечества, при образовании государств, умножились причины заболеваний и соразмерно с тем росла потребность в помощи против них. Таким образом, вскоре после Гипократа, т. е. начиная с IV столетия, люди принялись за изучение болезней и при помощи анализа и догадки самонадеянно пытались

изыскивать необходимые против них лекарства. Всякий судил по-своему; отсюда бесконечное разнообразие во взглядах на свойства и лечение болезней и масса измышленных теорий или систем, из которых каждая противоречила другим, а иногда и самой себе. Каждая из этих остроумных теорий вначале поражала глубиною и правдивостью, доставляя своему автору множество последователей, благоговевших перед кабинетным произведением; однако блистательная теория вскоре оказывалась бесполезной для практики и легко вытеснялась новым, часто совершенно противоположным учением, которое, в свою очередь, уступало место другому. Все такие теории представляли систему хитро придуманных выводов, по-видимому, верных, но поверхностных, не вытекающих из наблюдений природы и опыта, вследствие чего они годились разве только для учебных диспутов, а отнюдь не для применения на практике, у постели больного.

Таким образом вырабатывался особый метод лечения болезней, не имевший ничего общего с упомянутыми теориями и предлагавший неизвестные, сложные лекарства против произвольно установленных форм заболевания; построенный на материалистическом взгляде вопреки указаниям опыта и наблюдений

природы, он, конечно, мог вызвать только дурные последствия; мы разумеем старую медицину, так называемую аллопатию.

Я не отвергаю заслуг, оказанных врачами вспомогательным медицинским наукам, наукам естественным - физике и химии, естественной истории в ее многообразных отраслях и истории человека в особенности; не отрицаю того, что многие из них с успехом работали над антропологией, физиологией, анатомией и проч. Здесь я намерен рассмотреть только практическую сторону медицины, лечение в собственном смысле, и желаю показать, насколько оно до настоящего времени было несовершенно. Конечно, я отнюдь не предложу для поддержания драгоценной человеческой жизни карманную книжку рецептов и вообще не придаю никакой цены этим произведениям рутины и посредственности, хотя частое появление подобных книг в публике, к несчастью, указывает еще на значительное их употребление. Рассмотрим только собственно ученый способ лечения, имеющий притязание на авторитет, опираясь на свою древность.

Врачи этой старой школы гордятся тем, что они одни имеют право называться представителями рациональной медицины, так как они в каждом данном случае стараются отыскать

причину болезни и устранить ее, основываясь на действиях самой природы.

"*Tolle causam!*" - повторяют они беспрестанно; но этот надменный клик несколько не оправдывается на деле. Они только воображают, что нашли причину болезни, в действительности же не находят ее, так как она не может быть найдена и определена. Большинство заболеваний отличается неуловимым началом и характером, так что причину их нельзя определить осязательно; отсюда понятно, что ее надо было выдумать. Изучая различные части организма здорового, случайно умершего человека, как нам представляет их рассечение трупа (анатомия), и сравнивая их с видимыми изменениями тех же частей на трупе умершего от болезни (патологическая анатомия); наблюдая затем отправления здорового тела (физиология) с разнообразными от них отступлениями, имеющими место при бесчисленных формах заболевания (патология, семиотика), последователи упомянутой школы старались вывести заключение относительно неуловимых изменений в недрах живого человека при его болезненном состоянии. Этот-то невидимый, неуловимый образ болезни они называют *prima causa morbi* - первичной или ближайшей причиной болезни, которая в то же время, по их мнению, есть

сущность болезни, самая болезнь, хотя по законам здоровой логики причина какого-либо события или случайности никак не может быть этим самым событием или случайностью. Нельзя не удивляться, как могли они без самообольщения создать это невидимое существо и неопределимый предмет лечения, назначать против него лекарства, действия которых были им также неизвестны, и вдобавок еще смешивать эти лекарства по так называемым рецептам.

Однако же, задавшись грандиозной целью отыскать внутреннюю, невидимую, априористическую причину болезни, врачи старой школы, или по крайней мере наиболее благоразумные из них, обыкновенно ограничивались определением общего характера¹ каждой данной болезни на основании ее симптомов. Так, например, они определяли недуг смотря по тому, выражается он судорогами, слабостью, параличом, лихорадкой, воспалением, затвердением, завалом того или другого органа, полнокровием, недостатком или излишком кислорода, углерода, водорода, азота в соках, повышением или понижением артериального, венозного или капиллярного давления, тем или

---

¹ Врач, лечащий болезни хотя бы гомеопатическими средствами, но на основании только общего характера болезни, отнюдь не может назваться гомеопатом, так как гомеопатия немыслима без подробного обособления данного случая.

другим соотношением между проявлениями чувствительности, раздражимости и воспроизведения. Отсюда возник ряд гадательных предположений, которые старая школа почтила названием причинных показаний (*indicatio causalis*) и считала единственным возможным в медицине рациональным началом. На самом деле эти гипотезы слишком обманчивые и непригодные для практического применения; они только льстили самолюбию ученого автора, но если б даже и были верны, ни в каком случае не могли служить надежным руководством для назначения лекарств.

Как часто приходится наблюдать в одной части организма воспаление и одновременно в другой судороги или паралич! Где же найти лекарства, которые могли бы верно действовать против таких случаев с двойным характером? Врачевать с успехом могли бы здесь только средства специфические, т. е. такие, действие которых аналогично с данным болезненным раздражением, словом, лекарства гомеопатические, между тем употребление таковых, как крайне вредных, запрещалось и преследовалось старой школой² на основании опыта, учившего,

---

² "Если опыт доставлял нам иногда понятие о гомеопатическом действии лекарств, действительности которых нельзя было объяснить, то дело решали обыкновенно тем, что называли их лекарствами специфическими, хотя это название само по себе ничего не выражает и несколько не

что при усиливающейся во время болезни восприимчивости к аналогичным раздражениям упомянутые лекарства, назначенные в больших дозах, оказываются опасными для жизни; о дозах же гомеопатических старая школа не имела ни малейшего понятия. Итак, прямым, естественным путем, при помощи гомеопатических или специфических лекарств, нельзя было пользоваться больных; притом, даже помимо запрета со стороны старой школы невозможно было применять этот способ просто потому, что большинство лекарственных сил было еще неизвестно.

Тем не менее представители старой школы пытались идти к цели по возможности кратчайшим путем и думали непосредственно способствовать уничтожению болезни устранением ее мнимоматериальной причины; но при рассмотрении болезней и изыскании причинных показаний они никак не могли отказаться от своих материалистических взглядов и признать духовно-телесный организм человека существом настолько утонченным, что те изменения в его чувствах и деятельности, которые мы называем болезнями, вызываются у него единственно

разъясняет предмета. Средства однородные (специфические и гомеопатические) вообще издавна запрещались нам как чрезвычайно вредные". Rau, *Über d. homoop.* Heilverf. Heidelberg, 1824, s. 101, 102.

динамическими воздействиями; напротив того, они приписывали ненормальным, изменившимся от болезни веществам, то образующим различные отложения в теле, то выделяющимся из организма, значение веществ, если не причиняющих, то уж во всяком случае, благодаря их так называемому обратному воздействию на организм, поддерживающих страдание. Исходя из таких соображений, они наивно думали, что, стараясь удалить эти воображаемые материальные причины болезни, они практикуют метод причинного лечения. Отсюда при желчных лихорадках старательное удаление желчи путем возбуждения рвоты³; рвотное при так называемых расстройствах желудка⁴; настойчивое

---

³ Рау, издавший в 1824 г. свое сочинение "О преимуществах гомеопатического метода", тогда был еще не вполне посвящен в гомеопатию; но и тогда уже, исходя из убеждения, что даже этого рода лихорадки возникают вследствие динамических причин, с успехом лечил их несколькими незначительными приемами гомеопатического лекарства, не употребляя вовсе рвотных, о чем приведены в его сочинении два весьма веских факта.

⁴ При остром расстройстве желудка, сопровождаемом отвратительной отрыжкой, тоскливым расположением духа, охлаждением конечностей и другими общеизвестными признаками, обыкновенный врач прежде всего обращал внимание на испортившееся содержимое желудка и удалял его начисто значительным приемом рвотного; с этой целью вместе с рвотным корнем обыкновенно назначалась виннокаменно-кислая сурьма. Но разве после этого больной выздоравливает, становится бодрым и веселым? Вовсе нет.

Вышеупомянутое острое расстройство желудка обусловлено обыкновенно динамическими причинами, каковы например: нравственное потрясение (горе, испуг, злость), простуда, умственное или физическое напряжение, имевшие место непосредственно после еды, хотя бы и весьма

умеренной и т. д. Понятно, что названные нами два лекарства, и тем более вызываемая ими бурная рвота, не способны устранить это динамическое расстройство; мало того, вызывая симптомы болезненного возбуждения, они еще более ухудшают состояние больного: отделение желчи становится неправильным, так что если субъект недостаточно силен, то не смотря на пользование по методу "причинного лечения" и на выведение всего, находившегося в желудке, болезненное состояние продолжается еще несколько дней. Если же больной вместо того, чтобы обращаться к помощи всегда вредно влияющих рвотных, понюхает один только раз слабый раствор сока пульсатиллы (*Pulsatilla*), то он выздоравливает через два часа; болезненное расстройство вообще и расстройство желудка в особенности исчезают немедленно, и если иногда остается еще отрыжка, то она уже лишена дурного вкуса и запаха, так как содержимое желудка пришло к своей норме. Больной здоров, весел и снова обладает прежним хорошим аппетитом. Вот действительное, настоящее "причинное лечение", а то не более, как пародия на него, вредная трата сил больного.

Желудок, переполненный хотя бы и совершенно неудобоваримую пищу, вовсе не требует искусственных рвотных. Природа сама устраняет излишек посредством возбуждения тошноты и соответственной рвоты, которую притом легко вызвать механическим раздражением неба и зева, например перышком; затем небольшое количество кофе нужно только для возбуждения отправления на низ, чтобы удалить этим путем остальное. Такой естественный путь представляет ту выгоду, что побочные влияния искусственных рвотных здесь уже не имеют места.

Если же вследствие чрезмерного переполнения желудок оказывается как бы парализованным, так что не удастся вовсе возбудить рвоты и все старания в этом направлении вызывают только сильную боль в стороне желудка, то указанные два лекарства могут вызвать опасное и часто смертельное воспаление кишок; небольшой прием крепкого кофе, повторенный несколько раз, оказывается в этом случае несравненно более полезным; он незаметно возбуждает желудок и приводит его в такое состояние, что он тем или другим путем (через глотку или кишечник) сам может освободиться от излишнего содержимого. Таким образом, здесь псевдопричинное лечение аллопатов оказывается уже вполне несостоятельным.

Весьма нередко появляющаяся при хронических болезнях едко-кислая отрыжка при помощи рвотного устраняется с большим неудобством для больного, и все же через больший или меньший промежуток времени появляется снова и уже в гораздо сильнейшей степени; между тем она совершенно исчезает, если назначить больному небольшую дозу слабого раствора серной кислоты или, еще лучше, в самых маленьких приемах

выведение глистов вместе с испражнениями, слизи при появлении бледности лица, чрезмерного аппетита, боли и вздутости живота у детей⁵; назначение кровопусканий при некоторых кровотечениях⁶, равно и всевозможные способы извлечения крови⁷ как главное средство

какое-нибудь противосорное средство; в последнем случае необходимо принять в соображение и все другие симптомы, замеченные у больного.

Приведенные примеры достаточно ясно доказывают, к каким грубым ошибкам пришли аллопаты, воображая, что следуют методу причинного лечения. Не обращая внимания ни на вредные последствия, ни на мучения, испытываемые больными, они постоянно стремятся удалить материальный продукт динамического расстройства, не давая себе труда изучить динамические причины, чтобы действовать на последние при помощи гомеопатических средств.

⁵ Эти симптомы указывают на существование псорического худосочия, и их легко устранить, не возбуждая ни рвоты, ни поноса - при помощи легкого противосорного средства.

⁶ Несмотря на то, что в основании почти всех кровотечений лежит то или другое динамическое расстройство жизненной силы, врачи старой школы находят причину их в избытке крови, и всегда назначают кровопускание, дабы удалить этот мнимый излишек жизненного сока; упадок же сил и признаки перехода в тифозное состояние, неизбежно следующие за кровопусканием, они не задумываясь объясняют осложнением болезни, справиться с которою часто оказываются уже не в состоянии. В последнем случае они утешаются тем, что при лечении остались верны своему гордому девизу: *causam tolle* и сделали для больного все возможное; если же он все-таки не выздоравливает, то дальнейшее течение болезни предоставляется воле судьбы.

⁷ Хотя в человеческом организме, вероятно, никогда не бывает ни одной капли лишней крови, старая школа, считая этот воображаемый излишек главной материальной причиной всевозможных кровотечений и воспалений, стремится удалить его назначением кровопусканий или пиявок; такое назначение она считает вполне рациональным, а главное, совершенно согласным с методом причинного лечения.

Имея дело с обыкновенной воспалительной лихорадкой, сопровождаемой острым колотьем в боку, врачи старой школы относят причину ее к свертыванию лимфы в крови, так называемую кровяную кору - сгущенную кровяную патоку - они принимают за *materia pessans* и стараются

удалить ее назначением кровопусканий, не обращая внимания на то, что при последующих кровотечениях она становится еще гуще и тягучее. Таким образом, не понимая, что воспаленная кровь есть результат острой горячки, т. е. болезненного, но нематериального (динамического) воспалительного процесса, и что последний есть единственная причина всех бурных ненормальных явлений в артериальной системе, они не задумываясь выпускали из больного кровь, чтобы уничтожить эту воспалительную кору или воображаемое полнокровие, и выпускали при упорных лихорадках чуть ли не до наступления смерти.

Между тем при назначении ничтожной дозы гомеопатического лекарства, как например, мельчайшего сахарного зернышка, насыщенного децилионным раствором аконита, при воздержании от всяких растительных кислот совершенно исчезают лихорадка, колюще в боку и все прочие грозные симптомы; количество крови не уменьшилось, не употреблено никаких охлаждающих средств, а больной выздоравливает *taximim* через 24 часа (в крови, взятой на пробу из вены, не оказывается ни малейшего следа воспалительной коры). Тот же больной, но подвергшийся лечению аллопатов, если после частых кровопусканий и избежит смерти, продолжает хворать еще несколько месяцев, пока встанет на ноги, сильно истощенный перенесенными страданиями; чаще же он получает холодный отек, изнурительную лихорадку или чахотку.

Кто ощупает спокойный пульс человека за час до наступления колютья в боку, обыкновенно предшествующего появлению озноба, немало удивится, когда два часа спустя при наступлении жара его станут уверять в весьма значительном полнокровии той же особы, необходимо требующем кровоизлечения. У него естественно родится вопрос: каким путем появились в жилах человека в продолжение каких-нибудь двух часов те лишние фунты крови, которые теперь хотят из него выпустить? Очевидно каждому, что теперь у человека крови столько же, ни одним золотником не больше, чем было два часа тому назад.

Таким образом ясно, что аллопаты, назначая кровопускание, извлекают вовсе не лишнюю, обременяющую больного кровь, так как "избыток" крови почти никогда не бывает; они уменьшают лишь "необходимый" для здоровья и жизни запас ее - похищают у больного силы. Это громадная ошибка, исправить которую не могут никакие усилия врачебного искусства. И несмотря на это они все-таки думают, что не изменили превратно понимаемому ими девизу: "*causam tolle*", хотя единственная, указываемая ими причина болезни - излишек крови, - как оказывается, на самом деле не существует. Настоящая причина заключается в динамическом воспалительном раздражении кровеносной системы, на что указывает быстрое и прочное излечение воспалительных лихорадок при употреблении аконита в весьма малых дозах.

против воспаления. Последнее, между прочим, они находят во всякой болезненно раздраженной части тела и лечат приставлением пиявок, часто в весьма большом количестве, слепо следуя примеру одного "кровожадного" парижского врача, подобно овцам, которые даже на бойню идут за передовым бараном. Употребляя такие приемы, они были твердо уверены, что следуют причинным показаниям и лечат совершенно рационально. Во имя метода основательного, "причинного лечения", они извлекали полипы, вырезали или вскрывали искусственным нагноением при помощи местных раздражающих средств холодные опухоли желез, выщипывали мешотчатые и жировые опухоли, оперировали аневризмы, слезные и заднепроходные свищи, ампутировали члены, пораженные костоедою, вырезали скиррозные груди и т. д. Руководствуясь тем же принципом, они употребляли местные, внутрь вгоняющие лекарства: иссушая примочками из вяжущих

Одинаково ошибается старая школа, назначая при местном воспалении так называемое местное кровопускание, преимущественно в виде известного числа пиявок. За временным облегчением редко следует полное выздоровление. Болезненная слабость органа, подвергшегося такому лечению, достаточно ясно указывает, насколько ошибаются те, кто полагает причину воспаления в местном излишке крови; причина заключается в динамическом воспалительном раздражении, которое только кажется местным и легко уничтожается незначительным приемом аконита или белладонны, смотря по обстоятельствам.

средств, как например, окиси свинца, меди или цинка, застарелые гноящиеся язвы; назначали одновременно с этим какое-либо слабительное, которое, не умеряя главного страдания, только лишь обессиливало организм; вытравляли рак, уничтожали бородавки, лечили чесотку мазями из свинцовой, ртутной или цинковой окиси; назначали при воспалении глаз раствор свинца или цинка; предлагали опodelьдок, летучие мази и окуривание киноварью или янтарем для временного облегчения ревматической боли в различных частях тела и т. д. При всем этом они искренно верили, что следуют рациональному методу "причинного лечения", уничтожают зло и побеждают болезнь. Но каковы последствия? Рано или поздно неизбежно появляются видоизменения "излеченной" болезни, переносы ее (*metaschematismus*), охотно принимаемые врачами за новые недуги, и наступают обыкновенно с характером злокачественнее прежнего. Этого, кажется, вполне достаточно, чтобы обрисовать непригодность метода аллопатов, не желающих глубже вникнуть в сущность болезней и лечить динамические причины динамическим же способом.

До последнего (чтобы не сказать до самого последнего) времени аллопаты, при всякой болезни вообще, предполагали присутствие

"болезненного вещества" (*materia pecessans*), которое, по их мнению, должно быть удалено из организма тем или другим путем; из кровеносных и лимфатических сосудов - посредством усиления испарины, возбуждения мочевых органов или слюнных желез; из желез дыхательного горла и ветвей его - отхаркиванием мокроты; из желудка и кишечного канала - при помощи рвотных и слабительных. Поступая так, они думали, что следуют методу "причинного лечения" и уничтожают материальную причину, возбуждающую болезнь.

Делая надрезы на больной коже и постоянно раздражая их посторонними веществами, они обращали эти порезы в застарелые язвы (заволоки, фонтанели) с целью дать выход через эти гноящиеся поверхности для *materia pecessans* из больного организма, подобно тому, как выпускают грязную воду из бочонка. С тою же целью - отвлечь дурные соки и очистить организм от болезненного вещества - они раздражали кожу на продолжительное время шпанскою мушкою и волчьим лыком; на самом же деле всеми такими необдуманными, нелепыми мерами только ослабляли больной организм и затрудняли лечение.

Я понимаю, что по человеческой слабости гораздо удобнее было допустить наглядное и

даже самим пациентам доступное представление о болезненном веществе; удобнее потому, что тогда не приходилось долго задумываться над способами излечения болезни; все дело сводилось к изысканию средств, очищающих кровь и соки, способствующих выделению мочи, пота и мокроты, вычищающих желудок и кишечный канал. Поэтому ни в "materiis medicis" со времен Диоскорида, ни в новых сочинениях этого рода, нигде не встречаются указания на специальное действие, присущее данному лекарству, за исключением, правда, кое-каких замечаний о мнимой полезности его при той или другой болезни. Все направлялось к разъяснению того, способно ли данное лекарство вызвать пот, месячное очищение, усиленное отделение мочи или мокроты; способно ли оно путем рвоты или испражнений очищать пищевод и кишечный канал. Одним словом, все мысли и действия врачей-практиков постоянно были направлены к устранению материальной причины заболевания - к уничтожению болезненного вещества или той воображаемой остроты, которая будто бы лежит в основе болезни.

Понятно, однако ж, что все это были лишь мечты, неосновательные предположения и гипотезы, остроумно придуманные для удобств

терапии, сводившей вопрос о лечении болезней к простой задаче - устранить материальное болезненное вещество (*si modo essent!*).

Свойство и лечение болезней не могут подчиняться подобным фантазиям; болезни не могут для удобства врачей и в угоду пустым, ни на чем не основанным гипотезам перестать быть тем, что они суть на самом деле; они все же останутся динамическим расстройством нашей внутренней жизни, чувств и деятельности, следовательно, расстройством нематериальным.

Нельзя допустить существование материальных причин болезни уже потому, что малейшая доля материального вещества⁸, введенного в кровеносную систему, или тотчас же удаляется из нее жизненной силой, или же, оставшись, влечет за собою смерть. Даже самая маленькая заноза, попавшая в чувствительные части тела, приводит присущее человеческому организму жизненное начало в весьма сильное напряжение, продолжающееся до тех пор, пока вследствие нагноения, боли, лихорадки или

---

⁸ Жизнь подвергается опасности при впрыскивании небольшого количества чистой воды в вену (Mullen B Th. Dizus, History of the royal Society, vol IV).

Атмосферный воздух, введенный в кровеносную систему, причиняет смерть (J. H. Voigt, Magasin fur den neuesten Zustand der Naturkunde, Bd. I. Hf. III. S. 25). Малейшее впущенное в вену количество какой-либо жидкости угрожает жизни (Autenrieth, Physiologie, II, § 784).

гангрены заноза не будет удалена из тела. Зная это, разумно ли допустить, чтобы столь энергичная жизненная сила могла равнодушно переносить в течение многих лет яды лишая, ревматизма, золотухи, вещество сыпи при застарелых сыпных болезнях и т. д. Никто еще до сих пор не мог показать болезненное вещество ревматизма, золотухи и т. д.; но, прислушиваясь к самоуверенным толкам нозологов о существовании болезненного вещества и зная, что вся их теория лечения построена на такой уверенности, невольно подумаешь, что кто-нибудь из них видел это вещество собственными глазами!

Правда, что от прикосновения к коже или при введении в рану некоторых посторонних веществ весьма часто приходится наблюдать развитие болезни вследствие заражения; но и здесь нельзя утверждать, как делает наша патология, что частицы введенного вещества проникли или всосались в кровь⁹. Действительно, самое тщательное обмывание половых органов непосредственно после совокупления не предохраняет от заражения сифилитическим ядом, а здоровому ребенку для заражения оспою достаточно малейшего дуновения из атмосферы

---

⁹ У восьмилетней девочки, укушенной бешеною собакою, укушенное место было тотчас же вырезано врачом; и все-таки через 36 дней она заболела водобоязнью, от которой и умерла через два дня (Med. Comment of Edinb., Dec. I., Vol. II, 1793).

оспенного. В том и другом случае, очевидно, не может быть и речи о материальном, перешедшем в кровь, болезненном веществе, так как ни малейшее весовое количество материи не могло проникнуть в кровь; а между тем в первом случае развивается неизлечимая, лишь вместе с жизнью прекращающаяся, венерическая болезнь, а во втором - не менее ужасный и часто смертельный недуг - человеческая оспа¹⁰. Факт, что письмо, написанное в комнате больного, передает иногда болезнь адресату даже на дальнее расстояние, не менее ясно подтверждает нашу мысль. Нужны ли еще примеры? Достаточно вспомнить, как часто оскорбительное слово производит желчную лихорадку; суеверное предсказание о смерти - самую смерть в

---

¹⁰ При некоторых болезнях выделяются гнилостные вещества и вонючий, разложившийся гной из ран. Чтобы объяснить эти факты и подвести их под теорию болезненного вещества, придумали гипотезу, по которой тонкое заразительное вещество, попадая в тело, действует в нем наподобие фермента, разлагает соки и обращает их также в фермент; последний, разрастаясь, поддерживает болезнь. Но если так, то возможно ли рассчитывать на полное удаление этого фермента, всей этой массы так называемого болезненного вещества при помощи кровоочистительных? Конечно, нет, так как самое ничтожное количество такого фермента, оставшись в организме, снова перерождает соки и развивает болезнь. Оказывается, значит, что болезнь нельзя лечить никаким способом. К подобным противоречиям приводят все вообще гипотезы, хотя бы и остроумно придуманные, если ложно их основание. Вполне развившаяся венерическая болезнь, если только излечена весьма часто сопровождающая ее псора, совершенно прекращается двумя, тремя приемами децилионного деления ртурия, причем общее сифилитическое заражение соков уничтожается навсегда, так как источник недуга уничтожен динамически.

назначенное время, а неожиданное печальное или слишком радостное известие - мгновенную смерть. Где же здесь материальное, болезненное вещество, которое, по утверждению аллопатов, есть причина всякой болезни и без устранения которого невозможно будто бы основательное лечение? К стыду своему, приверженцы разбираемой теории "болезненного вещества" (в прямом, грубом смысле этого слова) легкомысленно игнорируют духовную природу человека и духовно-динамическую силу причин, вызывающих болезнь; они унизились до ремесла пургаторов и, поставив себе задачей уничтожение "болезненного вещества", будто бы присутствующего в больном теле, на самом же деле не существующего вовсе, естественно пришли к тому, что своим "лечением" только вредят здоровью. Неужели эти злокачественные, часто отвратительные выделения, наблюдаемые при некоторых болезнях¹¹, состоят из веществ, развивающих и питающих недуг? Не скорее ли они сами продукт болезни, т. е. динамического беспорядка жизненной силы.

При существовании таких грубых материалистических взглядов на причины возникновения и на самую сущность болезней неудиви-

---

¹¹ Тогда всякий насморк, хронический даже, непременно должен был бы излечиваться тщательным очищением носа.

тельно, что все практические врачи, начиная с незначительных и кончая авторами остроумнейших медицинских теорий, всегда ставили на первом плане удаление воображаемой болезнетворной материи. Удаление это совершалось при помощи усиленного отделения слюны, горловой мокроты, пота и мочи; тщательное очищение крови от болезненной материи (остроты) - при помощи постоянного употребления замысловатых настоек из корней и трав или же путем выцеживания этой материи через заволочки, фонтанели и посредством шпанских мушек и коры волчьего лыка; наконец, через кишечный канал при помощи слабительных, которым для пущей важности придали название "растворяющих" и "разрешающих". Вот арсенал, придуманный для изгнания из тела болезнетворного вещества, никогда не существовавшего и не могущего быть причиною болезней; ибо если наш организм существует посредством начала духовного, невещественного, то и болезни его ничто иное, как нематериальные, динамические отклонения этого жизненного начала от нормы.

Итак, несомненно, что ни одна болезнь, за исключением, конечно, например, страданий желудка от поступления в него веществ несваримых или вредных или, например, болезней

вследствие ран или инородных тел, проникших через кожу, - ни одна болезнь, говорю я, не обусловлена материальным веществом, но каждая состоит единственно в частном, не вещественном, динамическом расстройстве здоровья. Отсюда ясно, что всякие попытки выведения¹² воображаемой болезнетворной материи могут принести только вред.

---

¹² При так называемой глистной болезни представляется, по-видимому, необходимым удаление глистов; но и здесь необходимость только кажущаяся. Небольшое количество плоских и даже круглых глистов можно найти у многих детей; как в этих случаях, так и при появлении глистов того или другого рода в большом количестве причина одна и та же и заключается в псорическом худосочии при дурных гигиенических условиях жизни. Улучшите эти последние, устраните псорическое худосочие, которое в этом возрасте особенно легко поддается лечению, и ребенок здоров навсегда; у него не остается ни одного глиста или только ничтожное количество, которое не будет его беспокоить; тогда как после употребления слабительных, хотя бы и с цитварным семенем, глисты снова появляются в огромном количестве. "А солитер, - возразят мне, - разве не следует выгонять всевозможными средствами это чудовище, созданное для мучений человека?" Да, иногда его выгоняют, но с какими печальными последствиями и с какою опасностью для жизни! Я не желал бы иметь на совести сотни смертей и продолжительных болезней, причиняемых употреблением сильных проносных против этого паразита. Но часто при употреблении даже таких жестоких средств солитер все-таки остается или, по удалении, зарождается снова. Наконец, такой насильственный, часто опасный для жизни способ изгнания солитера вовсе не представляется необходимым, даже нужным. Различные виды тесемочной глисты появляются только при псорическом худосочии и исчезают тотчас же по излечении последнего. При здоровом состоянии пациента глист живет у него совершенно спокойно, не на самых кишках, не на стенках их, а в негодных остатках пищи; в содержимом кишок он находит себе необходимые питательные вещества, не беспокоит человека, давшего ему приют, и совершенно безвреден. Но как только пациент подвергается какой-либо острой болезни, содержимое кишок становится невыносимо для солитера; он начинает беспокоиться и, прицепляясь к чувствительным стенкам кишок, раздражает их; таким образом, страдания, вызванные острою

Организм действует посредством нематериального начала как в здоровом, так и в болезненном состоянии с тем только различием, что в последнем случае деятельность его неправильна; поэтому испортившиеся и переродившиеся вещества, появление которых наблюдается при болезнях, суть лишь выделения, обусловливаемые существованием расстройства в организме - болезни; организм производит их во все время продолжения страдания и нередко сам же, иногда даже слишком насильственно, удаляет их без всякой врачебной помощи, не переставая производить их, пока не освободится от недуга. Истинный врач видит в этих выделениях признаки (симптомы), указывающие на характер болезни и помогающие ему отыскать **целебную силу (лекарство), производящую подобное же болезненное изменение.**

болезнью, усложняются появлением судорожной колики вследствие раздражения кишок солитером. Точно также плод в матке остается совершенно спокойным, пока мать здорова, но беспокоится, ворочается и причиняет страдания матери, когда она больна. Замечательно, что болезненные признаки, наблюдаемые в это время у больного, совершенно исчезают при употреблении часто в самых малых дозах тинктуры из мужского корня папоротника (*Filix mas*), которая как рукой снимает все, что приводит солитера в беспокойное состояние; он снова хорошо себя чувствует и продолжает спокойно жить в содержимом кишок, не раздражая их и не отягощая больного, пока противопсорное лечение не подействует настолько, что солитер уже не довольствуется содержимым кишок и исчезает навсегда без всяких слабительных.

Новые последователи старой школы не признают, однако ж, того, что весь их метод построен на выведении "бо-лезненной материи" при помощи многочисленных и разнообразных очистительных средств. Они заявляют, что лечат посредством "отвлечения", следуя примеру самой природы организма в ее стремлении к самоисцелению. Они говорят: лихорадка разрешается отделением пота и выделением мочи; колотье в груди - кровотечением из носа, испариной, отделением мокроты; другие болезни - рвотой, поносом, кровотечением из заднего прохода; боли в суставах - гнойными нарывами на бедрах; воспаление горла - слюноотечением и т. д.; вообще говоря, все болезни - переносом или отвлечениями недуга к частям, отдаленным от первоначально пораженного места. Поэтому всего лучше, в подражание предоставленной самой себе природе, идти при лечении косвенным путем¹³, стараясь **отвлечь** болезнь посредством возбуждения разнородных и сильнейших болезненных раздражений в органах, отдаленных от больного места.

---

¹³ Вместо того, чтобы непосредственно прекращать болезнь без потери сил, действуя прямо на больное место организма при помощи подобной же, динамической, целительной силы, как делает это гомеопатия.

Это так называемое "отвлечение" было и остается до сих пор одним из главных методов лечения, практикуемых врачами старой школы. Они стараются обыкновенно насильственно вызывать новые, в форме различных выделений и с характером кризиса, болезненные симптомы, чтобы отвлечь¹⁴ болезнь и этим дать природе возможность собственными усилиями произвести постепенный перелом (lysis)¹⁵. Для этой цели им служат мочегонные и потогонные средства, кровопускания, заволоки и фонтанели, преимущественно же различные раздражители пищевода и кишечного канала, т. е. рвотные или слабительные; последние, между прочим, носят у них название разводящих¹⁶.

---

¹⁴ Возможно ли отвлечь что-нибудь нематериальное? Не видно ли здесь тонко проводимой гипотезы о вредной материи и болезненном веществе?

¹⁵ Только легкие острые болезни выказывают склонность к постепенному излечению по истечении обыкновенного периода их продолжительности и совершенно независимо от того, были или не были употреблены в дело аллопатические лекарства (не слишком сильные, конечно). Жизненная сила в подобных случаях, стремясь к исцелению организма, снова приводит его в нормальное состояние. Но при тяжких острых и особенно при хронических болезнях старая школа ничего не выигрывает этим путем; все усилия жизненной силы в ее стремлении к самопомощи и все старания аллопатов, подражающих будто бы природе, оказываются бессильными вызвать перелом болезни. Самое большее, чего достигают в этом случае, - это временного облегчения, так сказать, перемирия, во время которого враг собирается только с силами, чтобы снова и тем сильнее напасть со временем.

¹⁶ Это название доказывает, что и поныне еще верят в существование болезнетворной материи, которую нужно растворить и вывести из тела.

Наряду с лечением посредством **отвлечения** и в помощь ему старая школа употребляет **противодействующие** (антаго-нистические) раздражающие средства: овечья шкура на голое тело, ножные ванны, лечение голодом, различные средства, производящие боль, воспаление и нагноение, каковы, например, хреновники, горчичники, мушка, волчье лыко, заволоки, фонтанели, Аутенритова мазь, мокса (прижигание хлопчатую бумагою), каленое железо, иглоукалывание и т. д. Такие средства употребляются опять-таки в подражание природе, которая, будучи предоставлена самой себе, стремится отделаться от динамического расстройства возбуждением боли в отдаленных частях тела, появлением сыпей, гнойных нарывов, метастазов и проч., хотя, надо заметить, ее старания при хронических болезнях остаются совершенно тщетными.

Итак, не рациональные основания, но **слепое подражание** природе с целью облегчить себе лечение руководило старою школою при выборе этого бесплодного и вредного **косвенного** способа, доставляющего только кажущееся облегчение болезней на известное время или же устраняющего их ценою появления другого, более тяжкого недуга. Но тогда можно ли назвать этот способ **врачебным**?

Таким образом, врачи старой школы приняли себе за образец грубые, инстинктивные усилия природы, достигающие цели излечения только при умеренных острых болезнях¹⁷; они соображались единственно с силою самосохранения, присущею нашему организму, действующею при болезнях, предоставленных своему естественному течению, - с силою чисто органическою, действующею только по органическим законам, следовательно, неразумною. Эта сила, грубая и слепая, не сумеет сблизить зияющих краев раны и соединить их, как это делает искусный хирург; она не может сблизить и соединить надлежащим образом концы переломленной кости, хотя и выделяет выпот для образования костной мозоли часто в чрезмерном количестве. Может ли она перевязать раненую артерию? Нет, она только выделяет кровь из раны с невероятною силою, не заботясь о том, что от этого последует неизбежная смерть. Вправит ли она вывих? Напротив того, она произведет значительную опухоль сустава, препятствующую вправлению. Чтобы удалить занозу

---

¹⁷ В обыкновенной медицине самопомощь природы организму при болезнях, оставленных без лечения, считают образцом, достойным подражания. Это грубая ошибка. Жалкая и в высшей степени недостаточная способность так называемого целебного стремления природы к самопомощи при острых болезнях представляет грустное зрелище для наблюдателя, и человечество обязано всеми силами своего разума устранить эту самопомощь истинным лечением. Если

из роговицы, она разрушает весь глаз нагноением. При ущемленной грыже все усилия целебной силы природы оканчиваются гангреною кишок и смертью. Болезненные переносы (metaschematismus), производимые природою в динамических поражениях, нередко приводят больного в гораздо худшее положение, чем он был прежде. Как, наконец, действует жизненная способность относительно хронических зараз (псоры, сифилиса, сикоза), этих бичей нашего существования и производителей бесчисленных болезней, от которых несколько тысячелетий страдает род люд-

---

природа в заболевшем организме не может произвести другой, подобной же болезни (§§ 43-46), что случается чрезвычайно редко (§ 50), т. е. не может излечить первоначальную гомеопатически, и если организму предоставлено собственными средствами бороться с острым недугом (о хронических нечего и говорить; его сопротивление будет вполне бессильно), то мы видим здесь только трудные, нередко опасные усилия спасти себя во что бы то ни стало, усилия, результатом которых часто бывает даже смерть.

Как смертные мы не можем постигнуть внутреннего течения жизни; оно доступно только всевидящему оку Творца вселенной; точно так же мы не в состоянии понять внутренних процессов больного организма, сущности его болезней. Последние проявляются только более или менее заметными изменениями, страданиями и припадками, доказывающими внутреннее расстройство нашего существования, так что ни в одном частном случае нам нельзя различить между ними припадков первоначального действия болезнетворной силы от вызываемых противодействием природы, стремящейся к самоисцелению. Таким образом, полная внутренняя болезнь представляет нам совокупность этих двоякого рода припадков, так как недействительные усилия природы сами становятся страданиями целого организма и усложняют первоначальную болезнь. Вот почему выделения, производимые обыкновенно природою перед окончанием острых болезней и называемые переломами болезни (crisis), часто приносят более страданий, чем действительной помощи.

Что именно производит природа в этих переломах, нам неизвестно точно так же, как и вся внутренняя механика нашего организма; однако можно с известною вероятностью

допустить, что природа в подобных случаях более или менее жертвует страждущими частями и разрушает их для спасения остальных. Эта самопомощь, направляемая исключительно органическими побуждениями нашей природы? Она **легко воспринимает** их в тело, но лишена возможности не только удалить, но даже ослабить их жестокость; напротив того, она допускает их зародышам развиваться по всему телу, пока наконец больной после тягостного и часто долгого существования не сделается добычею смерти.

Каким же образом в таком искусстве, как врачебное, требующем так много ума, соображения и верности суждений, старая школа, называющая себя притом рациональною, могла избрать себе наилучшим учителем и руководителем силу неразумную, какова целебная сила природы? Возможно ли подражать слепо, как **идеалу**, этим косвенным и бурным способам лечения, когда Бог одарил нас разумом, при помощи которого мы можем бесконечно превзойти это грубое и несовершенное проявление автоматической силы.

Врачебное искусство, подражая природе в лечении посредством **отвлекающих и противодействующих**, направляет свои средства на здоровые части тела, производя в них жестокие

боли или отделение соков к ущербу сил и потере драгоценнейших влаг тела. Цель **аллопатического** способа состоит в том, чтобы отвлечь деятельность болезнетворной силы от первоначально пораженных частей тела и направить ее к час-

---

тела, но отнюдь не подчиняющаяся законам разума и мышления, представляет собою лечение, напоминающее аллопатию. Для облегчения первично пораженного органа путем кризиса природа возбуждает усиленную, часто бурную деятельность отделительных органов; появляются рвота, понос, мочетечение, пот, нарывы и пр., чтобы раздражением отдаленных частей достигнуть как бы отвлечения недуга от первоначально пораженных частей, освободить от динамического поражения нервную деятельность посредством выделения материальных продуктов.

Итак, только разрушением и принесением в жертву части самого организма природа человека, предоставленная самой себе, может спастись от острых болезней, причем, если дело не оканчивается смертью, то во всяком случае гармония жизни - здоровье - восстанавливается медленно и несовершенно; это доказывает

значительная слабость, остающаяся после таких естественных восстановлений в частях тела, подвергавшихся болезни, худоба и пр. Короче, все эти действия, которыми пораженный болезнью организм стремится помочь самому себе, представляют собою только страдания и ничего такого, чему истинный врач мог или должен был бы подражать для излечения больного.

тям, искусственно поражаемым для уничтожения естественной болезни **путем развития иного, иногда более тяжкого недуга** в здоровых частях организма¹⁸. Действительно, острые, скоротечные болезни проходят при этих искусственных недугах, которые вызваны в органах отдаленных и несходных с первоначально пораженными, однако же **не**

---

¹⁸ Плачевные последствия этого способа при лечении хронических болезней указывает нам ежедневный опыт. Выздоровление при этих условиях встречается чрезвычайно редко. Привожу сравнение. Неприятель вторгается в страну, но местный полководец вместо того, чтобы прямо напасть на врага, разбить его и тем сразу положить конец войне, не отваживается на открытый бой, но начинает грабить, жечь и разорять собственную страну в тылу и вокруг неприятельской армии с целью лишить последнюю продовольствия и сделать отступление невозможным. Можно ли назвать это настоящею войною? Положим, смущенный неприятель наконец остановится, но он не уничтожен, он все-таки остается в родной стране, совершенно безвинно разоренной на долгое время, не говоря уже о том, что получив откуда-либо подвоз продовольствия, враг снова поднимет голову и станет грознее прежнего. Так и аллопатия в хронических болезнях, поражая своими косвенными мероприятиями безвинные и удаленные от больного органа части организма, не излечивает самой болезни.

излечиваются. Этим насильственным переворотам и напряжениям тела, чуждым прямого, непосредственного, самостоятельного действия на первично пораженный орган, нельзя присвоить почетный титул врачевания. Во многих случаях острая болезнь прошла бы сама собою, и может быть, даже скорее без этих опасных подступов к остальному телу, причем вторичные страдания были бы слабее и, очевидно, больше сохранилось бы сил. Во всяком случае, ни произвольное врачевание, производимое жизненной способностью без помощи врача, ни подражающее ему аллопатическое лечение не выдерживают сравнения с динамическим (гомеопатическим) лечением, которое нападает прямо на болезнь, быстро и динамически уничтожает ее и сберегает при этом силы больного.

Сказанное относится к болезням острым, скоротечным; в хронических же недугах, представляющих собою огромное большинство болезненных случаев, эти косвенные, крутые, ослабляющие приемы старой школы не приносят почти ни малейшей пользы. Прекратившись на несколько дней, то или другое тягостное проявление болезни возвращается снова, как скоро природа привыкнет к отдаленному раздражению. Причем самая болезнь является уже в более трудном виде, так как силы организма

более или менее надломлены антагонистическими болями и нецелесообразными выделениями¹⁹.

Тогда как большинство врачей старой школы при лечении **вполне подражали** действиям предоставленной самой себе природы, в которых думали видеть показания к применению отвлекающего способа, другие врачи, более умеренные, хотели только **помогать действиям природы в болезнях, когда она несомненно старалась помочь себе усиленными выделениями и антагонистическими переносами**. Они, так сказать, подавали руку доброй природе, усиливая ее выделения и отвлечения, считая это истинным врачеванием (*duce natura*) и называя себя только исполнителями ее стремлений (*ministri naturae*).

Заметив, что выделениями, производимыми иногда природою в хронических болезнях, нередко облегчались жестокие боли, параличи, судороги и пр., школа верила, что нашла

---

¹⁹ Какая польза, например, от этих искусственных вонючих язв, так называемых фонтанелей, так часто употребляемых при лечении хронических болезней? В продолжение первых недель, пока местное раздражение производит боли, общая болезнь, по-видимому, стихает, но как только тело привыкнет к этой боли, искусственная язва уже не производит ничего кроме ослабления больного и, следовательно, только усиливает хроническое худосочие; считать же эти фонтанели как бы стоками для привлечения болезнетворной материи едва ли возможно в нашем веке.

истинный способ врачевания, поддерживая и даже усиливая эти критические движения. Она не понимала, что все эти выделения (кажущийся кризис) доставляли только временное облегчение, мало способствуя действительному излечению, и, напротив того, развивали только внутреннее худосочие, отнимая силы и влаги у организма. Хроническая болезнь никогда не излечивалась такими усилиями природы, и приступы недуга всегда становились чаще и сильнее, хотя выделения продолжались в той же мере. То же должно сказать и о мест-ных переносах (metastasis), которые природа иногда самостоятельно производит на наружных частях тела для облегчения необходимых для жизни внутренних частей, очевидно, стремясь переместить болезнь и жертвуя частями менее существенными спасению целого организма. Но все эти метастазы также только временно облегчают внутреннюю болезнь, лишают тело сил и нужных ему влаг, но отнюдь не излечивают главного недуга. Однако же старая школа придавала большую важность этим метастазам, принимая их за истинно действительные врачевания, и старалась поддерживать их, даже усиливать, думая этим достигнуть радикального излечения. Вот примеры:

Когда оказывалось, что жизненное противодействие облегчало тот или другой тягостный припадок хронической болезни, например, влажною сыпью, врач как помощник природы (*minister naturae*) прикладывал к мокнущему месту пластырь шпанских мушек или кору волчьего лыка (*Mezereum*), для извлечения из кожи, *duce natura*, еще более влаги и для подкрепления таким образом спасительных усилий природы. Но каковы бывают последствия такой помощи? Если действие местного средства слишком грубо, сыпь случилась застарелая и тело сильно раздражительно, то местный недуг усиливается чрезмерно, развиваются боли, лишаящие сна и сил больного, и появляется лихорадочная и злокачественная рожа. Если же действие местного средства было не особенно сильно и сыпь появилась недавно, то последняя исчезает вследствие употребленного против нее гомеопатического средства; возобновившиеся затем внутренние страдания побуждают жизненное противодействие к новым болезненным переносам, которые, однако, теперь направляются уже на более благородные части тела; так, например, развиваются воспаление глаз, глухота, спазмы желудка, судороги или падучая болезнь, приступы удушья, апоплексия, умственные и душевные болезни и пр. -

страдания, часто принимаемые за новую болезнь, тогда как они только прямое следствие уничтожения местного недуга местным лекарством.

Когда больной организм производил прилив крови к венам прямой кишки или заднего прохода, служитель природы приставлял туда пиявок, часто в значительном числе, чтобы способствовать выходу геморроидальной крови; затем следовало некоторое облегчение вместе с ослаблением тела, но приливы вскоре возобновлялись сильнее прежнего, а первоначальное зло не уменьшалось нимало.

Во всех случаях, когда природа для некоторого облегчения опасной болезни внутреннего важного органа пыталась выделять несколько крови рвотою или кашлем, врач, *duce natura*, тотчас старался помочь этому спасительному движению обильным кровопусканием, которое неизбежно ослабляло больного в данное время и готовило ему вредные последствия в будущем. Против часто появляющейся хронической тошноты слуга природы давал сильные рвотные, чтобы очистить желудок, но от этого всегда происходили неблагоприятные, иногда даже опасные для жизни последствия.

Иногда жизненное противодействие для облегчения внутреннего худосочия производит

холодные опухоли подкожных желез; покорный своей наставнице, врач тотчас приводит эти опухоли в воспалительное состояние раздражающими мазями и пластырями, дабы вскрыть затем созревший веред и выпустить из него вредную болезнетворную материю. Но ежедневный опыт учит нас, что подобные действия, почти без исключения, только затягивают болезнь.

Подметив некоторое облегчение хронических болезней после ночного пота и естественного поноса, врач считал себя вправе следовать этим спасительным указаниям и назначал потогонные и разрешающие средства, иногда в течение многих лет; но результат всегда был противоположен ожиданиям и первоначальный недуг только ожесточался.

Пора бы понять, что все эти испражнения, боли, опухоли и др. явления, производимые природою в болезнях и кажущиеся произвольными отвлечениями, составляют в сущности припадки, дополняющие картину болезни, против которой необходимо искать средство динамическое или гомеопатическое, т. е. производящее первоначальные действия, совершенно подобные действиям естественного повреждения; ибо только такое лекарство способно кратчайшим путем излечить болезнь.

Хотя старая школа приняла за правило помогать естественным усилиям природы, однако на практике она часто позволяет себе противное, прекращая **внутри вгоняющими и прерывающими** (repercussiva et repellentia) средствами вышеупомянутые выделения, боли и переносы болезни, когда они становились слишком тягостны для больного. Так, боли, бессоницу и хронические поносы прекращают огромными приемами опия, рвоту - соляным раствором с примесью углекислого газа; вонючий ножной пот - холодными ваннами и вяжущими примочками; сыпи - свинцовыми и цинковыми составами; маточное кровотечение - впрыскиванием уксуса; изнурительный пот - квасцовой водою; частые приступы летучего жара на лице и на теле - селитрою и растительною или серною кислотами; кровотечение из носу - затыканием ноздрей полотняными свертками (тампонами), напитанными винным спиртом или вяжущими растворами; язвы на ногах - свинцовыми и цинковыми окисями и пр. и пр. Но тысячи примеров достаточно доказывают, что это антипатическое лечение сопровождается по большей части печальнейшими последствиями. Короче, только на словах и на бумаге врач старой школы может гордиться титулом

рационального врача, проникающего в основы болезни и вырывающего с корнем последнюю; на деле же оказывается, что он лечит только голый симптом и всегда почти ко вреду для больного.

Пособия, доставляемые одною природою в болезнях острых или хронических, конечно, несовершенны и сами по себе составляют болезнь, однако они все же лучше искусственных раздражений; ибо природа, производя свои переломы и отвлечения, следует особым, таинственным законам, которые не могут быть известны врачу; вот почему аллопатические раздражения представляют собою действия гораздо более опасные, действующие с большею жестокостью на организм и с менее удовлетворительными результатами, чем даже произвольные усилия жизненного противодействия.

Так, например, старались подражать природе, производя кровотечение из носу посредством раздражающих снарядов для устранения приступов хронической головной боли; но хотя кровь из ноздрей текла обильно и значительно ослабляла больного, однако облегчение оказывалось гораздо слабее, чем от потери нескольких капель этой влаги, извергаемой одним только инстинктом природы, без всякой помощи искусства. Так называемый критический

пот или понос, вызванные жизненным противодействием в свежей, острой болезни, происшедшей от испуга, огорчения или простуды, прекращает недуг гораздо вернее, чем все потогонные и слабительные в совокупности.

Но повторяю еще раз, что действия жизненной способности в **болезнях** не должны служить нам образцом. Разумный человек не должен подражать неразумной силе в ее усилиях к излечению. Эти усилия в сущности то же, что самая болезнь, картина которой дополняется болезненным поражением жизненной силы; поэтому также всякая искусственная поддержка этих усилий природы должна быть вредна, а прекращение - даже опасно для жизни; аллопатия делает то и другое, хотя и называет себя рациональным лечением. Нет! Эта дивная сила, назначенная превосходно **управлять телом в состоянии здоровья**, присущая всем частям организма, как чувствительным, так и раздражительным нервным волокнам, этот неутомимый двигатель всех правильных действий органической машины, эта превосходная способность, говорю я, не создана для **врачевания болезней, которое было бы достойно нашего подражания**. Такое благородное и высокое искусство должно быть творением силы более возвышенной, задачей **ума человеческого**,

который путем свободного мышления, суждения и индукции должен заботиться об этой жизненной способности, могучей, но автоматической и несостоятельной, когда она в отправлениях своих связана недугом; только разум наш может и должен возратить ей первоначальную ее гармонию и свободу отправления. И он действительно **может совершить** это, когда **против естественного страдания вооружится подобным же врачебным, который динамически пересилит и уничтожит первое и затем, исчезнув само собою, оставит организм совершенно здоровым.** Тогда жизненная способность тотчас же снова возвратится к настоящей своей должности: **оживлять и сохранять организм в его здоровом состоянии,** и все это превращение совершится без всяких болезненных и ослабляющих потрясений. Такому способу лечения учит нас **гомеопатия.**

Действительно, много больных, лечившихся по вышеупомянутым врачебным способам старой школы, избавились от своих болезней, но только от болезней скоротечных (и притом всегда не особенно тяжелых), а не от хронических (за исключением разве только сифилиса). Впрочем, и в этих скоротечных, сравнительно безопасных болезнях, результаты лечения по трудности применяемых способов и

неполноте выздоровления нельзя назвать вполне удовлетворительными. Болезнь прекращали кровопусканиями, противодействием главному припадку болезни **энантиопатическим, паллиативным** средством (*contraria contrariis*) или же употреблением **противодействующих и отвлекающих** средств (*antagonistica et revulsiva*), направляемых на здоровые части организма, пока болезнь окончит свое естественное течение. Все эти способы чрезвычайно истощали силы и влаги организма, но врачи главным образом полагались на крепость жизненной силы, которая должна была всего более способствовать совершенному излечению болезни, равно как и последовательному восстановлению сил и питательных соков, похищенных у организма. Итак, жизненной силе должно было преодолевать не только естественные, скоротечные страдания, но и вредные последствия сурового лечения, что ей и удавалось во многих случаях, но часто с трудом и не в полной мере.

Во всяком случае, очень сомнительно, чтобы течение острых болезней могло сокращаться и выздоровление от них облегчаться от вмешательства аллопатического врачебного искусства, которое может только подражать отвлекающим и противодействующим явлениям

природы, притом гораздо грубее и с большею тратою сил организма.

У старой школы есть еще один способ лечения, который называется **возбуждающим и укрепляющим**, так как он употребляет средства, известные под названием **нервных, тонических, возбуждающих, укрепляющих** (nervina, tonica, exci-tantia, confortantia, roborantia); это настоящий **противодействующий (энантиопатический)** способ, который будет рассмотрен подробнее в § 59.

Надобно удивляться, как мог врач хвалиться таким врачебным способом. Будто бы эта слабость, вызванная и поддерживаемая, или усиливаемая хроническим худосочием, могла когда-либо исчезнуть при употреблении легонького рейнвейна или горячительного токайского вина, как пыталась доказать это школа бесчисленными опытами? Силы все более падают по мере увеличения приема этих раздражающих напитков, потому что истинная причина слабости - хроническая болезнь - не уничтожена, а также потому, что за всяким возбуждением жизненной способности следует, по вторичном влиянии, упадок сил.

Кора хины и множество сомнительных лекарств, известных под названием **горьких**, возвращали ли когда-нибудь силы больному? Все эти растительные вещества, которые считаются **напрягающими** мышечные волокна (tonica), **укрепляющими**, равно как все препараты **железа**, не прибавляют ли часто к прежним страданиям новые, им свойственные симптомы вместо того, чтобы излечить слабость, которая вызвана застарелою и неизвестною болезнью?

Удавалось ли когда-либо излечить или хотя бы облегчить на короткое время начинающееся расслабление руки или ноги (припадок весьма обыкновенный при хронических худосочиях) так называемыми **мазями для успокоения нервов** (unguenta nervina) или иными спиртовыми или бальзамическими втираниями? Удар **электрической машины** или **вольтова столба**²⁰ производил ли когда-либо в подобных случаях истинно целебное действие? Он только ожесточает расслабление и мало-помалу совершенно уничтожает всякую раздражимость

---

²⁰ Аптекарь в городе Жевер лечил тугость слуха сотрясениями гальванического столба, и в начале болезни слабыми сотрясениями обыкновенно восстанавливал слух на несколько часов; но сотрясения вскоре утрачивали свою целебную силу, так что необходимо было их постепенно усиливать для достижения прежних результатов; наконец, сильнейшие сотрясения возбуждали слух только на самое короткое время, и дело обыкновенно оканчивалось полною потерей слуха.

мышц и всю чувствительность нервов пораженного члена.

Разве вещества, **возбуждающие похоть** (aphrodisiaca), как например амбра, настойка шпанских мушек, трюфели, имбирь, корица, ваниль и др., восстанавливали когда-либо прочным образом половые силы, незаметно ослабленные всегда от скрытого хронического худосочия? Нет, эти возбудители производили мало-помалу совершенное бессилие.

Можно ли хвастаться кратковременным возбуждением и оживлением ослабленных органов, когда по закону всех паллиативных средств это облегчение покупается ценою ожесточения, даже неизлечимости самой болезни?

Хотя **возбуждающие** и **укрепляющие** средства, очевидно, полезны при **выздоровлении больных от острых** болезней, лечимых по старым методам, но эта польза ничто в сравнении с тем вредом, какой производят они в болезнях хронических.

Когда старая школа решительно не знает, что делать с какою-либо хроническою болезнью, она на удачу назначает так называемые **изменяющие средства** (alterantia); главными и самыми страшными здесь оказываются **ртутные препараты** (каломель, сулема и серая ртутная мазь), которые употребляются при

хронических (невенерических) болезнях в огромных приемах и в течение долгого времени. Изменения в теле, конечно, оказываются, но только далеко не те, какие желательны, и здоровье наконец совершенно подрывается от неуместного употребления вредного металла.

Хинная кора, представляющая гомеопатическое средство против чистой болотной перемежающейся лихорадки, когда болезнь не осложнена псорою, употребляется аллопатами в огромных приемах против всевозможных видов эндемических и эпидемических лихорадок. Школа не хочет знать, что лихорадка появляется почти каждый год с различным характером и, следовательно, требует каждый раз нового гомеопатического средства, одним или несколькими приемами которого она вполне излечивается в несколько дней. Так как эпидемические лихорадки представляются тоже с периодическими приступами (*typus*), а школа ничего кроме этих типов не знает и не хочет знать, притом другие противолихорадочные средства ей неизвестны, то и все ее заботы сосредоточены единственно на том, чтобы устранить тип эпидемической лихорадки частыми приемами хины и ее дорогого алкалоида **хинина** (чему жизненная способность, на этот

раз вполне разумно, противится иногда по несколько месяцев), и, достигнув наконец желанной цели, считает лихорадку излеченною. Но после такого прекращения приступов лихорадки больной оказывается в худшем состоянии, чем при самой лихорадке: землистый цвет лица, одышка, чувство стягивания в подвздошной области, расстройство желудка с потерей аппетита, беспокойный сон, слабость сил и упадок духа, часто при заметной опухоли ног, живота, иногда также лица и рук - вот признаки, с которыми выходит он из больницы в качестве **выздоровевшего**, и затем нередко нужны годы старательного гомеопатического лечения, чтобы только сохранить жизнь этому организму, глубоко надорванному искусственным худосочием, не говоря уже о совершенном выздоровлении.

При нервных горячках аллопатия пытается оживить подавленную деятельность нервной системы антипатическим употреблением валерианы; когда же это средство перестает оживать больного, так как оно обладает этим свойством только в первоначальном своем действии, приемы его начинают увеличивать до тех пор, пока не достигнут полнейшего истощения жизнедеятельности; почти неизбежная смерть при этом **рациональном** лечении

приписывается однако исключительно злокачественности болезни.

Едва ли не страшнее еще для хронического большого **наперстянка** (*Digitalis purpurea*), которую старая школа находит превосходным средством, когда желает (чисто симптоматически) замедлить болезненно ускоренный пульс в хронических случаях. Действительно, **после первого приема** этого опасного средства, действующего здесь энантиопатически, ускоренный и раздраженный пульс успокаивается и биение артерий замедляется на несколько часов; но затем пульс ускоряется снова. Прием лекарства увеличивают, чтобы достигнуть прежней цели; пульс точно замедляется, но только на еще более короткий срок; наконец, даже огромные приемы наперстянки остаются в этом отношении недействительными; напротив того, пульс вследствие последовательного действия лекарства становится чаще, чем был до начала лечения; его почти нельзя сосчитать, что сопровождается полнейшею бессонницею, потерю аппетита и крайним упадком сил; в подобных случаях больной спасается от смерти разве только ценою неизлечимого умопомешательства²¹ .

---

²¹ Между тем Гуфеланд, знаменитый представитель этой старой школы (*Homoopathie*, s. 22), считает наперстянку очень полезною в

Так лечили представители старой медицинской школы, и больные должны были покоряться этой печальной необходимости за неимением ничего лучшего. Врачи не знали основных причин хронической (невенерической) болезни, хотя и хвалились, что лечат на основании причин (*genesis morborum*)²². Мы видели выше, как применяли они свои косвенные способы против огромного числа хронических болезней. Судороги, воспаления (полнокровие), лихорадки, общая и местная слабость, скопление слизи, завалы и пр. и пр. были рассматриваемы как генетические условия болезней, и соответственно этому назначались средства противосудорожные, противовоспалительные, возбуждающие и укрепляющие, противогнилостные, выводящие, разрешающие, отвлекающие и противодействующие. Но по признакам столь общим нельзя находить лекарства, приличные для каждого случая болезни, по крайней мере лекарства старой школы,

---

подобных случаях. Он говорит: "Никто не будет отвергать (кроме прямого опыта, прибавлю я), что наперстянка способна устранить слишком сильное кровообращение". Надолго ли? И устранится ли в действительности усиленное кровообращение этим героическим энантиопатическим средством? Бедный Гуфеланд!

²² В том же своем памфлете (*Homoeopathic*, s. 20), Гуфеланд напрасно вызывает к старому врачебному искусству. До появления моей книги о хронических болезнях полторы тысячи лет прожившая наука ничего не знала об источнике большинства хронических недугов (*psore*) и должна была присвоить им иной, ложный источник (*genesis*).

врачебное действие которых ложно определялось исключительно **действием их в болезнях** (ex usu in morbis²³).

Также дерзко поступали и с болезнями, мнимые причины которых были еще загадочнее и заключались, например, в недостатке или избытке кислорода, азота, углерода или водорода во влагах тела, в неправильном возвышении или подавлении раздражительности, чувствительности и плодотворения, в расстройстве систем артерий, вен и волосных сосудов. Причинный способ лечения в подобных случаях не имел ни малейших средств для достижения этих фантастических целей и льстил только тщеславию врача, не принося больному ни малейшей пользы.

Наконец, обычай смешивать между собою разнородные и, в сущности, неизвестные лекарства по известным формулам (рецептам), существующий с древнейших времен и **сделавшийся как бы законом**, отнимает у старой школы всякий признак целесообразности. На первом месте такого рецепта стоит обыкновенно лекарство главное, называемое **основанием** (basis), и обязанное бороться с существенным свойством болезни; второе место

---

²³ Этот вопрос подробно рассмотрен в III части моего "Чистого Лекарствоведения", в статье: Quellen d. bish. Materia medica.

занимают одно или несколько лекарств **вспомогательных** (adjuvantia), назначенных усиливать действие главного средства или же устранить тот или другой второстепенный признак болезни; наконец, в третьем ряду помещаются лекарства **поправляющие** (corrigentia). Эти различные лекарства, настоящие и действительные силы которых, повторяю, были неизвестны, старательно смешивались, а иногда также приводились в определенную форму посредством какого-нибудь сиропа или лекарственной воды, как средства **восприемляющего** (exsiciens). Воображали, что каждое из этих средств совершенно выполнит назначение, отдельно на него возлагаемое, не подвергаясь противодействию других составных веществ смеси, - предположение в высшей степени странное и едва ли оправдываемое здоровым рассудком. Действительно, каждое из этих средств должно было более или менее уничтожать действие другого или же видоизменять и направлять его совершенно иначе, вследствие чего ожидаемое действие рецепта не могло быть достигнуто; вместо того, часто следовало новое динамическое страдание - последствие лечения, - вначале незаметное среди припадков естественной болезни, но развивавшееся более и более при долговременном употреблении

рецепта, образуя искусственную болезнь, которую естественная осложнялась и усиливалась. В самых благоприятных случаях, когда рецепты часто переменялись, развивалась только общая слабость, так как лекарства, не направленные непосредственно к первоначальному страданию, действовали по большей части только на менее пораженные части организма.

Смешивать между собою многие лекарства, из которых каждое в свою очередь по большей части составлено из других простых веществ и действия которых (чистые и первоначальные) почти вовсе неизвестны составителю рецепта, заставляя больного принимать эту загадочную смесь и ожидать от того **известный, заранее предвиденный результат** - несообразно со здравым рассудком. От этой смеси, конечно, должны произойти последствия, но неожиданные и неспасительные, почему и самый способ лечения наудачу нельзя назвать врачебным.

Нелепость лекарственных составов в принципе понимали даже врачи старой школы, хотя и следовали на практике вековому заблуждению. Вот, например, как Marcus Hers (Hufeland, Journ. de med, pratique, II, p. 33) облегчает угрызения своей совести: "Приступая к лечению воспалительного состояния, мы не употребляем ни нашатыря, ни селитры, ни

растительной кислоты отдельно, но или смешиваем многие и даже очень многие из так называемых противовоспалительных лекарств между собою, или предписываем употреблять их одновременно. Если нужно остановить гниение, мы не довольствуемся для достижения этой цели употреблением одного из лекарств, признанных противогнилостными, каковы: хина, минеральные кислоты, баранья трава и др., но предпочитаем смешивать их между собою или даже соединяем совершенно разнородные лекарства, не зная, которое по действию своему более прилично данному случаю и угодно ли будет этому наиболее целебному средству произвести желаемое действие, или нет. Вообще мы очень редко употребляем простые лекарства для возбуждения пота, очищения крови, разрешения застоев, для облегчения отхаркивания и даже для очищения первых путей; для этих целей прописываются всегда почти сложные рецепты, почему и **опыты, производимые относительно простых средств, входящих в состав смеси, уже не могут быть верными.** Правда, мы устанавливаем по правилам школы известную систему между лекарствами, содержащимися в наших рецептах, называя одно из них, предназначенное к произведению главного действия, основанием

(basis), а другие - **придаточными** или **вспомогательными** (adjuvantia), **поправляющими вкус** (corrigentia) и пр., но очевидно, что этот способ распределения лекарств по большей части совершенно произвольный. Придаточные или вспомогательные средства иногда производят совершенно столько же влияния на общее действие, как и главное лекарство, хотя в настоящее время мы не можем в точности определять силу их относительного действия. Даже влияние средств поправляющих на действие прочих лекарств не может быть ничтожным, но, вероятно, или усиливает последнее, или ослабляет, или дает ему иное направление. Таким образом, целебное действие, произведенное каким-либо сложным лекарством, необходимо рассматривать как **результат всех лекарств, заключающихся в рецепте**, и мы отнюдь не вправе выводить отсюда заключения о врачебном действии **одного из этих лекарств**. Говоря откровенно, мы еще очень мало знаем существенные качества лекарств, равно как и свойства чрезвычайно разнообразных комбинаций их при различном смешении, так что не можем сказать с уверенностью, как велико и разнообразно действие даже незначительного, по видимому, вещества, когда последнее входит в

тело человека в соединении с другими лекарствами".

Итак, поныне болезни человеческие лечили не на основании их свойств и указаний опыта, но или по одним догадкам и предположениям, или подражая так называемой целительной силе органической природы (*vis naturae medicatrix*), предоставленной самой себе, или, наконец, по способу противоприпадочному (*cura palliativa*) - *contraria contrariis*. Путем наблюдения, мышления и долговременного опыта я убедился, что вернейший и лучший путь к истинному врачеванию диаметрально противоположен вышеупомянутому и определяется следующей формулой: **Для врачевания легким, быстрым, верным и безопасным образом необходимо избирать при всякой болезни, если только она вообще излечима, такое лекарство, которое в здоровом организме производит само по себе страдание, подобное данному случаю болезни.**

Никто поныне не учил этому способу, никто не применял его у постели больного. Однако, если в нем одном только и скрывается истина (как это будет указано ниже), то следы ее мы должны открыть во всех предшествовавших периодах времени, хотя в продолжение тысячелетий она не была признаваема, ибо истина вечна,

как верховно мудрый и благой Творец мира. Она может долго игнорироваться людьми, пока не наступит счастливая минута, когда лучи ее, подобно утренней заре, проникнут с неодолимою силою мрак предрассудков, чтобы затем беспрепятственно проливать свой ясный и немерцающий свет на благо человечества.

Примеры бессознательных гомеопатических излечений, производимых врачами старой школы

Все больные, действительно излеченные лекарствами скоро и надежно, если только не были этим обязаны какому-либо счастливому случаю, например, самопроизвольному прекращению естественного хода скоротечной болезни или постоянному перевесу сил организма в продолжение аллопатических и антагонических лечений (ибо большая разница между лечением **косвенным** и **прямым**, непосредственным, действительным), - все эти больные были неумышленно излечены врачами лекарством **гомеопатическим**, т. е. таким, которое способно было **само по себе произвести состояние, подобное данному случаю болезни.**

Если и были примеры (очень редкие) действительных излечений сложными лекарствами, то лекарство, по действиям превосходящее прочие, было всегда **гомеопатическое**.

Эта истина становится еще очевиднее там, где врачи исцеляли, действуя вопреки установленным правилам (допускающим только пользу смещения различных средств в виде рецепта), лекарством **простым**. Тогда с удивлением видели, что в этих случаях всегда помогало то лекарство, которое само по себе способно возбудить страдание, подобное произведенному болезнью, хотя врачи в этих случаях действовали бессознательно и как бы в припадке забвения правил своей школы. Они назначали лекарство, совершенно противное тому, которое следовало бы употребить по правилам общепринятой терапии, и только таким образом больные исцелялись быстро и вполне.

Вот несколько примеров бессознательного, неумышленного гомеопатического лечения, успех которого можно удовлетворительно объяснить только по закону подобия²⁴. Эти случаи приводятся здесь, однако, вовсе не в

---

²⁴ В последнем издании "Органона" нет этих примеров и автор ограничивается только замечкою, что они помещены в предыдущих изданиях книги. Мы нашли нужным поместить их здесь собственно для полноты издания; кроме того, они доказывают обширную медицинскую эрудицию автора и замечательную научную скромность. (*Прим. перев.*)

подкрепление гомеопатического учения, которое само по себе обладает достаточно прочными основаниями, но единственно для того, чтобы показать, как во все времена идея гомеопатии невольно проявлялась в сознании и действиях врачей и как близка она была к научному осуществлению²⁵.

Уже автор книги, приписываемой Иппократу, говорит о весьма упорной холере, излеченной единственно **белую чемерицу** (*Helleborus albus*), которая между тем по свойству своему производит холеру - как это видели Forectus, Ledelius, Reimann и многие другие²⁶.

Английский пот, в начале убийственнее самой чумы, появившийся в первый раз в 1485 году и, по словам Willis, убивавший из 100

---

²⁵ Если приемы самих лекарств, назначаемые в приводимых случаях, были гораздо больше, чем предписывает гомеопатическое лечение, то известно, что они были небезопасны для больных, так как большие гомеопатические приемы вообще вредны тем, что искусственно вызывают чрезмерное усиление недуга в данном случае. Однако должно признаться, что нередко и такими приемами больные излечивались без вредных последствий, так как чрезмерная сила лекарства может ослабляться различными, не всегда нам известными обстоятельствами. Так, например, могло случиться, что растительные вещества в том или другом случае утратили свою первоначальную силу от долгого хранения, или что лекарство вызвало обильные выделения, отчего большая часть его действия уничтожилась, или, наконец, вскоре после принятого лекарства в желудок вошли противодействующие этому лекарству вещества и значительно уменьшили силу приема.

²⁶ См. об этом в моем сочинении: *Reine Arzneimittellehre*, Th. III, Dresden, 1817. - Я с намерением опускаю наблюдения собственные и моих учеников, ограничиваясь опытами старых врачей, дабы доказать, что еще и прежде меня могли бы найти гомеопатический способ.

больных - 99, до тех пор не уступал лечению, пока не начали давать больным потогонные лекарства, а с тех пор уже весьма немногие умирали от этих болезней, как замечает Sennert.

Понос, продолжавшийся уже несколько лет и угрожавший неизбежною смертью, когда все лекарства оказались недействительными, был излечен одним простолудином скоро и надежно посредством слабительного, как замечает Fischer, что весьма удивляло последнего, но нисколько не удивляет меня.

Кроме многих других, свидетельство Мюррая и ежедневные опыты заставляют в числе главных припадков, вызываемых употреблением **табака**, головокружение, тошноту и тоскливость; но от этих-то именно страданий Diemer-broeck освобожден именно курением табака, когда занемог при лечении поварных болезней в Голландии.

Вредное действие, замечаемое некоторыми авторами и между ними Georgi от употребления **мухомора** у камчадалов, обнаружившееся **трясением, корчами и падучею болезнью**, становилось благотворным в руках Ch. S. Whistling'a, с успехом употреблявшего мухомор против корчей, сопровождаемых трясением, и J. Ch. Bernhard'a, с пользою

назначавшего это средство в некоторых видах падучей болезни.

Наблюдение Мюррая, что **анисовое масло** успокаивает боли желудка и гонит кишечные газы, не удивляет нас, когда мы знаем, что J. P. Abbrecht заметил боли желудка, а P. Forest - жестокое колотье в кишках от анисового масла.

Если Fr. Hoffmann хвалит **тысячелистник** (*Achillea mille-folium*) как полезное средство во многих кровавых поносах; если G. E. Stahl, Buchnald и Loeseke находили его целебным при открытом георрое; если Breslau и Quarin в своих Коллекциях упоминают о кровохарканиях, излеченных этим растением; наконец, если Thomasius у Галлера употреблял его с успехом против белей, то все эти излечения, очевидно, соответствуют самостоятельной силе растения, по которой оно производит истечения и испражнения крови, как то заметил Caspar Hoffmann, а равно и кровотечения из носа, как наблюдал Boekler.

Scovolo и многие другие излечивали **толокнянником** (*Arbutus uva ursi*) болезненное испусчение сукровичной мочи, чего не могло бы оказаться, если бы это растение не производило само жару и слизи в моче, как заметил это Sauvages.

Если б и не было подтверждено многочисленными опытами Stoerck, Marges, Planchon, du Monceau, F. Ch. Juncker, Chinz, Ehrmann и других врачей, что **осенник** (*Colchicum autumnale*) исцелял некоторый род водянки, то можно бы уже предполагать в нем это свойство на основании способности его уменьшать отделение мочи, хотя с беспрестанным понуждением к мочеиспусканию, и производить в ней кирпичный осадок, как заметил это Stoerck и de Berge. Весьма очевидно также, что излечение у ипохондриков одышки Герицом посредством осенника, равно как и устранение этого припадка в явной водяной болезни Штерком с помощью того же растения, основывается на гомеопатической силе этого лекарства - производить ту и другую одышку, замеченную Бержем.

Muralto видел, и это наблюдение всякому легко проверить, что **ялаппа** (*Convolvulus jalappa*) сверх желудочных болезней производит сильное **беспокойство** и **продолжительное волнение**. Поэтому каждому врачу, знакомому с гомеопатической системой, покажется вполне естественным, что это средство может облегчать у малолетних детей **желудочные боли**, **сопровождаемые криком**, и доставлять им спокойный сон, как основательно свидетельствует J. W. Wedel.

Известно, как это также достаточно подтверждают Murray, Hillary et Spielmann, что от **александрийского листа** (Folia sennae) появляются **желудочные боли** и происходит, как утверждает Casper Hoffmann и Fr. Hoffmann, **пучение живота** с появлением **красных сыпей** - обыкновенные причины бессонниц. Итак, вследствие этой естественной силы **александрийского листа** Detharding мог излечивать **жестokie колотья** живота и освобождать своих больных от бессонницы.

Stoerck должен бы понять, что замеченное им при употреблении свойство **бадьяна** (Dictamnus fraxinella) **отделять вязкую слизь из матки** происходило от той же силы этого растения, посредством которой он врачевал иногда **хронические бели**. Точно так же заметив, что **ломонос** (Clematis erecta) сам по себе мог производить **шелудивые пупырья по вему телу**, он не должен бы уже удивляться, что излечивал этим способом вид всеобщей сыпи, хронической, водянистой, разъедающей и пупырчатой.

Если **очанка** (Euphrasia), как говорит Murray, могла врачевать **гноеточивые глаза** и некоторые виды глазных **воспалений**, то она производила это по качеству, замеченному в ней Лобелиусом и состоящему в том, что она

сама может производить подобные же **воспаления**.

По словам J. H. Lange, **мускатный орех** (*Nuces moschatae*) оказывался весьма целебным в **истерических обмороках**. Это можно объяснить только тем, что мускатный орех в большом приеме производит, по опыту Шмидта и Куллена, **притупление чувств и всеобщую бесчувственность в здоровом теле**.

Древнейший обычай наружного употребления **розовой воды** в **глазных воспалениях**, кажется, доказывает, что в лепестках цветка существует сила, целебная против этого недуга. Она основана на гомеопатическом качестве, по которому лепестки розы сами возбуждают **род глазных воспалений**, как Echterius, Ledelius и Rau доказали опытами.

Если, как пишут Pierre Rossi, van Mons, Joseph Monti, Sybel и другие, **сумах ядовитый** (*Rhus toxicodendron*) имеет свойство **покрывать мало-помалу все тело прыщами**, то легко понять, почему это растение может гомеопатически **врачевать некоторые роды лишая**, как это наблюдали Dufresnoy и van Mons. Что дает сумачу способность исцелять **паралич ног**, сопровождаемый **слабоумием**, как сообщает нам Alderson, если не очевидное качество его, по которому он может сам собою

производить всеобщее расслабление мышц с помрачением ума, заставляющим больного думать, что он скоро умрет, как это видел Zadig!

Если, по словам Carrere, **сладко-горький паслен** (*Solanum dulcamara*) оказывал пользу в **жесточайшей простуде**, то эта трава весьма способна вызывать в холодную и сырую погоду **болезненные припадки, похожие на те, которые происходят от простуды**, как заметили также Carrere и Starck. Fritze видел **конвульсии**, происшедшие от сладко-горького паслена (*Solanum dulcamara*), а de Haen²⁷ - **конвульсии, сопровождаемые бредом**; малыми же приемами этой травы последний пользовал **конвульсии, сопровождаемые бредом**. Тщетно в области предположений искали причины, почему именно это растение излечивало столь верно **некоторый род летучего жара и лишай**, пред глазами Carrere, Fouquet и Roupart; но гомеопату эта причина очевидна: **сладко-горький паслен сам по себе причиняет некоторый род летучего жара**, и Carrere видел, как в одном случае от него произошел **лишай**, покрывавший все тело в продолжение двух

---

²⁷ Ratio medendi, tom. IV, p. 228: "Dulco-amarae stipites majori dosi convulsiones et deliria excitant, moderata vero spasmos convulsionesque solvunt". - Как de Haen был близок к открытию врачебного закона, самого сообразного с природою!

недель; он заметил еще в других случаях, что эта трава производила **летучий жар в руках**, а иногда на **губах маточного рукава**.

Rucker видел, как от **черного паслена** (*Solanum nigrum*) произошло раздутие всего тела, а Gatacker и Cirillo могли на этом гомеопатическом основании вылечить этою травую один вид **водянки**.

Voerhave, Sydenham и Radcliff могли излечить другой род водянки **бузиною** (*Sambucus niger*) именно потому, что **бузина**, как говорил нам Haller, производит **отеки** от одного только прикладывания ее к наружным частям тела.

De Haen, Sarcone и Pringle заявляют, что они излечивали **колотье в боку корнем морского лука** (*Scilla maritima*), едкий сок которого не мог быть употреблен в этой болезни по общепринятой системе, требовавшей в таковых случаях только лекарств смягчающих, ослабляющих и прохлаждающих. Между тем **колотье в груди** было излечено **морским луком** по гомеопатическому способу; ибо J. C. Wagner видел случаи, где от действия этого корня **происходили колотье в груди и воспаление легких**.

Многие врачи: Daniel Cruger, Rau, Kellner, Каав, Voerhave и другие наблюдали, что **дурман** (*Datura stramonium*) производит **необычайный бред и конвульсии**. Это именно то

качество, которое доставляло врачам средство исцелять **дурманом бесноватость** (т. е. **странный бред**, сопровождаемый **судорожными движениями**) и другие корчи, как это сообщают Sidren и Wedenberg. Таким же образом еще Sidren излечил род **Виттовой пляски**, вызванной ртутными испарениями, равно и другую подобную же болезнь, причиненную испугом; ибо эта трава сама имеет свойство возбуждать **невольные движения в членах**, по наблюдениям Каав, Voerhave и Lobstein'a. Так как **дурман** может также, по многим наблюдениям и между прочим по наблюдениям Р. Schenk'a, **лишить внезапно памяти и способности воспоминания**, то он также пригоден к пользованию слабости памяти, по замечаниям Sauvages и Schinz. Schmalz мог также излечить **дурманом задумчивость, перемежающуюся с бешенством**; потому что эта трава, как сообщает а Costa, может производить эти **попеременные омрачения души**.

По замечанию многих врачей, как то: Percival, Stahl и Quarin'a, употребление **хины** (*Cinchona officinalis*) производило **боль под ложечкою**; Morton, Eriborg, Bauer и Quarin видели от нее **рвоту и понос**; Daniel Cruger и Morton - **обмороки**: Thomson, Richard, Stahl и С. Е. Fischer - **род желтухи**; Quarin и Fischer -

горький вкус во рту; другие, наконец, - воспаление брюшины. Эти-то припадки в перемежающихся лихорадках, по совету Torli и Cleghorn'a требуют исключительного употребления **хины.** Также и целебное действие **хины в истощении при расстройстве желудка и недостатке аппетита,** следующих за **острыми лихорадками,** особенно если последние лечили кровопусканиями и слабительными, основано только на качестве этой коры - **порождать чрезвычайный упадок сил, состояние телесного и душевного расслабления, расстройство желудка и потерю аппетита,** как заметили Cleghorn, Friborg, Cruger, Romberg, Stahl, Thomson и многие другие²⁸.

Каким образом **рвотным корнем** (radix Jresacuanhae) можно бы **остановить кровавый понос,** что делали Bagllo, Barberas, Gianella, Dalberg, Bergius и другие, если б он не мог **сам по себе производить кровавых поносов,** по наблюдениям Murray, Scott и Geoffroy? Каким бы образом он мог быть столь полезным в судорожной одышке, как свидетельствуют Akenside, Meyer, Bang, Stoll, Fouquet и Ranoe, если б не имел свойства **сам по себе производить этой болезни и особенно одышки**

---

²⁸ См. места из всех этих авторов в Reine Arzneimittellehre, t. I.

судорожной, как заметили Murray, Geoffroy и Scott? Нужны ли еще яснейшие доказательства, что для произведения врачевания болезней надобно употреблять лекарства, сходные по **болезнетворным их качествам**?

Нельзя было бы также понять, каким образом **игнация** (*fabae Sancti Ignatii*) **могла быть столь благотворна против корчи**, по уверению Herrmann, Valentin и одного безымянного автора, если бы она не могла сама собою **производить подобные же корчи**, как заметили Bergius, Camelli и Durius.

Особы, получившие **контузию и ушиб**, чувствуют **колотье в боку, позывы к рвоте, острые и жгучие боли в подвздохах**, сопровождаемые **тоскливостью и трепетанием сердца**, **внезапными и невольными вздрагиваниями**, как бы от электрических сотрясений, во время бодрствования и сна **пощипыванье в поврежденных частях** и пр. Так как **баранник** (*Arnica montana*) может сам собою **производить подобные припадки**, по наблюдениям Meza, Vicat, Crichton, Collin, Aaskow, Stoll и J. Chr. Lange²⁹, то легко понять, что эта трава может **исцелять припадки, происшедшие от контузий, ушибов и падений**, а следо-

---

²⁹ См. ссылки в моем Reine Arzneimittellehre, t. I.

вательно, и самые болезни, происшедшие от таких случаев, как это подтверждается опытами многих врачей и целых народов в продолжение многих веков.

Кроме других страданий, причиняемых **сонною одурью** (Belladonna) у здоровых людей, она производит также припадки, составляющие вместе вид болезни, весьма подобной **водобоязни и бешенству**, происходящему от **укушения бешеной собаки**, который Thomas de Mayerne, Munon Buchholz и Nei-micke действительно и совершенно **исцеляли эту траву**³⁰. Вот эти припадки: **больной тщетно ищет сна, у него дыхание прерывисто, жажда чрезвычайная и сопровождаемая тоскливостью, когда же подают ему питье, он отталкивает его, лицо у него багрово, взгляд дикий и сверкающий**, по наблюдениям Ф. С. Grimm'a над **белладонною**; **больной чувствует чрезмерную жажду и не может утолить ее питьем**, как наблюдали E1.

---

³⁰ Если во многих случаях белладонна не помогала в бешенстве от покуса бешеною собакою, то надобно взять во внимание, что она могла здесь излечивать только по свойству своему производить действия, подобные действиям этой болезни, и, следовательно, ее должно бы давать только в самых малых приемах (см. § 273-281). Но ее давали большею частью в непомерных приемах, так что больные могли умереть не от болезни, а от лекарства. Впрочем, есть несколько степеней водобоязни и бешенства собак; иногда по различию припадков самым приличным и го-меопатичным лекарством может служить белена, а иногда дурман.

Camerarius и Sauter; **не может ничего проглотить**, по наблюдениям May, Lottinger, Sicelius, Buchave, d’Hermont, Manetti, Vicat, Cullen; **чувствует побуждение кусать окружающих и это побуждение** сменяется страхом, по свидетельству Sauter, Dumaulin, Bachave, Mardorf; **плюет вокруг себя**, по словам Sauter’a; **старается уйти**, по наблюдению Dumoulin, Eb. Smelin и Bucholz; наконец, **тело его в беспрерывном движении**, по уверению Boucher, Eb. Smelin и Sauter’a³¹. **Белладонна** излечивала также **некоторые роды бешенства и задумчивости**, ибо она сама имеет способность **производить род безумия**, как утверждают Rau, Grimm, May, Hasenest, Mardorf, Hoyer, Dillenius и другие³². Henning в продолжение трех месяцев бесполезно употреблял множество лекарств против **темной воды с темными пятнами перед глазами**, пока наконец не сделал произвольного заключения, что у больного была подагра, и не прописал ему, как бы нечаянно, **белладонны**³³, которою и излечил болезнь скоро и без всяких неудобств. Он, без

---

³¹ См. ссылки на все эти наблюдения в моем Reine Arzneimittellehre, t. I, Belladonna.

³² Ibid.

³³ Только по догадке белладонне приписали честь лечить водянку. Но болезнь, которой можно с некоторым правом дать постоянное название водянки, не будет и не может быть никогда излечена этим растением.

сомнения, избрал бы это лекарство с самого начала, если бы знал, что только лекарства, от которых припадки **походят** на припадки врачуемой болезни, могут производить излечения верные и надежные и что **белладонна сама производит некоторый род темной воды с темными пятнами перед глазами**, что наблюдали Sauter и Bucholz.

От **белены** (*Hyoscyamus niger*) проходили **корчи**, много походившие на **падучую** болезнь, по словам de Mayerne, Stoerck, Collin и других, по той же причине, по которой эта трава **способна производить корчи, весьма похожие на падучую болезнь**, как это замечено у El. Camerarius, Christoph Seliger, Hunerwolf, A. Hamilton, Planchon, а Costa и других. Fothergill, Stoerck, Hellwig и Ofterdinger с успехом употребляли **белену в известных видах безумия**, и многие другие врачи, без сомнения, употребляли бы ее так же удачно, если бы они не пытались лечить ею никакого **другого безумия, кроме того**, коего припадки **подобны первоначальным действиям белены, т. е. тупого помрачения ума**, какое Helmont, Wedel, J. S. Gmelin, la Serre, Hunerwolf, A. Hamilton, Kiernander, J. Stedmann, Tozzetti, J. Faber и Wendt наблюдали от этой травы. По сообщениям последних наблюдателей, белена

производит **истерику в высшей степени**, и именно такого рода **истерика была излечена** этою травою, как находим это у J. A. P. Gessner, Stoerk и в Acta Natur. Cur. Schenkbecher не мог бы **беленою** излечить **головокружения, продолжавшегося двадцать лет**, если бы эта трава не имела естественного качества **производить головокружение, в высшей степени похожее** на то, какое нам описывают Hunerwolf, Blom, Navier, Planchon, Sloane, Stedmann, Greding, Wepfer, Wicat и Bernigau. Meyer Abramson долго мучил **бешеного ревнивца** бесполезными лекарствами, пока случайно не прописал ему **белену** как **лекарство снотворное**, что быстро излечило его. Если б этот врач знал, что **белена сама возбуждает ревность и бешенство в людях здоровых**, если б он знал, что это **гомеопатическое** лечение основано на **законе естественном**, то мог бы с самого начала назначить это лекарство с **полною уверенностью**. Смесь лекарств, которую Necker употреблял при судорожном сжатии век, была бы бесполезна, если бы между этими средствами не находилась случайно **белена**, которая, по свидетельству Wepfer'a, производит **подобное же страдание у людей здоровых**. Withering равномерно никаким лекарством не мог устранить **судорожное сжатие**

гортани и неспособность ее глотать **что-нибудь**, пока не прописал **белены**, которая сама одарена способностью **производить судорожное сведение горла, сопровождаемое трудным глотанием**, как наблюдали это Tozzetti, Hamilton, Beknigau, Sauvages и Hanerwolf.

Возможно ли, чтоб **камфора** (Laurus camphora), как пишет достойный веры Nuxham, могла быть столь целебною в **изнурительной нервной лихорадке, обнаруживающейся упадком теплоты в теле, чувствительности и сил**, если б она сама, по сродной ей силе, не производила состояния, совершенно подобного, как наблюдали это William Alexander, Cullen и Fr. Hoffmann!

Горячие вина в малых приемах гомеопатически излечивают **горячки чисто воспалительные**, что дознано опытами С. Grivellati, Augenius, A. Mundella и еще двух врачей. Уже Asclepiade излечил **воспаление мозга малым приемом вина. Лихорадочный бред, сопровождаемый хриплым дыханием**, - болезнь, подобную состоянию жестокого опьянения, - Rademacher вылечил в одну только ночь, заставив больного пить **вино**. Возможно ли не признать здесь силы раздражения от лекарства, сходного с болезнью?

Известно, что **крепкий настой чая** (thea Bohea) причиняет **трепетание сердца и тоскливость** особам, не привыкшим к нему; вот почему **малое количество** этого питья служит превосходным лекарством от **упомянутых страданий**, когда они происходят от другой возбудительной причины, как свидетельствует G. L. Rau.

Состояние, подобное последней борьбе со смертью, в котором больного мучают судороги, отнимающие у него память и сменяемые приступами спазмодического и прерывистого дыхания, часто также всхлипывающего и храпящего, в продолжение чего тело и лицо у него остаются холодны как лед, ноги и руки синие, а пульс слабый, Stutz безуспешно лечил щелочью, но потом излечил весьма счастливо, скоро и надежно, маковым соком (Opium); ибо все эти припадки находятся между самородными действиями мака, как заметил это Schweikert и другие. Кто не признает здесь гомеопатического лечения, выполненного врачом совершенно бессознательно? **Опиум** также производит, по наблюдениям Vicat, J. C. Grimm и других, сильную и почти непреодолимую **наклонность ко сну, сопровождаемую обильным потом и бредом.** При всем этом Osthoff боялся употреблять его в

повальной лихорадке, отличавшейся припадками, весьма сходными, затем, что система, которой он следовал, запрещала давать это лекарство в подобных случаях. Только после, бесполезно перепробовав уже все известные лекарства, он решился наудачу испытать маковый сок, и действие его оказалось совершенно целебным, как и должно быть по непреложному гомеопатическому закону. J. Lind признается, что головные боли и жар кожи, сопровождаемый потом, трудно выступавшим, проходили от опиума: "голова освежалась, палящий лихорадочный жар пропадал и пот появлялся легко и обильно из охлажденной кожи". Но Lind не знает, что причина помощи, оказанной здесь маковым соком, обусловлена тем, что он может производить весьма подобные болезненные состояния в людях здоровых. Так говорит Alston: "Опий есть лекарство, возбуждающее жар, но также известно, что это средство и уменьшает жар, когда последний уже развился". De la Guerene дает маковый сок в лихорадке, сопровождаемой жесткой головной болью, неровным и напряженным пульсом, сухостью и жесткостью кожи, палящим жаром, при ослабляющем поте, трудно выступающем и всегда сопровождаемом значительным беспокойством в

теле. Он **счастливо** лечил при помощи этого лекарства, но он не знал, что **маковый сок** производил здесь целебное действие потому, что мог **возбуждать совершенно подобное же лихорадочное состояние в здоровых людях**, как свидетельствуют об этом многие наблюдатели. **В лихорадке, когда больные лишались употребления языка, когда при открытых глазах они впадали в летаргический сон, с членами вытянутыми, дыханием тяжелым, с сопением и хрипением - болезнь, совершенно подобная припадкам, какие сам опий может произвести**, как заметили De la Croix, Rademacher, Crumpe, Pyl, Vicat, Sauvages и многие другие, - Ch. Ludw. Hoffman находит, что **опий был единственным спасением в этих случаях**, что очень естественно, ибо это было **гомеопатическое** лекарство. Точно так же Wirtensohn, Sydenham и Marcus излечивали подобные же **летаргические лихорадки маковым соком**. Спячка, которую лечил de Meza, не могла прекратиться ни от какого другого лекарства кроме **макового сока**, который действовал здесь **гомеопатически**, потому что сам **производит спячку**. С. С. Mat-thai, лечивший долгое время несоответственными лекарствами одного больного, страдавшего **упорным нервическим страданием**, коего главными

припадками были **бесчувствие и онемение в руках, бедрах и нижней части живота**, излечил его наконец **опием**, который, по словам Stutz, J. Young и других, способен **сам по себе вызывать такое состояние в высшей степени**. Излечение **летаргии**, продолжавшейся **по целым дням**, которую Hufeland уничтожил посредством **макового сока**, основывалось на том же **гомеопатическом законе**, не признаваемом поныне. В одном случае, **падучая болезнь** являлась только **в продолжение сна** больного; De Haen нашел, что это был не **сон естественный**, а **летаргическое забытие с шумным дыханием** - состояние, производимое **маковым соком в здоровых людях**, и только **опием** он превратил его в сон здоровый, излечив в то же время и падучую болезнь. **Маковый сок**, как всем известно, исключительнее всех растительных веществ производит **сильнейшие и продолжительнейшие завалы**; вот почему в **малых приемах** он же служил **вернейшим лекарством от опаснейших завалов**. Этот **опиум**, который по своему **первоначальному действию** столь быстро **останавливает испражнение** и причиняет запор, найден Траллем как единственное средство против **боли подвздошной кишки** после всех испражняющих и других несообразных лекарств,

которыми он тщетно мучил своего больного. Точно так же Lentilius и G. W. Wedel, равно как и Wirthenson, Bell, Heister и Richter, нашли, что **маковый сок**, данный без других примесей, был спасительным в таковых случаях. Bohn также был убежден опытом, что **опиаты** сами по себе могли разрешать переполнение кишок в подвздошной колике (miserere), а великий Frederic Hoffmann в самых опасных случаях этого рода, мог доверять только **маковому соку**, прописанному с болеутолительными каплями liquor anodynus. Могут ли все теории, содержащиеся в двухстах тысячах медицинских томов, представить нам основательное изъяснение этих фактов, равно как и многих им подобных? Приведет ли нас хотя одно из их правил к великому естественному закону, управляющему всеми врачеваниями истинными, скорыми и надежными, т. е. к закону, что лекарства должны быть употребляемы по **подобию** своих **натуральных действий**, открываемых опытами над здоровыми, **действиям врачуемой болезни?**

Rave и Vedekind излечивали **злокачественные бели казачьим можжевельником** (Sabina), который, как это хорошо известно в народе, **производит кровотечения из матки**, а

с ними и **выкидыш** у здоровых. Кто может отвергать здесь **гомеопатический закон**?

Каким бы образом **мускус** (Moschus) мог быть лекарством, почти специфическим в **судорожной одышке** (asthma Millari), если бы он не мог сам **причинять слабой грудной боли, без кашля**, как наблюдал это Frederic Hoffmann?

Каким бы образом **прививная оспа** могла **предохранять** нас от **сливной**, если не **гомеопатическим**? Кроме других подобий между этими двумя болезнями, я замечу только, что предохранительная оспа, точно так же как и оспа сливная, могут появляться только один раз в жизни, что их **язвины одинаковой глубины**, что они обе производят **опухоли плечевых желез, некоторое подобие лихорадки, воспалительную красноту вокруг каждого гнойного прыща, наконец, воспаление глаз и судороги**. Предохранительная оспа уничтожила бы сливную, даже уже появившуюся, если бы последняя не имела силы, **превышающей силу предохранительной**. Итак, последней не достает только высшей степени напряженности, которая по естественному закону всегда должна быть в соединении с гомеопатическим подобием для того, дабы врачевание могло быть действительно (§ 152). Поэтому предохранительная оспа может быть употреблена только

прежде, чем сливная оспа, сильнейшая первой, заразит тело. Таким образом **прививная оспа** производит недуг, **весьма подобный** сливной оспе (**гомеопатическая болезнь**), по протечении которого человеческий организм, способный подвергаться только один раз той или другой из этих болезней, остается уже свободным от подобной заразы.

Известно, что **задержание мочи** есть один из обыкновеннейших и самых тяжких припадков, производимых **шпанскими мушками** (*Lytta vesicatoria*), как утверждают Jon. Camera-rius, Baccius, van Hilden, Forest, J. Lanzoni, van der Wiel и Werl-hoff³⁴. Потому осторожное **внутреннее** употребление шпанских мушек должно быть **весьма целебным гомеопатическим лекарством в болезненных мочерезах**, происшедших от **другой причины**. Не считая почти всех греческих врачей, Th. Bartholin, Young, Smith, Raymond, de Meza, Brisbane и другие совершенно излечивали **шпанскими мушками болезненные запоры мочи**, происшедшие **не от механического препятствия**.

---

³⁴ Кажется, что это предохранительное употребление гомеопатического лечения возможно также и в некоторых других случаях, например, употребляя внутрь серный порошок, мы предохраняем себя, может быть, от коросты шерстобитов (*ouvriers en laine*), а приняв по возможности малую дозу белладонны, избежим, быть может, горячки с пятнами, которую описывают Sydenham, Plenditz и Withering, когда эта болезнь появится повально в соседстве.

Nuxham видел самые спасительные действия этого лекарства в подобных случаях. **В недавней и воспалительной гонорее**, в коей Sachs de Lewenheim, Haunaeus, Bartholin, Lister, Mead и особенно Werlhoff с наилучшим успехом употребляли **шпанские мушки** в приемах сколько возможно меньших, они, видимо, устранили самые жестокие припадки при самом их начале. Причина этому та, что они имеют собственную силу **производить**, по словам всех почти наблюдателей, **болезненные запоры и жгучую мочу**, а равно и **воспаление мочевого прохода**, как тока, как утверждает Wendt, и даже **некоторый род воспалительной гонореи**, по уверению Wichmann'a³⁵. Внутреннее употребление **серы** нередко причиняет у чувствительных людей **жиленье**, сопровождаемое иногда **болями желудка и рвотою**, как свидетельствует это Walther; и по причине этого качества, серою удавалось **вылечивать припадки натужного поноса (dysenteria)**, а по Werlhoff'у - **геморроидальное жиленье**, равно как по

---

³⁵ Я говорю: "Самые жестокие припадки в начале их появления", ибо остальное лечение требует других правил. Есть много видов гонореи, столь слабых, что они исчезают сами собою, не требуя почти никакой сторонней помощи; но есть гонореи другие, более важные по следствиям, особенно тот вид, который можно бы назвать гонореею с шишками и который распространился в особенности со времени последних войн. Она происходит также от заразы чрез соитие, как сифилис, хотя по свойству своему совершенно отлична от последнего.

Rave - геморридальное колотье в кишках. Известно, что Теплицкие ванны, как и все другие воды серные, теплые и горячие, часто производят сыпь, называемую ванными пятнами и по виду сходную с коростю шерстобитов; по этой-то гомеопатической силе упомянутые ванны, равно как и самая сера, излечивали прочным образом многие накожные сыпи. Что удушливее серных паров? Однако пары зажженной серы Висquet нашел наилучшим лекарством для оживления людей, замерзших и задохшихся от какой-либо другой причины.

Английские врачи нашли, что азотная кислота (*Acidum niticum*) была спасительнейшим лекарством от слюнотечения и язв во рту, вызванных употреблением ртути. Эта кислота не могла бы совершить врачевания, если бы сама не имела силы производить слюнотечение и изъязвления рта, касаясь только кожи тела в ванне, как свидетельствуют о сем Scott и Blair; Aloyн же, Luke, J. Ferriar и G. Kellie видели такие же признаки и от внутреннего употребления этой кислоты.

Eritze видел, что от ванны, напитанной едким кали (*Kali causticum*) произошел род столбняка, а Alexandre Humboldt распущенною виннокаменной солью (род полуюдкой

щелочи) производил раздражение мышц до степени столбняка. Чем же объяснить действие едкой щелочи в столбняке, где Stutz и другие находили ее столь **спасительною**, как не **гомеопатическою силою** лекарства?

Мышьяк, обладающий чрезвычайно способностью изменять состояние человеческого здоровья, не мог бы совершать изумительных излечений **рака на лице**, по наблюдениям множества врачей, из коих я назову только G. Fallopius, Bernhardi и Roennow'a, если бы эта металлическая окись не имела **способности производить в людях здоровых опухоли, весьма болезненные и трудные к излечению**, по словам Amatus le Potrugais, **разъедающие язвы**, по замечанию Heimreich'a и Кнаре, и **раковые язвы**, по наблюдениям Heinze. Древние не хвалили бы целительной силы **пластыря Angelus Sala**, названного **магнитным** и содержащего **мышьяк**, против **заразительных паховиков (бубонов)** и **чумных карбункулов**, если бы **мышьяк**, по словам Degner'a и Кнаре, не имел **сам по себе свойства производить воспалительные опухоли, быстро переходящие в гангрену и черные прыщики**, как наблюдали это Werzascha и Pfann. Откуда происходила бы целебная сила мышьяка в некоторых видах **перемежающихся лихорадок** (сила,

подтвержденная тысячью опытов, но еще не примененная с достаточною осмотрительностью), которую превозносило множество врачей, например Nicolaus Myrepsus, потом Slevogt, Molitor, Jakobi, J. C. Bernhardt, Jungken, Fauve, Brera, Darwin, May, Jakson и Fowler, если бы она не была основана на его **природном свойстве вызывать лихорадки**, замеченном всеми почти наблюдателями, особенно Amatus 1e Portugais, Degner, Buchholz, Heun и Кнапе? Мы можем поверить замечанию Edouard Alexander'a, что **мышьяк** есть главное лекарство от **грудной жабы**, так как Otto Tachenius, Guilbert, Preussius, Thilenius и Pyl заметили при употреблении этого лекарства **стеснение груди**, Greiselius - **одышку, почти захватывающую дыхание**, а Majault - **одышку, развивающуюся на ходьбе и сопровождаемую изнеможением**.

Корчи, производимые медью, и (по Tondi, Ramsay, Fabas, Pyl и Cosmier) примесь медных частиц в пищу, равно как и **повторенные приступы падучей болезни**, происходившие от проглатывания медной монеты, по наблюдениям Jac. Lazerme, и **нашатыря**, по заявлению Pfundel'a, довольно ясно показывают нам, как могли **вылечивать медью** некоторый род пляски Святого Витта, по словам Robert Willan,

Walcker, Thuessink и Delarive'а, и как могли часто прекращать препаратами **из меди некоторый вид падучей болезни**, что доказали удачными опытами Batty, Baumes, Bierling, Boerhaave, Causland, Feuerstein, Cullen, Dunkan, Helvetius, Lieb, Magennis, C. Fr. Michaelis, Reil, Russel, Stisser, Thilenius, Weissmann, Weizenbreyer, Whithers и другие.

Если Poterius, Wepfer, Wedel, Fr. Hoffmann, R. A. Vogel, Thierry и Albrecht **излечивали оловом род чахотки, сухотку, хронические простуды и водянистую сыпь**, то они производили это посредством **способности, свойственной самому олову**, производить **род чахотки**, что заметил уже G. E. Stahl. Возможно ли, чтобы **олово**, по словам Geischlager'а, могло **излечивать боли желудка**, если бы само не **возбуждало подобных же страданий**, как это видели тот же Geischlager и Stahl?

Разве вредное свойство **свинца производить жесточайшие запоры** и даже **боль в подвздошной кишке**, как заметили это Thunberg, Wilson, Luzuriaga и другие, не должно убедить нас, что он имеет силу **врачевать** подобные же болезни, происшедшие от другой побудительной причины? Составляет ли этот металл исключение из гомеопатического **закона**? Нет! Angelus Sala внутренним употреблением

свинца **излечил боль в подвздошной кишке**, а J. Agricola - **опасный завал кишок**. **Свинцовые пилюли**, с помощью которых многие врачи, как то: Helmont, Naudeau, Pererius, Rivinus, Sydenham, Zacutus le Portugais, Bloch и другие столь счастливо **лечили род боли в подвздошной кишке** и разные **упорные засорения** желудка, эти пилюли, говорю я, доставляли пользу не механическим только действием по своей тяжести (в таком случае золото оказалось бы полезнее); нет, они действовали преимущественно как гомеопатическое лекарство. Если некогда врачи излечивали **упорные ипохондрические болезни** свинцом, то пусть припомнят собственное свойство этого металла **производить ипохондрические припадки**, как это видим в описании вредных действий его у Luzuriag'a.

Неудивительно, что Marcus **ртутью** (Hydrargyrum) скоро **излечил воспалительную опухоль языка и гортани**; потому что это лекарство, по ежедневному и бесконечно повторяемому опыту всех врачей, способно **производить воспаление и опухоль в полости рта**, что производит оно точно так же и на коже всего тела, но уже наружным прикладыванием в виде мази или пластыря, как видели на опыте Degner, Eriese, Alberti, Engel и другие.

Замеченные от употребления ртути болезни: **слабоумие** (Swedjaur), **помешательство ума** (Degner) и **бешенство** (Lerrey), равно дознанная и почти отличительная способность этого лекарства производить **слюнотечение**, очевидно объясняют нам, почему William Perfect мог **ртутью излечить** надежным образом **задумчивость, сопровождаемую беспрестанным плеванием**.

Отчего Seelig был столь счастлив в лечении **ртутью жабы, сопровождаемой горячкою с багровыми пятнами**, а Hamilton, Hoffmann, Marcus, Rush, Golden, Bailey и Michaelis - в других **зловредных жабах**? Конечно, потому что этот металл может сам **производить род весьма злокачественной жабы**³⁶.

Разве Sauter не гомеопатическим образом излечил **язвенное воспаление рта, сопровождаемое молочницею и зловонием, подобным происходящему от застарелого слюнотечения**, заставляя больного полоскать горло **раствором сулемы** (Mercurius sublimatus)? А

---

³⁶ Пытались лечить также и круп ртутью, но почти всегда тщетно, потому что этот металл не может произвести припадка, подобного тому особенному превращению, какое круп производит в плеве дыхательного горла. Первообразные действия известковой серной печени, особенно женой губки (*Spongia marina tosta*), гораздо более сходственны с отличительными припадками крупа и, следовательно, гораздо целебнее, как это доказал мне опыт; но надобно прописывать это лекарство в приемах сколько возможно малых.

Bloch не уничтожал ли **ртутью молочницы**, следуя тому же естественному закону, потому что **ртуть производит**, сверх других язвин во рту, также и **род молочниц**, как свидетельствуют нам Schlegel и Thomas Acrey. Hecker употреблял с успехом многие составные лекарства **от костоеды**, вызванной сливную оспою. По счастью, между всеми этими средствами находилась также и **ртуть**, одаренная свойством гомеопатически врачевать этот недуг, потому что она принадлежит к тем редким лекарствам, которые сами собою могут порождать **костоеду**, как доказывает нам это множество усиленных ртутных лечений сифилиса, равно как и других болезней венерических, например, лечение G. Ph. Michaelis'a. Этот металл, при долгом употреблении неизбежно производящий костоеду, становится весьма спасительным для гомеопатического лечения костоеды, происшедшей от ранения костей, чему весьма замечательные примеры приводят нам Justus Schlegel, Joerdens и J. Matth. Muller. Другие излечения сифилитических костоед, которые J. F. W. Neu и J. D. Metzger произвели также **ртутью**, свидетельствуют нам о гомеопатической силе ее и в этой болезни.

Читая сочинения о **целебном свойстве электричества**, должно удивляться тесному

отношению, в каком находятся боли и припадки, возбуждаемые им в различных частях тела, с припадками тех болезней, которые оно счастливо врачевало, будучи применено по **гомеопатическому закону**. Есть множество авторов, наблюдавших, как **положительное электричество производило** в своем первоначальном действии **ускорение пульса**. Sauvages, Delas и Barillon видели даже, что оно производило полные лихорадочные приступы. Эта способность порождать лихорадку была причиною, почему Gardini, Wilkinson, Syme и Wesley одним только электричеством могли излечить лихорадку трехдневную, а Zetzel и Willermoz даже лихорадки четырехдневные. Электричество, как известно, производит также как бы судорожное укорочение мышц, и de Sans мог даже, по произволу, вызывать им **беспрерывные судороги в руке одной девушки**. Итак, благодаря собственно этому свойству электричества, причиняющему судороги, de Sans и Franklin могли **устранять их**, а Theden излечил одну десятилетнюю девочку, потерявшую от действия громового удара **употребление языка**, причем левая рука почти отнялась, тогда как правая и ноги **беспрерывно находились в произвольном движении**, а пальцы левой руки в судорожном

сокращения. Электричество производит также род боли бедра, как заметил это Jallobert; вот почему оно могло гомеопатически излечить подобную боль бедра, как доказали опытами Hiortberg, Lovet, Arrigoni, Daboueix, Mauduyt, Syme и Wesley. Многие врачи излечивали электричеством род воспаления глаз, ибо оно имеет способность производить подобные воспаления, что видели Patric Dickson и Bertholon.- Fushel излечил наконец растяжение вены электричеством, которое обладает этою целебною силою единственно по свойству своему производить опухоли в венах, как заметил Jallobert.

Albers говорит нам, что **непрерывный жар жестокой горячки с 130 ударами пульса в минуту был значительно ослаблен теплою ванною по 100° Фаренгейтова термометра и что биение пульса уменьшилось до 110 ударов в минуту. Loeffler нашел, что теплые припарки были весьма спасительны в воспалении мозга, происшедшем от палящего солнечного зноя или от печного жара, действовавших на голову; точно так же Callisen нашел, что примочки из теплой воды, прикладываемые к голове, были полезнейшим лекарством при воспалении мозга.**

Медицина большею частью своих **специфических** лекарств, единственных, которыми она может изгонять болезни путем прямым, одолжена или слепому случаю, или здравому смыслу людей из низших классов общества. Таким-то образом счастливо лечили **сифилис ртутью, боли от ушибов и падений - баранником (Arnica), перемежающуюся болотную лихорадку - хиной, недавно происшедшую коросту - серным цветом** и проч.

Иногда просто случай приводил врачей к **гомеопатическому** врачеванию, но счастливые последствия, которыми оно всегда увенчивалось, не наводили их на естественный закон, бывший тому причиною. Заставляя больного, **подвергшегося лихорадке от простуды, пить настой из бузиновых цветов**, они думали выводить через кожу мнимые испаряемые материи, которые простуда, как предполагали, привела в состояние застоя; настоящей же причиной такого явления служит то, что бузина, которая сама по себе может **произвести совершенно подобную лихорадку**, вылечивает болезнь гомеопатически; такое врачевание еще успешнее и скорее, когда лекарственное питье употребляют **в малом количестве, не производящем пота**. Есть обыкновение прикладывать **припарки весьма теплые** и часто переменяемые к

твердым и весьма болезненным опухолям, которых беспрерывное воспаление препятствует выходу гноя, причиняя в то же время нестерпимые боли; действительно, вскоре воспаление и боли уменьшаются и наступает нагноение, что узнается по лоснящемуся, мягкому и желтоватому возвышению опухоли. Очевидно, что здесь гомеопатическим образом устранено непрерывное воспаление присоединением к нему более сильного жара от припарки и что таким образом облегчено образование гнойного нарыва; но школа воображает, что она смягчила отвердение опухоли влажностью припарочной каши. Почему с успехом употребляют в некоторых воспалениях глаз мазь из красной ртутной окиси, которая имеет неоспоримую способность воспалять глаза? Ужели трудно понять, что здесь следуют пути гомеопатическому? Почему малый прием сока петрушки столь целителен в беспрестанном позыве к мочеиспусканию, почти всегда тщетном и сопровождаемом тоскливостью, что мы нередко видим у малых детей? Почему небольшое количество сока этого растения является столь очевидно благотворным в простой гонорее, отличающейся частым побуждением испускать мочу, почти всегда напрасным и весьма болезненным? По

причине совершенно простой - сок петрушки может **возбуждать** в людях здоровых частые болезненные и почти всегда тщетные **позывы к мочеиспусканию**. **Мокротную жабу** удачно лечат **корнем бедренца (Pimpinella)**, который сам производит **обильное отделение мокроты в бронхах и гортани**; **останавливают кровотечения из матки** самым малым приемом сока из листьев **казачьего можжевельника (Sabina)**, который сам по себе **производит бели**. Многие врачи находили, что **малые приемы опия** - лекарства, **пучащего живот**, - были **целебнейшим и вернейшим средством в засорениях, произведенных запертой грыжей**, равно как и в **боли подвздошной кишки**, но не понимали закона, управлявшего этими врачеваниями. Излечивают **язвины в гортани малыми приемами ртути**, которая сама производит их в первоначальных своих действиях; **поносы прекращают ревенем**, лекарством **слабительным**; **бешенство** врачуют **белладонною**, **возбуждающею подобную же болезнь**; **состояние, подобное спячке в горячках**, исправляют, как бы волшебством, предписывая больным **малые приемы опия**, лекарства **разгорячающего** и в то же время **усыпляющего** и пр. и пр.

Прибавим еще к этим примерам несколько других, взятых из домашней жизни людей, во все не знакомых с медициною.

К членам, только что ознобленным, прикладывают мерзлую кислую капусту или оттирают их снегом³⁷.

---

³⁷ На этих примерах, взятых из домашней практики, М. Лух построил свой врачебный метод, так называемую изопатию - врачевание подобным и тождественным веществом, принимаемое некоторыми за образец совершенства, однако не выдерживающее строгой критики, ибо чисто физические деятели отличны от динамически лекарственных по действиям на живой организм.

Теплота или холод окружающего нас воздуха или воды, пищи и питья не производят сами по себе вредного действия на здоровое тело; тепло и холод, взаимно сменяясь, поддерживают здоровье и, следовательно, не относятся к числу лекарств. Они действуют лекарственно не по своей натуре (как, например, хина, ревень и др. даже в малых количествах), но в силу чрезмерного или слишком малого их количества, т. е. вследствие известных градусов температуры, точно так же, как, например, большой кусок свинца больно держать в руке не потому, чтобы самый свинец производил болезненное ощущение, но вследствие тяжести его массы. Поэтому тепло или холод при ожогах и озноблениях исцеляют единственно градусами температуры, как и самые болезни эти вызваны собственно действием крайних температур.

Таким образом, из этих примеров излечения в домашней практике мы видим, что ознобленный член излечивается не изопатически, не холодом собственно (который только убьет его окончательно), но близко подходящею холодною температурою (гомеопатически), которая постепенно переходит к нормальной температуре окружающего воздуха, ибо мерзлая капуста, приложенная к ознобленной руке в комнате, быстро тает и от 1° или 2° постепенно приобретает температуру 10°, следовательно, излечивает член физически - гомеопатически. Точно так же рука, обожженная кипятком, не излечится изопатически приложением того же кипятка, но приходит к норме от погружения в несколько менее горячую жидкость, например при 60°, которая мало-помалу остывает до температуры комнаты; следовательно, и здесь излечение совершается гомеопатически. Из картофеля и яблока мерзлый член не извлекает изопатически мерзлую же воду, но воду, по температуре близко подходящую к той, которая вызвала ознобление.

Опытный повар приближает **обожженную** руку свою на некоторое расстояние к **огню**, несмотря на **усиление боли**, которую он чувствует в ней сначала, зная, что таким образом он может вскоре, и часто даже в несколько минут, вновь сделать кожу на обожженной части здоровою и уничтожить всю боль. Таким образом, уже Fernelius думал, что **приближение к огню** есть самое полезное лекарство для того, чтоб унять боль в **обожженной части**. John Hunter приводит случаи величайшего вреда, причиненного лечением ожога **холодною водою**, и далеко предпочитает этому способу приближение обожженного члена к огню, следуя в этом не учению медицинских преданий, предписывающему от воспалений вещества прохлаждающие (*contraria contrariis*), а опыту, который научил его, что **подобное обожжение** будет здесь наилучшим лекарством.

Возьмем другой, тоже физический пример. После удара, например, в лоб о какой-либо твердый предмет, боль и опухоль ушибленного места быстро уменьшается, если нажать его крепко суставом большого пальца сжатой в кулак руки (гомеопатически), но не от точно такого же удара о такой же твердый предмет, как бы следовало по закону изопатии.

Приводимые в книге Lух'a примеры излечения изопатией контрактуры у человека и паралича спинного мозга у собаки, оба вызванные простудою и быстро излеченные холодными ваннами, объяснены неправильно. Простудные страдания не всегда обусловлены действием низкой температуры, но у расположенных особ обнаруживаются даже под влиянием сильного ветра, вовсе не холодного. Притом же различные действия холодной ванны на живой орга-

Многие ремесленники, например, столяры, прикладывают к обожженному месту лекарство, возбуждающее **подобное жжение**, именно **винный спирт, крепкий и довольно нагретый**, или **скипидар**, и **вылечиваются** таким образом **в несколько часов**, тогда как прохлаждающие мази не могли бы подействовать на ожог в несколько месяцев, а холодная вода ожесточила бы только болезнь.

Sydenham говорит: "Винный спирт, несколько раз сряду приложенный, предпочтительнее всякого лекарства от ожога". Benjamin Bell подтверждает тот же опыт: "Одно из наилучших лекарств от ожога есть винный спирт. Когда его прикладывают, он, кажется, на минуту усиливает боль, но она вскоре унимается, сменяясь ощущением приятным и успокаивающим. Это лекарство действует лучше, когда **погружают** обожженные части в винный спирт; но если этого нельзя сделать, то должно беспрестанно покрывать их тряпкою, намоченною в упомянутой жидкости". Я прибавлю еще: **винный спирт нагретый**, и даже **весьма нагретый**, действует гораздо скорее, вернее и целебнее, потому что он еще гораздо более имеет в себе гомеопатические свойства, чем ненагретый. Опыт всегда подтверждал мне это удивительным образом.

Edward Kentish, часто лечивший угольщиков, страшно обжигаемых горячим чадом копей, заставлял их прикладывать к ожогам скипидар или **нагретый винный спирт** как наилучшее лекарство при обширнейших и опаснейших ожогах. Никакое средство не может быть более гомеопатическим, как это, за то оно же и самое целебное. Heister, врач с глубокими сведениями, утверждает то же самое своим опытом и хвалит в этом отношении прикладывание **скипидара, винного спирта и припарок столь горячих, как только можно стерпеть.**

Чтобы убедиться разительнейшим образом в удивительном превосходстве способа **гомеопатического** (предписывающего прикладывать к частям, опаленным ожогом, лекарства, возбуждающие жгучее ощущение и подобный жар) перед спо-

---

низм в здоровом и больном состоянии далеко не одинаковы и не настолько ясны, чтобы можно было построить на них целую систему лечения. Ужаление змеею, долженствующее всего вернее излечиваться частью той же змеи, необходимо должно отнести к средневековым басням, пока это невероятное положение не

подтвердится точными наблюдениями и опытами. Наконец, сообщение о страдающем водобоязнью, который **должен был** излечиться слюною бешеной собаки, отнюдь не выдерживает научной критики. Таким образом, изопатия (*aequalia aequalibus*) пока не имеет в свою пользу никаких рациональных оснований.

собом **антипатическим** (предписывающим лекарства прохлаждающие и остужающие), надобно видеть чистые опыты, когда употребляют эти два противоположные способа у одного и того же больного и при одинаковой степени ожога.

Так John Bell (*Kuhn, Phys. - med. Journ. Leipzig, 1801. S. 428*) лечил одну руку у обожженной дамы скипидаром, а другую - холодной водою. Боли в первой руке совершенно прекратились через полчаса, в другой же не прекращались в течение шести часов, усиливаясь каждый раз, как только руку вынимали из воды, хотя бы на мгновение, причем заживление этой руки значительно затянулось сравнительно с первойю.

Точно так же John Anderson (*Kentish, loc. cit., S. 43*) лечил горничную, у которой лицо и руки были обожжены кипящим салом: "Лицо, сильно обожженное и жестоко болевшее, было обложено компрессом с терпентинным маслом,

руку же сама больная уже смочила холодной водою и желала продолжать это лечение еще несколько часов. Спустя семь часов ожог лица значительно облегчился. Примочка из холодной воды на руку часто возобновлялась со значительным усилением болей при каждой смене, однако воспаление явно усилилось. В следующую за тем ночь больная вовсе не могла заснуть от сильных болей в руке, и к утру воспаление распространилось выше локтя, причем по всей руке и кисти появилось много больших пузырей и толстых струпуев; затем на руку положена была теплая припарка. Ожог лица прошел совершенно; рука же зажила не раньше 14-ти дней, при употреблении смягчительных средств".

Что касается вреда холодных примочек при ожогах, то его подтверждает, кроме J. Hunter'a, также W. Fabric. v. Hil-den (*De combustionibus libellus*, Basil. 1607, Cap. V. p. 11): "холодные примочки при ожогах действуют очень вредно, вызывая воспаление, нагноение и иногда даже гангрену".

Старый, опытный жнец, даже вообще не употребляющий спиртных напитков, когда он на солнце так разгорячается от своей работы, что бывает близок к горячечному состоянию, не станет пить холодной воды (*contraria*

contrariis), но выпьет глоток водки - напитка разгорячающего. Опыт, учитель истины, убедил его в пользе этого гомеопатического врачевания: жар и усталость его скоро исчезают. Zimmermann свидетельствует, что жители жарких стран делают то же самое с наилучшим успехом, т. е. пьют немного какой-либо спиртной жидкости после сильного разгорячения.

Итак, мы видим, что время от времени встречаются врачи, которые предчувствовали, что лекарства излечивают больных своею способностью производить припадки, сходные с припадками врачуемой болезни.

Таким образом, Bouldou понял, что **слабительное** свойство **ревеня** есть причина его способности **останавливать поносы**.

Detharding угадал, что настойка из **Александрийского листа** может унимать колику по причине своего сродного свойства - **возбуждать колики в людях здоровых**.

Thoury свидетельствует, что положительное **электричество ускоряет** биение пульса, но также и замедляет, когда он бьется слишком скоро от действия болезни.

Bertholon признается, что **электричество ослабляет и уничтожает болезнь весьма**

сходную с тою, которую оно само производит.

Stoerck думает, "что дурман, вызывающий умопомешательство и бешенство в здоровых людях, очень полезно давать помешанным, чтобы **возвратить** им **употребление рассудка**, произведя перемену в их идеях".

Но Stahl, врач одного датского полка, яснее всех высказал в этом отношении свое убеждение: "Принятое в медицине правило, вследствие которого должно лечить болезни **противоположными** лекарствами (contraria contrariis), совершенно ложно, и я убежден в том, что болезнь должна уничтожаться лекарством, производящим сходное страдание (similia simili-bus); таким образом излечивали ожоги, приближая к огню обожженную часть, отмороженные члены - через приложение снега или самой холодной воды, воспаления и ушибы - дистиллированными спиртами, а склонность к желудочной отрыжке - маленькими приемами серной кислоты".

Итак, врачи часто приближались к великой истине; но они ограничивались только поверхностными идеями, и таким образом перерождение, столь решительно необходимое, прежней терапии в искусство истинного, чистого и

верного врачевания оставалось без исполнения до наших дней.

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА

§ 1.

Высшее и **единственное** назначение врача состоит в том, чтобы возвращать здоровье больному - излечивать его¹.

§ 2.

Идеал лечения состоит в том, чтобы **восстановить здоровье больного скоро, легко и прочно** или устранить и совершенно уничтожить болезнь во всем ее объеме кратчайшим,

---

¹ А не в том (как поступали до сих пор столь многие врачи, бесплодно теряя время и силы), чтобы строить системы на шатких идеях о сущности внутренней жизненной силы и происхождении болезней или производить бесчисленные опыты для объяснения болезненных припадков и их ближайшей причины, которая для нас всегда оставалась неизвестною. Давно бы пора врачам перестать морочить смертных пустословием и приняться за настоящее дело, т. е. действительно помогать страждущему человечеству - вылечивать больных.

вернейшим и безвреднейшим способом на основании ясных и очевидных данных.

§ 3.

Четыре условия необходимы для врача, желающего действовать **основательно, согласно своей высокой цели и быть истинным художником в искусстве лечения**: 1) определить в точности, **что должно лечить в каждом данном случае (рас-познавание болезни, показание)**; 2) **знать целительные свойства различных лекарств (лекарствоведение)**; 3) **уметь применять лекарство к болезни так, чтобы выздоровление необходимо последовало**, для чего необходимы как **точный выбор лекарства**, так и знание настоящей **меры приема и времени его повторения**; наконец, 4) **знать и устранять обстоятельства, препятствующие выздоровлению**, для того, чтобы последнее было надежно.

§ 4.

Врач должен быть также и охранителем здоровья, если ему известны причины, производящие и поддерживающие болезни, и если он

может устранить их в обыкновенном образе жизни здорового человека.

§ 5.

Пособием при лечении служат врачу вероятные поводы к заболеванию при острой болезни, равно как наиболее важные моменты истории болезни при **недугах** хронических, с целью определения их **причин**, по большей части заключающихся в действии хронической миазмы, причем необходимо определить телосложение и темперамент больного (особенно при хронических болезнях), его характер и душевное настроение, занятия, образ жизни, привычки, общественные и домашние отношения, возраст, половые отправления и пр.

§ 6.

Беспристрастный наблюдатель, отнюдь не увлекаясь отвлеченными предположениями, не доказанными опытом, должен обращать внимание в каждом отдельном случае только на внешние, чувствам доступные изменения в состоянии тела и души больного, только на **признаки и припадки болезни**, т. е. на отклонения от здорового состояния, которые ощущает сам

больной, видят его окружающие и наблюдает врач. Совокупность всех этих признаков представляют собою возможно полную и единственно доступную нам картину болезни во всем ее объеме².

§ 7.

Если причина, возбуждающая или поддерживающая болезнь (*causa occasionalis*) очевидна, то без сомнения необходимо устранить

---

² Не понимаю, как могла возникнуть мысль искать предмет лечения единственно в недрах организма, которые всегда оставались и останутся недоступными для наших исследований; как возможно было питать эту сколько тщетную, столько же и смешную уверенность, будто бы врач может постичь внутренний, невидимый беспорядок организма и восстановить здоровье лекарствами, не заботясь о припадках болезни, и даже считать этот способ лечения единственно верным и основательным.

Разве болезнь, представляющаяся чувствам нашим в ее припадках, не та же самая, которая произвела в недрах организма невидимую перемену и которой сущность нам неизвестна? И последняя не есть ли недоступная, а первая - доступная сторона одной и той же вещи, единственная сторона, которую возможно наблюдать посредством чувств наших и которая одна только предоставлена нам природою как предмет лечения? Можно ли доказать противное? Не странно ли избирать предметом врачевания состояние болезни внутреннее, непостижимое, невидимое, называемое *prima causa morbi*, и отвергать, презирать сторону, представляющуюся чувствам нашим, т. е. припадки, которые так ясно указывают нам на ту же болезнь?

Доктор Рау в своем сочинении о достоинстве гомеопатического способа, стр. 103, говорит: "врач, изыскивающий сокровенные изменения во внутренности организма, может обманываться ежеминутно, но гомеопат, старательно исследовавший верное изображение болезни - совокупность припадков, - приобретает надежного руководителя, и если достигнет устранения всей этой совокупности припадков, то, без сомнения, уничтожит вместе с тем и причину болезни, сокрытую в недрах организма".

ее прежде всего³. Но так как и в этом случае болезнь обнаруживается только посредством припадков, то последние должны служить главным и единственным показанием при выборе лекарств, способствующих выздоровлению. Принимая в соображение случайный миазм, на котором может основываться болезнь, и в то же время не упуская из вида других обстоятельств, исчисленных в § 5, врач все-таки должен обращать постоянное внимание на наружное выражение внутренней сущности болезни, т. е. на совокупность⁴ припадков, как на главный и

---

³ Понятно, что всякий благоразумный врач всегда постарается удалить случайную причину болезни, если она существует, после чего недомогание обыкновенно проходит само по себе; так, например, он вынет занозу, попавшую в глазную плеву и вызвавшую здесь воспаление; ослабит слишком тугую перевязку какого-либо раненого члена, чтобы предотвратить в последнем развитие гангрены, и перевяжет раненую артерию, кровотечение из которой грозит смертью; он выведет из желудка посредством рвоты какие-либо ядовитые вещества, извлечет инородное тело, попавшее в какое-либо отверстие тела, например, в нос, горло, ухо, прямую кишку, в мочевого канал, маточный рукав; он раздробит камень в мочевом пузыре, откроет заросший задний проход у новорожденного и пр.

⁴ Во все времена часто применялся так называемый облегчающий способ, когда старались устранить в той или другой болезни один из различных припадков, в которых она обнаруживалась, - способ, по справедливости заслуживший всеобщее пренебрежение, ибо он не только не приносил пользы, но часто значительно вредил больному. Действительно, один какой-нибудь, хотя бы и преобладающий, припадок столь же мало составляет болезнь, как нога - целого человека. Этот способ тем более достоин отвержения, что и отдельный припадок лечили противоположным лекарством, т. е. по способу антипатическому и паллиативному, причем кратковременное облегчение симптома вскоре сменялось ожесточением последнего.

единственный предмет для руководства при выборе лекарств.

§ 8.

Невозможно ни представить себе, ни подтвердить каким-либо опытом, чтобы по устранении всех болезненных припадков и вообще внешних признаков болезни не восстановилось здоровье и не уничтожилось внутреннее расстройство организма⁵.

§ 9.

В здоровом состоянии человека его телом неограниченно управляет жизненная сила и содержит все его части в чудном согласии ощущений и деятельности, так что живущий в нас

---

⁵ Никто из больных, излеченных от своей болезни истинным врачом, когда устранены все припадки, все признаки болезни и возвращены, восстановлены все признаки здоровья, не решится утверждать без насмешки над собственным рассудком, что болезнь еще гнездится у него в теле. Однако Гуфеланд, представитель старой школы, утверждает это; он говорит (Номоопатия, s. 27, z. 19): "гомеопатия может устранить симптом, а самая болезнь остается в организме". Этот приговор можно объяснить отчасти злобою на успехи гомеопатии в лечении человечества, отчасти же чисто материальным взглядом автора на болезнь, которую он считает не динамически измененным бытием организма, но какою-то чисто материальной вещью, которая по совершившемся выздоровлении может еще оставаться в каком-либо уголке тела и может по произволу при наилучших условиях здоровья проявлять свое материальное присутствие. Так сильно еще ослепление старой патологии!

мыслящий дух может свободно пользоваться этой живой, здоровой машиной для высших целей существования.

§ 10.

Материальный организм без этой жизненной силы не способен ни к каким-либо впечатлениям, ни к деятельности, ни к самосохранению⁶. Только нематериальная динамическая сила, присущая материальному организму в здоровом и больном его состоянии (жизненная сила), может управлять всеми его ощущениями и отправлениями.

§ 11.

При наступлении болезни первоначально поражается эта духовная, повсюду присущая телу, самостоятельная (автоматическая) жизненная сила враждебным жизни, динамическим влиянием болезненного деятеля; только вследствие такого ненормального влияния жизненная сила может сообщать телу неприятные впечатления и нарушать его правильную деятельность, что мы называем болезнью. При

---

⁶ Тогда он мертв и только под влиянием физических деятелей подвергается гниению, разлагаясь химически на свои составные части.

этом невидимая, но узнаваемая только по действиям организма жизненная сила проявляет свое болезненное расстройство единственно изменениями ощущений и деятельности организма, доступными чувствам наблюдателя и врача, короче, болезненная деятельность этой силы выражается только **болезненными припадками** и ничем иным не может выражаться.

§ 12.

Только болезненно пораженная жизненная сила производит болезни, насколько последние представляются нашим чувствам, проявляя все болезненное настроение внутренней динамики; следовательно, и прекращение всех проявлений болезни и всяких уклонений от здорового состояния лечением необходимо предполагает и обуславливает возвращение жизненной силы к нормальному состоянию и восстановление здоровья организма⁷.

§ 13.

---

⁷ Каким именно образом жизненная сила организма производит проявления болезни, для врача навсегда останется тайною, да и не может принести ему существенной пользы; верховный Творец жизни оставил ему для наблюдения и поучения только действительно нужное и существенно плодотворное для исцеления человека.

Поэтому болезнь (если только она не принадлежит оперативной хирургии) отнюдь не должна считаться чем-то материальным, возникающим в живом организме, как это предполагают аллопаты, но невещественным, неосязаемым и неуловимым деятелем.

§ 14.

По бесконечной благодати Жизнедателя, всякое невидимое болезненное настроение в недрах человеческого организма неизменно и необходимо выражается болезненными признаками или симптомами, доступными наблюдению врача.

§ 15.

Страдание в недоступных недрах организма болезненно настроенной, оживляющей наше тело жизненной силы и совокупность вызванных им в организме внешних болезненных проявлений представляют собою одно целое; они нераздельны и тождественны. Организм как материальный снаряд жизни немислим без оживления его инстинктивно чувствующею и управляющею им жизненною силою, равно как и последняя немислима без организма;

поэтому тот и другая составляют одно целое, хотя наш ум и делит эту единицу на два понятия для удобства суждения о ней.

§ 16.

Под влиянием вредных деятелей на здоровый организм наша жизнедеятельность как духовная сила может поражаться только динамически, невещественным образом, почему и все болезненные ее расстройства (болезни) могут быть устранены не иначе, как тоже динамическим, духовным воздействием известных лекарственных веществ на нашу жизненную силу, которое передается по ее нервам; итак, лекарства могут восстанавливать здоровье только динамическим действием на жизненную силу.

§ 17.

Таким образом, **невидимое расстройство**, совершающееся в недрах организма, и **совокупность видимых припадков** находятся в таком тесном отношении между собою и представляют весь объем болезни в таком единстве, что они необходимо должны как **существовать**, так и **исчезнуть одновременно**. Что могла произвести совокупность внешних болезненных припадков, то же должно

произвести и нераздельное с нею внутреннее изменение в теле, так как в противном случае припадки не могли бы обнаружиться. Отсюда необходимо следует, что лекарство, уничтоживши все наружные признаки болезни, должно в то же время устранить и расстройство в недрах организма, ибо устранение первых не может состояться без исправления последнего⁸. С уничтожением всех признаков и припадков болезни уничтожается и внутреннее изменение, служившее ей основанием, а следовательно, проходит и вся болезнь; отсюда следует, что врачу нужно только устранить всю совокупность припадков, чтобы в то же время исправить изменение во внутренности тела и излечить всю болезнь; а так как излечение болезни есть восстановление здоровья, то в этом и заключается главная и единственная цель

---

⁸ Исполненный предчувствия сон, суеверно настроенное воображение, торжественное предсказание нередко заставляли верить в неизбежное наступление смерти в известный день или час и нередко действительно производили все явления возникающей и развивающейся болезни, признаки близкой смерти и даже самую смерть в назначенный час. Подобные факты возможны только в том случае, если одновременно с наружными припадками и соответственно им происходит известное изменение в недрах организма. Равным образом искусный обман или убеждение в противном часто уничтожали в подобных случаях все признаки близкой смерти и скоро восстанавливали здоровье, чего не могло бы произвести это нравственное лекарство, не уничтожив во внутренности организма изменений, грозивших смертью.

врача, верно понимающего важность своего назначения.

§ 18.

На основании той несомненной истины, что болезни только **совокупностью своих припадков могут указывать нам на лекарство, необходимое для излечения**, необходимо заключить, что полная совокупность припадков, представляемая каждым отдельным случаем, служит единственным **показателем** для выбора приличного лекарства.

§ 19.

Так как болезни представляют собою не что иное, как **изменение в состоянии здоровья человека здорового**, обнаруживающееся посредством видимых признаков, и как излечение возможно только посредством **перемены болезненного состояния в здоровое**, то легко понять, что лекарствами невозможно было бы излечивать, если бы они не имели силы **изменять состояние человеческого здоровья**, ощущений и органических отправления организма, и что только на этой силе основано их **целительное свойство**.

§ 20.

Эта **динамическая сила**, заключающаяся в лекарствах, отнюдь не может быть постигнута нами в ее **сущности**, одними усилиями ума; мы можем понимать ее только по **действиям**, которые обнаруживает она при влиянии на **здоровье людей**, и только **опыт** может дать нам о ней ясное представление.

§ 21.

Если целебное действие лекарства в его сущности нельзя определить умственно и если даже самый тонкий наблюдатель, производя опыты над лекарствами, не замечает в них ничего иного, кроме свойства производить перемены в состоянии человеческого здоровья, **вызывая специфические припадки в здоровом теле**, то отсюда следует, что лекарства не иначе могут обнаруживать свою целебную силу, как только посредством этой особенности производить болезненные перемены в здоровом состоянии человека; таким образом, припадки, возбуждаемые лекарствами в здоровом теле, служат нам единственными показателями их целебного свойства, представляющими нам

болезненную картину, которую каждое лекарство может производить в теле человека; только таким путем мы можем узнать и самые лекарства, которыми известные болезни могут и должны быть излечены.

§ 22.

Так как в болезнях, кроме совокупности припадков, невозможно найти ничего другого, подлежащего устранению для восстановления здоровья, и так как лекарства не иначе обнаруживают целебное свойство, как своею способностью **производить болезненные припадки** в здоровых людях, то отсюда следует: 1) что лекарства способны лечить болезни только путем **устранения наличных припадков естественной болезни** возбуждением известных **новых припадков**, или **болезни искусственной** и 2) что для устранения совокупности припадков какой-либо болезни необходимо отыскать такое лекарство, которое способно было бы произвести припадки, **подобные (гомеопатический способ)** или **противоположные (антипатический способ)** припадкам естественной болезни, смотря по указаниям опыта в том и другом случае. Третий способ употребления врачебных средств, единственно возможный кроме этих

двух, есть **способ аллопатический**, по которому дают средства, производящие припадки, не сходные и не противоположные припадкам естественной болезни, но совершенно разнородные, которые, следовательно, не имеют прямого отношения к врачуемой болезни; об этом способе говорено выше при обзоре способов старой медицинской школы. Он представляет собою несовершенное подражание крайне недостаточным усилиям жизненной силы - силы растительной и неразумной, - которая, будучи предоставлена самой себе, стремится как ни попало освободиться от болезни. Эта органическая сила существует для сохранения организма только в здоровом состоянии, а не для восстановления здоровья, нарушенного болезнью, и отнюдь не может служить образцом искусству врача, требующему глубоких соображений и суждений.

§ 23.

Каждый чистый и точный опыт убеждает нас, что упорные припадки болезни не могут уничтожаться лекарствами, вызывающими противоположные явления (как требует этого **антипатический, энантипатический** или **паллиативный** способы), но что, напротив того, болезненные припадки после кажущегося

краткого облегчения снова обнаруживаются еще с большею жестокостью и очевидно приводят больного в худшее положение (см. §§ 58, 62, 69).

§ 24.

Итак, не остается другого способа лечения болезней, кроме **гомеопатического**, по которому против совокупности припадков должно отыскать такое лекарство, которое преимущественно перед всеми прочими средствами по изменениям, производимым им в здоровом теле, обладало бы способностью **возбуждать искусственную болезнь, в возможной мере сходную с естественной болезнью**, о которой идет речь.

§ 25.

Единственный непреложный оракул в искусстве лечения - **чистый опыт**⁹,

---

⁹ Здесь я разумею не тот опыт, которым славятся наши обыкновенные практики, излечив в продолжение многих лет многоразличными составными рецептами многие болезни, которых они не испытывали самостоятельно, но принимали по правилам школы за болезни, известным образом описанные и названные в патологии, или в которых они предполагали какую-то воображаемую болезненную материю или другую внутреннюю, не менее загадочную ненормальность. Хотя их опыт всегда что-либо им показывал, но они не понимали того, что наблюдали и видели только

произведенный точными исследованиями, научает нас, что, действительно, из всех лекарств, обладающих способностью расстраивать здоровье людей, то, которое возбуждает в здоровом теле припадки, сходные с большинством припадков лечимой болезни, уничтожает всю совокупность припадков этой болезни, т. е. всю болезнь (см. §§ 6-16), скоро, верно и прочно; это замечается во всех болезнях без исключения, предполагая однако, что прием лекарства надлежащим образом уменьшен и разжижен.

§ 26.

Целительные действия гомеопатического способа обусловлены **естественным законом**, который еще не узнан поныне, но на котором, однако, во все времена основывалось всякое истинное лечение. Вот формула этого закона:

Слабейшее динамическое поражение надежно уничтожается в живом организме другим сильнейшим, если последнее

следствия стечения врачебных влияний на неизвестный предмет, из коих они не могли вывести никакого результата, никакого наставления. Такого рода опыт, продолжаемый хотя бы пятьдесят лет сряду, очень сходен с рассматриванием калейдоскопа, наполненного неизвестными разноцветными предметами, находящимися в непрерывном движении; наблюдатель видит здесь тысячи различных фигур, беспрестанно изменяющих свою форму, но ни в одной из них не может дать себе отчета.

отлично от первого по своей сущности, но весьма сходно по образу своего проявления¹⁰.

§ 27.

Таким образом, целительная способность лекарств основывается на сходстве их припадков с припадками болезни (§§ 12-26), так что всякое поражение может уничтожиться скорым, коренным и безопасным образом только при помощи такого лекарства, которое преимущественно пред прочими способно произвести в организме искусственное состояние, в

---

¹⁰ Таким путем излечиваются как физические, так и душевные страдания. Отчего ярко светящийся Юпитер с приближением рассвета невидим для наблюдателя? От влияния на глаз наблюдателя более сильной, но подобной же силы - света занимающейся зари. Чем успокаивается нерв обоняния в зловонных местах? Нюхательным табаком, который действует на этот нерв подобным же, но более сильным образом, тогда как, например, ни музыка, ни сласти, действуя на слуховой и вкусовой нервы, не исправят этого неприятного ощущения. Стон наказываемого шпицрутенами солдата, неприятно действующий на окружающих, хитро заглушается свистящею дудкою и барабаном. Гром неприятельских пушек, внушающий страх войску, предусмотрительно парализуется подобным же грохотом большого барабана, тогда как в обоих этих случаях не помогли бы делу ни раздача блестящей амуниции, ни выговоры. Печаль и горе облегчаются у нас другим, более сильным, хотя бы даже вымышленным несчастьем, постигшим кого-либо другого. Вред от слишком большой радости устраняется несколькими глотками кофе, который сам вызывает чрезмерную веселость. Народы, пребывавшие, подобно германцам, в течение целых столетий в апатическом сне и рабской покорности, должны были подпасть еще большему угнетению при нашествии западного завоевателя, но когда иго стало невыносимым, в народе снова пробуждается чувство человеческого достоинства и он гордо поднимает голову на защиту своих прав и родной страны.

возможной степени сходное с совокупностью припадков лечимой болезни и в то же время превосходящее ее в силе.

§ 28.

Так как этот естественный закон излечения подтверждается всяким чистым и правильным опытом и сам по себе не подлежит сомнению, то нам нет надобности изъяснять гомеопатическое излечение научным образом, и я даже очень мало ценю такое теоретическое объяснение, ввиду очевидности самого факта. Впрочем, следующее объяснение мне кажется наиболее верным, так как оно основано исключительно на данных чистого опыта.

§ 29.

Всякая болезнь (нехирургическая) состоит только в динамическом уклонении жизненной силы от нормального состояния, состоящем в изменении отправлений и ощущений организма и обнаруживающемся видимыми припадками. Назначая больному гомеопатическое лекарство, врач подвергает его влиянию другой динамической силы, превращающей естественную болезнь в

искусственную, которая очень сходна с первою и несколько сильнее ее. А так как сила, производящая болезнь, представляет собою нечто нематериальное, чисто динамическое, то естественная болезнь перестает существовать, как скоро ее заменит искусственная, первая преодолевается и уничтожается последнею. Но как продолжительность искусственно вызванной болезни обыкновенно незначительна¹¹, то и она тотчас преодолевается жизненною силою, так что эта хранилища нашего организма скоро возвращается к нормальному состоянию целости и первоначального здоровья. Это весьма правдоподобное объяснение основывается на следующих положениях.

§ 30.

---

¹¹ Благодаря кратковременности действия искусственно болезненного вещества, называемого лекарством, его влияние, хотя сильнее естественной болезни, но преодолевается жизненною силою гораздо легче более слабых естественных болезней (псора, сикоз, сифилис), которые неодолимы для нее только вследствие их деятельности, непрерывно продолжающейся по большей части целую жизнь. Когда же врач произведет раздражение жизненной силы очень сходным болезнетворным, но более сильным деятелем (гомеопатическим лекарством) и бессознательной, инстинктивной жизненной силе подменит искусственную болезнь на место естественной, то течение первой уже непродолжительно и действие лекарственного вещества вскоре истощается. Подобным же образом и многолетние болезни излечиваются (§ 46) с появлением, например, натуральной оспы или кори, продолжительность которых занимает только несколько недель.

Состояние здоровья человека, по-видимому, гораздо сильнее изменяется лекарствами, чем естественными болезненными раздражениями, так как последние преодолеваются и уничтожаются искусственными, лекарствами¹².

§ 31.

Неприятные силы, как физические, так и душевные, поражающие нас при жизни и **называемые вредоносными и болезненными влияниями**, не обладают безусловной способностью расстраивать наше здоровье¹³. Человеческий организм впадает через них в состояние болезни только тогда, когда он находится в особенном расположении к восприятию этих влияний; поэтому они не могут ни в массе людей, ни в отдельных случаях производить болезни **во всякое время**.

---

¹² Деятельность лекарств усиливается также величиною приема, которым распоряжается врач.

¹³ Говоря, что болезнь расстраивает состояние здоровья, я отнюдь не думаю давать этим сверхъестественное объяснение внутреннего свойства болезней вообще или какого-либо отдельного случая в частности. Это выражение означает только, что болезни суть ничто, в смысле безусловного отсутствия в них механической или химической перемены материального вещества, из которого состоит наше тело, что они не зависят от болезненной материи, но составляют динамическое изменение нашего бытия.

§ 32.

Но совсем иначе действуют **лекарственные болезни**. Всякое истинное лекарство действует на **каждого человека во всякое время и при всяких обстоятельствах**, вызывая в нем свойственные себе припадки (даже ясно заметные, если прием довольно велик), так что каждый человеческий организм **безусловно поражается** и, так сказать, **заражается врачебною болезнью**, что не всегда мы видим в недугах естественных.

§ 33.

Итак, опыты доказывают¹⁴, что человеческое тело гораздо склоннее и способнее раздражается и испытывает перемены здоровья от лекарств, чем от вредоносных влияний и заразных миазмов, другими словами, что **вредоносные, нелекарственные влияния обладают более слабою и относительною силою**,

---

¹⁴ Вот поразительный пример в этом роде. В 1801 г. гладкая, так называемая сиденгамовская скарлатина жестоко свирепствовала между детьми; когда же я начал употреблять предохранительные весьма малые приемы белладонны достаточно своевременно, то дети избегали заражения. Если лекарства могут защищать от заражения тяжкою болезнью, то им необходимо иметь преобладающее влияние для возбуждения нашей жизненной силы.

тогда как болезненная сила лекарств проявляется безусловно и превосходит болезненное действие первых.

§ 34.

Впрочем, преобладающая сила искусственных болезней не единственное условие их способности лечить естественные. Необходимо также, чтобы **искусственная болезнь** была **по возможности сходна с естественною**, ибо только в таком случае при одновременном преобладании силы естественная болезнь может быть подменена и уничтожена искусственно. Этот закон до того непреложен, что сама все-**сильная природа** не может излечить болезни путем присоединения к ней новой **несходной**, тем не менее, врач в состоянии достигнуть этой цели лекарствами, производящими **несходное с болезнью состояние** в здоровом теле.

§ 35.

Для пояснения рассмотрим в трех различных случаях способ действия природы при двух естественных, несходных болезнях, соединенных в одном и том же теле, равно как действие обыкновенного лечения болезней

аллопатическими лекарствами, т. е. не способными произвести искусственное состояние, сходное с лечимой болезнью. Мы увидим, что ни сама природа, производя другую, негомеопатическую болезнь, хотя бы и сильнейшую, ни врач, употребляя лекарство негомеопатическое, как бы ни было оно сильно, не в состоянии излечить болезни хронической или слишком тяжкой.

§ 36.

I. Если две **несходные болезни**, встретившись в одном организме, оказываются **равносильными** или **прежня болезнь сильнее последующей**, то последняя будет отражена первой; так, например, страдающий тяжкою хроническою болезнью не заразится умеренным осенним поносом (dysenteria) или другою подобною же эпидемией. **Левантская язва**, по словам Ларрея¹⁵, не появляется в местах появления **скорбута**, которому также не подвергаются страдающие **лишайми**. **Английская болезнь**, по заявлению Дженнера, препятствует действию **прививной оспы**. По наблюдениям Гильдебранта, страдающие **гнойным**

---

¹⁵ Memoires et observations, dans la description de l'Egypte, t. I.

воспалением легких не заражаются эпидемическими лихорадками, если они не слишком жестоки.

§ 37.

Точно таким же образом **аллопатическое лечение, не слишком сильное**, хотя продолжалось бы многие годы, **не может излечить застарелой хронической болезни**; она остается без изменения, ибо ее лечат лекарствами, которые не могут возбудить в здоровом теле поражения, сходные с естественным страданием.

§ 38.

II. Второй случай бывает тогда, когда **новая несходная болезнь сильнее предшествовавшей**. Здесь прежняя болезнь **останавливается на время новую**, пока последняя сама пройдет или излечится, но **затем прежняя болезнь появляется снова**. Tulpius¹⁶ сообщает, что двое детей, подверженных **падучей болезни**, заразились **чесоткою**, причем эпилептические припадки **прекратились**, но как скоро чесотка прошла, **эпилепсия возвратилась снова**. По

---

¹⁶ Obser., lib. 1, obs. 8.

наблюдениям Schoerpf'a¹⁷, **чесотка** исчезла на все время, пока больной страдал **скорбутом**, но по излечении **цинги** появлялась снова. **Гнойное воспаление лег-ких**¹⁸ приостановилось, когда больной был поражен **тяжкою нервною горячкою**, но по миновании ее **приняло свое** прежнее течение. **Мания**, присоединяясь к **чахотке**, по-видимому, уничтожает последнюю со всеми ее припадками; но лишь только умопомешательство проходит, как бугорчатка возвращается и убивает больного¹⁹. Если **корь** и **оспа** поражают младенца одновременно, то уже высыпавшая **корь** обыкновенно останавливается, уступая место оспенным прыщам, а по излечении последних появляется снова. Равным образом, по наблюдениям Манжета²⁰, уже привитая и высыпавшая наружу **оспа** задерживается дня на четыре появлением **кори**, затем снова воспринимает свое течение; при этом, если оспа привита назад тому шесть дней, то обусловленное ею воспаление приостанавливается обнаружившеюся **корью**, а оспа появляется не прежде, как **корь** окончит свое се-

---

¹⁷ Hufeland's Journal, XV, II.

¹⁸ Chevalier, В Hufeland's neueste Annalen d. franzosischen Heil-kunde, II, s. 192.

¹⁹ "Mania phthisi superveniens eam cum omnibus suis phaenomenis aufert, verum mox redit phthisis et occidit, abeunte mania". Reil, Memorab. Fasc. III, s. 177.

²⁰ Edinb. med. Comment., Th. I, 1.

мидневное течение²¹. В другом случае, когда прививали оспу детям в местах корней эпидемии, у многих появлялась **корь** через четыре или пять дней после привития и препятствовала **высыпанию оспы** до своего окончания; затем уже высыпала привитая оспа и протекала благоприятно²². **Настоящая скарлатина**²³, гладкая, рожевидная, соединенная с жабою, была остановлена на четвертый день появлением предохранительной оспы, а по прошествии последней скарлатина появилась снова. Таким же образом и предохранительная оспа была задержана в десятый день появлением настоящей **скарлатины**, так что ее красный кружок исчез совершенно; но когда скарлатина прошла, предохранительная оспа появилась снова и имела правильное течение²⁴ (отсюда, по-видимому, следует, что эти болезни равносильны). **Корь** также задерживает предохранительную **оспу**; по наблюдению Kortum'a, через восемь дней по привитии, когда предохранительная оспа достигла высшего своего развития,

---

²¹ John Hunter, *Über die venerischen Krankheiten*, s. 5.

²² Rainay, *Med. Comment. of Edinb.*, III, p. 460.

²³ Эта настоящая скарлатина очень хорошо описана Сиденганом, Витерингом и Пленсицом; она очень отлична от лихорадки с просяною сыпью, которую также привыкли называть скарлатинною; впрочем, в последние годы эти две болезни, первоначально очень различные, сделались довольно сходными по припадкам.

²⁴ Jenner, *Medic. Annalen*, 1800, S. 747.

появилась **корь**; оспа тотчас же остановилась и окончила свое течение уже после окончания кори, так что ее гнойные прыщи в шестнадцатый день имели такой вид, какой они должны иметь в десятый²⁵. В другом случае, из практики того же Kortum'a²⁶, привитая оспа оставалась еще в своей силе после появления кори, но окончить полное свое течение могла только по прошествии присоединившейся сыпи. Я наблюдал случай, где **заушница** (*angina parotideae*) исчезла тотчас по привитии предохранительной **оспы**, и только по совершенном прекращении последней, когда исчезли кружки ее прыщей, **опухоль** заушных и нижнечелюстных желез, обусловленная особенным миазмом, возвратилась и окончила свое семидневное течение.

Вообще так всегда бывает со всеми несходными болезнями: **сильнейшая задерживает слабейшую** (если только они не соединяются между собою, что редко случается в острых болезнях); но **одна другою они никогда не излечиваются**.

§ 39.

---

²⁵ Hufeland's Journ. d. praktischen Arzneikunde, XX, S. 50.

²⁶ Loc. cit.

Врачебное искусство в продолжение стольких веков видело все это; оно видело, что сама природа не может излечить болезни присоединением к ней нового, несходного с нею недуга. Однако, вопреки указаниям опыта, хронические болезни продолжали лечить аллопатическим способом, т. е. лекар-ствами, способными вызвать болезненное состояние, несходное с состоянием естественной болезни. Применяя сильное аллопатическое лечение против хронической болезни, аллопаты производили искусственную болезнь, которая могла замаскировать и прекратить естественную только **на время своего продолжения**. Они должны были видеть, что первоначальная болезнь, задержанная на известное время, всегда возвращалась, как скоро ослабление сил больного не позволяло более производить аллопатических нападений на его здоровье. Таким образом, например, лихорадочная сыпь (exanthe-ma) вскоре исчезла с тела посредством **сильных и частых приемов слабительного**; но когда искусственная болезнь, произведенная в кишках больного и несходная с псорую, становилась невыносима, когда он не мог уже принимать слабительных, упомянутая сыпь снова появлялась, как и прежде, причем внутренняя псорическая болезнь обнаруживала какой-нибудь

другой мучительный припадок, присоединившийся к болезненному расстройству пищеварительных органов и значительному ослаблению сил. То же должно сказать об **искусственных язвах** или **фонтанелях**, производимых на коже с целью уничтожения хронической болезни; они никогда не достигнут этой цели, потому что **излишни** и **аллопатичны** в отношении к **внутреннему страданию**. Впрочем, так как раздражение, производимое **несколькими фонтанелями**, часто сказывается сильнее раздражения естественною болезнью, то последняя иногда действительно **утихает** и **приостанавливается**; но и эта временная остановка покупается **ценою истощения сил** больного. Так **падучая**, в продолжение многих лет задерживаемая фонтанелями, по свидетельству Пеклина и др.²⁷, возвращается в еще более худшем виде, когда закрывают эти фонтанели. Но как слабительные относительно псоры, так и фонтанели в отношении к падучей - лекарства несходные и непригодные, так и все эти рецепты, составляемые в неизвестных и на удачу собранных средств против бесчисленных других болезней, чужды им, несходны с ними и потому непригодны для лечения. Они только

---

²⁷ Obs. phys.-med., lib. 2, obs. 30.

ослабляют, задерживают и отдаляют на некоторое время зло, но не могут излечить его; от долговременного же употребления подобных лекарств нередко развивается новая болезнь, которая соединяется с прежнею.

§ 40.

III. В третьем случае **новая болезнь после долговременного влияния на организм соединяется, наконец, с прежнею несходною болезнью и образует с нею новый, сложный недуг**, причем каждая из соединившихся болезней занимает отдельную часть тела, т. е. **органы, которые ей наиболее приличны**, предоставляя другой болезни тоже части, ей свойственные. Так, зараженный сифилисом может еще приобрести псору и наоборот. **Как две несходные болезни они не могут ни исключить, ни излечить одна другую.** Вначале, при преобладании псоры, припадки сифилиса задерживаются; но как скоро последний сделается по крайней мере равносильным псорическому поражению, обе болезни совмещаются в организме, причем каждая занимает свой-

ственные ей части тела²⁸ и заражение становится сложнее и труднее для излечения.

При стечении двух скоротечных заразных болезней, например, оспы и кори, одна обыкновенно задерживается другою, как сказано выше; но случаются жестокие эпидемии, где (хотя редко) **две несходные острые болезни появляются одновременно в организме и таким образом соединяются на короткое время.** При эпидемии оспы и кори было по крайней мере 300 случаев, где эти болезни избегали или задерживали одна другую, так что корь поражала только через 20 дней после появления оспы, а последняя через 17 или 18 дней после кори, причем одна болезнь совершенно проходила, когда появлялась другая. Но в одном из этих 300 случаев Р. Russell²⁹ видел эти две несходные болезни **одновременно** у одной и той же особы. Rainey³⁰ также наблюдал у двух девушек соединение оспы с корью. Jean

---

²⁸ Точный опыт и лечение сложных болезней этого рода привели меня к полному убеждению, что это не есть смешение двух болезней, но что одна существует вместе с другою в организме, занимая каждая приличные ей части; потому для излечения этой болезни необходимы надлежащие меркуриальные средства попеременно с приличными антипсорическими; прием и форма лекарства должны также согласовываться с особенностями случая.

²⁹ Transactions of a Soc. for the improvem. of med. and chirurg. Knowl., II.

³⁰ Med. Commentar. von Edinburgh, III, p. 480.

Maugice³¹ говорит, что он встретил только два таких случая в продолжение всей своей практики. Подобные же наблюдения можно найти у Этмиллера³² и др. Zencker³³ наблюдал случай, где **прививная оспа** продолжала свое правильное течение вместе с **корью и просяною лихорадкою**. По наблюдению Дженнера, **прививная оспа** не прерывала своего течения в продолжение **меркуриального лечения**.

§ 41.

Усложнение болезней от долговременного употребления непригодных лекарств встречается еще чаще взаимного осложнения естественных недугов; настойчивое повторение таких лекарств производит, наконец, в теле настоящую искусственную болезнь, соответствующую собственным и специфическим качествам этих лекарств. Но так как эти искусственные страдания не могут излечить несходной с ними хронической болезни гомеопатическим раздражением, то они соединяются с нею и присовокупляют **новую искусственную болезнь к прежнему естественному страданию**,

---

³¹ Med. and phys. Journ., 1805.

³² Opera, II, p. I, cap. 10.

³³ Hufeland's Journal, XVII.

так что больной становится **вдвойне больным** и **более трудным** для излечения. Здесь можно бы привести множество случаев из разных медицинских журналов. Сюда же относятся частные случаи сифилиса (особенно в осложнении псорю или сикозом), лечимого долгое время непригодными меркуриальными составами, причем болезнь не только не излечивается, но осложняется **хроническим ртутным худосочием**³⁴ и образует с ним какую-то чудовищно сложную болезнь (обыкновенно называемую **скрытым сифилисом**), излечение которой в высшей степени трудно и даже невозможно.

§ 42.

Сама природа, как сказано выше, допускает иногда одновременное существование двух естественных болезней в одном и том же теле. Но это усложнение касается только **двух несходных недугов**, которые согласно вечным законам природы не могут взаимно уничтожиться и излечиться один другим. Эти две

---

³⁴ Кроме припадков, сходствующих с венерической болезнью и потому способных излечить ее гомеопатически, меркурий производит еще много других явлений, несходных с производимыми сифилисом; эти-то симптомы, когда меркурий дается в больших приемах и особенно при осложнении сифилиса псорю, производят жестокие расстройства в организме.

несходные болезни, совмещаясь в теле, делят, так сказать, между собою организм, причем каждая по преимуществу захватывает своиственные себе части, что, однако, опять-таки по несходству этих болезней может оставаться безвредным для целости нашего существования.

§ 43.

Но совсем иначе бывает при стечении **двух подобных болезней**, т. е. когда к существующей болезни присоединяется другая, **сильнейшая и сходная с нею**. Здесь-то и показывает природа, как она сама собою может лечить болезни и чего требует от врача.

§ 44.

Эти две сходные болезни не могут ни **отражать** (см. о несходных болезнях § 36), ни **взаимно задерживать одна другую** (§ 38), ни **существовать в теле одновременно**, образуя сложную болезнь (§ 40).

§ 45.

Действительно, две болезни, хотя и различные между собою по своей сущности³⁵, но вполне сходные по своим чистым действиям, т. е. относительно вызываемых ими страданий и припадков, **всегда взаимно уничтожаются, встречаясь в одном и том же организме, причем сильнейшая преодолевает слабейшую.** Причину этого легко понять. Две несходные болезни могли существовать в одном и том же теле, потому что их несходство позволяло им занимать различные места в организме; но здесь присоединившаяся болезнь занимает те же **части тела и поражает те же самые органы движения и чувства**, которые уже заняты болезнью. Итак, невозможно, чтобы сильнейшая болезнь существовала подле слабейшей; она необходимо должна умалить и совсем уничтожить прежнюю, как свет лампы меркнет перед солнечным лучом, который раздражает зрительный наш нерв с большею энергиею.

---

³⁵ Без этого различия двух болезненных сил по их сущности уничтожение одной другою было бы невозможно, хотя бы даже они много сходились по припадкам и даже одна из них была сильнее другой. Так, например, невозможно и смешно было бы лечить сифилис шанкерным гноем или чесотку - чесоточною материею. Сифилис излечим только силою, которая различна с ним по сущности, но очень сходна по припадкам, например, ртутью, производящею искусственную болезнь, очень сходную с сифилисом. Равным образом и чесотка излечивается искусственною болезнью, которую производит сера; точно так же и все прочие болезни излечиваются только силами, отличными от них по своей сущности. (Прим. из 4-го издания.)

Поражаясь новою болезнетворною силою, подобною уже существующей в организме, но сильнейшею, жизненное начало освобождается от первоначального поражения и неизбежно остается под исключительным влиянием сильнейшей болезнетворной силы, так что прежняя болезнь исчезает.

§ 46.

Здесь можно было бы привести множество примеров гомеопатического излечения самою природою одних болезней посредством присоединения к ним других, сходных с ними. Но, не выходя из области известных и неопровержимых фактов, мы должны исключительно придерживаться только тех всегда одинаковых болезней, которые происходят от постоянного миазма и известны под определенным названием.

Оспа, столь известная по сложности и жестокости своих припадков, служила чрезвычайно часто для гомеопатического излечения многочисленных болезней, сходных с нею по симптомам. Так, одно из самых общих действий оспы состоит в том, что она производит **жестокое воспаление глаз**, часто оканчивающееся потерю зрения; но она же и излечивает **хроническое воспаление глаз**, по наблюдениям

Dezoteux³⁶ и Le-roy³⁷. По свидетельству Klein'a³⁸, **потеря зрения**, продолжавшаяся два года и обусловленная скрывшеюся внутрь **псорю**, излечилась под влиянием оспы. Сколько раз псора вызывала глухоту и одышку! Но эти же болезни были и уничтожаемы ею, когда она достигала высшего своего развития, как свидетельствует J. F. Closs³⁹.

Воспаление ядер, даже самое сильное, тоже частый припадок оспы; поэтому она могла уничтожить значительную и долго существовавшую опухоль левого ядра, происшедшую от ушиба, как это наблюдал Klein⁴⁰, и значительную опухоль под глазами, по свидетельству другого наблюдателя⁴¹.

Оспа производит также **тщетные позывы на низ** (tenesmi anales), сопровождающие обыкновенно кровавый понос, как это наблюдал Fr. Wendt⁴².

Когда после **прививной оспы** появляется **натуральная**, последняя тотчас же уничтожает первую, не допуская ее достигнуть полного

---

³⁶ Traite de l'i oculation, S. 189.

³⁷ Heilkunde f. Mutter, S. 384.

³⁸ Interpres clinicus, S. 293.

³⁹ Neue Heilart d. Kinderpocken, Ulm. 1769. S. 68 und Specim. Obs. No 18.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Nov. Act. Nat. Cur, Vol. I, obs. 22.

⁴² Nachricht von dem Krankeninstitut zu Erlangen, 1783.

развития, как по значительному сходству, так и потому, что она сильнее прививной. Но если натуральная оспа появляется в то время, когда прививная оспа уже близка к зрелости, то последняя гомеопатически ослабляет первую, как наблюдал Muhry⁴³ и многие другие.

Кроме способности производить обыкновенные прыщи, предохраняющие от натуральной оспы, лимфа прививной оспы обладает еще способностью вызывать **всеобщую скоротечную сыпь** (exanthema). Последняя состоит в появлении конических прыщей, редко гнойных и крупных, обыкновенно же мелких, сухих, которые сидят на маленьких красных пятнах, перемешанных с другими красными же и круглыми пятнами на коже. Эта сыпь, сопровождаемая иногда жестоким зудом, появляется у многих детей за восемь дней прежде, а еще чаще после появления красного кружка (areolum) прививной оспы и исчезает через несколько дней, оставляя после себя небольшие красные жесткие пятна на коже. Вот почему прививная оспа излечивала у детей совершенно и прочно **самые застарелые и беспокойные сыпи**, как заметили это многие наблюдатели⁴⁴.

---

⁴³ Robert Willan, uber die Kuhpockenimpfung.

⁴⁴ Особенно Clavier, Hurel и Desormeaux B. Bull. des sc. medicales, publie par les membres du Comite central de la Soc. de medecine du departement de l'Eure, 1808. - Journ de medecine continue, vol. XV, p. 206.

Прививная оспа, производящая между прочим **опухоль руки**⁴⁵, излечила по высыпании своем **распухшую и полупараличную руку**⁴⁶.

Лихорадка прививной оспы, развивающаяся обыкновенно до появления прыщей около красного кружка, излечила гомеопатически **перемежающуюся лихорадку** у двух особ, как свидетельствует Hardege-младший⁴⁷ в подкрепление замечания J. Hunter'a⁴⁸, что две лихорадки (сходные) не могут совмещаться в одном и том же теле⁴⁹.

Корь по лихорадке и кашлю имеет большое сходство с **коклюшем**. Вот почему Bosquillon⁵⁰ заметил в одной эпидемии, когда обе эти болезни свирепствовали одновременно, что

---

⁴⁵ Balhorn, Hufeland's Journal, X, 11.

⁴⁶ Stevenson in Duncan's Annals of medicine, Lustr. II, vol. I Abtheil. 2, No 9.

⁴⁷ Hufeland's Journ. d. prakt. Arzneikunde, XXIII.

⁴⁸ Ueber die vener. Krankheit., S. 4.

⁴⁹ Здесь в прежних изданиях моей книги следовал ряд примеров излечения хронических худосочий **чесоткою**. Но после открытий, недавно заявленных мною в сочинении о хронических болезнях (книга I), я не могу уже смотреть на эти случаи как на настоящие гомеопатические излечения; ибо все эти хронические и тяжкие страдания, как то: удушливая одышка, изъязвление легких и пр. и пр. были уже **псорического** происхождения, представляя собою опасные припадки застарелой **внутренней псоры**, более и более развивавшейся. А так как эта дискразия была воспроизведена новою заразою в **простой, первоначальной форме чесотки**, то тяжкие припадки, угрожавшие жизни, тотчас исчезали. Подобное видоизменение припадков нельзя назвать собственно **гомеопатическим лечением**, хотя оно несомненно приносит пользу больному, приводя его в положение, более благоприятное для **коренного излечения псоры**.

⁵⁰ Elements de medic. pract. de M-r Cullen traduits, P. II, J. 3, ch. 7.

многие дети, заболевая корью, оставались свободными от коклюша. Они освободились бы все и навсегда от коклюша, если бы последний был сходен с корью вполне, а не отчасти только, если бы он сопровождался сыпью, появляющейся при кори; поэтому корь могла не всех, а **только многих** детей предохранить от коклюша и то только на время упомянутой эпидемии. Когда же корь встречается в теле с недугом, сходным с нею в главном припадке, именно в появлении скоротечной сыпи, то она без сомнения может излечить его гомеопатически. Таким образом, по наблюдению Kortum'a⁵¹, излечивались быстро, вполне и прочно **хронические лишай** по высыпании кори. **Просовидная и жгучая сыпь** на лице, шее и руках, продолжавшаяся шесть лет и возобновляющаяся при всякой перемене погоды, была превращена появлением кори в повсеместный подкожный отек; когда же прошла корь, то и неприятная сыпь была совершенно излечена и затем уже не возвращалась⁵².

§ 47.

---

⁵¹ Hufeland's Journal. XX, I II, S. 50.

⁵² Rau, Ueber den Werth des homoeopath, Heilverf, Heidelberg 1824, S. 85.

Эти естественные излечения всего яснее и убедительнее учат врача выбору искусственных болезнетворных сил, способных уничтожать болезни верно, скоро и прочно.

§ 48.

Из приведенных примеров видно, что сама природа никогда не может уврачевать одну болезнь другою, **несходною**, как бы ни была последняя сильна, но она производит это излечение как бы чудом, только под влиянием **сильнейшей** и **сходной** болезнетворной силы, припадки которой подобны припадкам лечимой болезни. Причина этого кроется в вечных и неизменных, но поныне неизвестных нам законах природы.

§ 49.

Мы нашли бы гораздо большее число этих гомеопатических естественных излечений, если бы, с одной стороны, наблюдатели были бы к ним внимательнее, а с другой - природа не имела так мало вспомогательных болезней, способных лечить гомеопатически.

§ 50.

Природа может употреблять для этой цели только немногие болезни с постоянным миазмом, о коих сказано было выше (оспа, корь с признаками оспы). Но болезнетворные силы, служащие природе целительными средствами, опаснее для жизни и ужаснее врачуемой ими болезни, так что последствия от них, в свою очередь, должны быть уничтожаемы лекарствами же; таким образом, природа может лечить гомеопатически только небольшое число недугов, и то с большою опасностью и неудобством для больного; ибо она не может соответственно с обстоятельствами изменить приемы этих болезнетворных сил, почему должна действовать всею совокупностью их на больного, хотя бы к очевидному вреду для него. Тем не менее мы видели разительные примеры гомеопатических излечений, произведенных самою природою, которые сами по себе служат доказательством коренного закона во врачебном искусстве: **лечить болезни лекарствами, припадки которых были бы подобны припадкам этих болезней.**

§ 51.

Вышеприведенных естественных излечений достаточно, чтобы понять закон, сейчас нами указанный. Но какое преимущество имеет в этом случае человек над природою! Сколько тысяч искусственных болезненных сил представляют ему лекарства, распространенные по всему лицу земли! Все это - производители искусственных болезней; весьма различные по своим действиям, они могут служить целительными средствами против всех естественных недугов, какие только возможно себе представить; это болезненные силы, которые врач может употреблять в столь малых приемах, что они поистине немногим сильнее той сходной болезни, которая должна ими уничтожиться; почему влияние этих болезненных сил исчезает само собою после совершенного излечения и уже не имеет нужды в других лекарствах для уничтожения в свою очередь! Отсюда следует, что этот превосходный способ лечения не требует никаких насильственных действий на организм и больной чувствует только легкий, мало заметный, но быстрый переход от естественного страдания к здоровью, которого он желает.

§ 52.

Из вышесказанного достаточно ясны великие выгоды го-меопатического способа, равно как и неудобства способа ал-лопатического, не имеющего прямого влияния на хроническую болезнь и действующего на менее страдающие части организма испражняющими, противодействующими, отвлекающими и тому подобными средствами. Употребляя сильные приемы этих сложных врачебных веществ (составные части которых по их специфическим действиям по большей части неизвестны) и истощая силы больного, врач производит искусственное состояние, разнородное и несходное с лечимой болезнью, которое вследствие естественных законов и вышеприведенных примеров никогда не может вылечить хроническую болезнь, но только ее усиливает (см. §§ 36-41). Аллопатический способ подражает грубой, неразумной жизненной силе, которая, будучи предоставлена самой себе, старается освободиться от болезней через возбуждение разнородных страданий в наименее поврежденных частях тела. Что же касается неважных скоротечных болезней, она прекращает их, причиняя тяжкие страдания и чрезвычайно истощая силы больного; сильные и опасные лихорадки преодолевает она с невероятной, но неприличной энергией, а в хронических болезнях ее усилия всегда

бесплодны. Итак, будем лучше подражать природе в этих спасительных, хотя и редких излечениях, где она уничтожает болезнь быстрым образом, присовокупляя к первоначальному состоянию новое сходное страдание.

§ 53.

Действительные и безвредные излечения достигаются только **гомеопатическим способом**, который найден нами посредством **опытов и наблюдений** (§§ 7-25). Это единственный путь, которым искусство может прекращать болезни самым верным, скорым и надежным образом, так как он основан на вечном и непреложном законе.

§ 54.

Гомеопатический способ (§ 43-49) есть единственный и лучший из всех трех возможных врачебных способов также потому, что он один держится прямого пути, ведущего к легкому, скорому и надежному излечению, не ослабляя больного и нисколько не вредя ему. Это единственная прямая линия между двумя точками.

§ 55.

Что касается **аллопатического**, или **гетеропатического**, способа, то мы о нем уже говорили в начале книги, потому нам остается только сказать о третьем способе - антипатическом.

§ 56.

Третий единственно возможный⁵³ способ - **антипатический** (**энантипатический**), или **облегчающий**, по-видимому, оказывает помощь больному, доставляя ему скорое облегчение. Но мы сейчас укажем, как вреден и бесполезен этот способ во всякой сколько-нибудь продолжительной болезни. Правда, изо всех способов прежней школы только этот имеет прямое отношение к какой-нибудь части болезни; но какое отношение? Обратное, которого должно бы наиболее избегать, чтобы за временное облегчение не подвергать больного ожесточению болезни.

§ 57.

---

⁵³ Можно бы привести еще четвертый способ применения лекарств в болезнях, именно так называемую изопатию, которая лечит болезни тем же самым миазмом, но сильно разжиженным и, следовательно, до известной степени измененным. Если бы верность этой методы можно было доказать, то излечение совершалось бы по формуле *simillima simillimis*.

Обыкновенный врач, следующий способу антипатическому, обращает внимание на один припадок, наиболее беспокоящий больного, не заботясь о прочих симптомах. Против этого главного припадка он дает лекарство, которое непременно **противодействует** лечимому припадку, следуя правилу "contraria contrariis", принятому за полторы тысячи лет старою медицинскою школою. Так предписывает он сильные приемы **макового сока** против болей всех родов; ибо ему известно, что это средство **быстро притупляет чувствительность**. То же средство употребляется от **поноса**, потому что оно **останавливает червеобразное движение** кишечного канала и притупляет его **чувствительность**; то же лекарство признано полезным и в **бессоннице**, так как оно внезапно вызывает **глубокий и оцепенелый сон**. Он употребляет **слабительные**, если больной страдает **завалами и запором**; заставляет держать **обожженную руку в холодной воде**, которая на время унимает жгучую боль; предписывает больному, жалующемуся на холод и недостаток жизненной теплоты, **жаркие бани**, которые на минуту согревают его; **ослабленного** хроническим страданием заставляет **пить вино**, временно оживляющее силы. Таким же точно образом

употребляются некоторые другие лекарства, **противоположные болезни** (т. е. **антипатические**); но, кроме вычисленных, врачу остается только небольшое число других средств, потому что обыкновенное врачебное искусство знает **специфические** действия (**первоначальные**) только очень немногих лекарств.

§ 58.

Разбирая критически этот третий способ лечения, я хочу только слегка заметить, что он не верен, ибо имеет в виду уничтожить **только один припадок**, а следовательно, малую часть целого; поэтому от него и нельзя ждать помощи против целой болезни, чего, однако, только и желает больной (см. прим. § 7). Но опыт и внимательное наблюдение доказывают, что после такого временного облегчения антипатическим лекарством всегда и без исключения следует ожесточение всякой хронической или продолжительной болезни, хотя бы врач и изъяснял это произвольным действием болезни, которая, по его мнению, только теперь обнаруживается⁵⁴.

---

⁵⁴ Хотя врачи редко производят многосторонние наблюдения над частными действиями лекарств, однако усиление болезни, необходимо следующее за употреблением облегчительных средств, не могло от них укрыться. Поразительный пример этого рода мы находим в сочинении И.

§ 59.

Никогда важные припадки продолжительной болезни не излечивались подобными **противоположными** и **облегчительными** средствами, но после минутного облегчения всегда и вскоре следовало **противоположное состояние**, т. е. возвращение и даже **очевидное ожесточение болезни**. Так, давали **кофе** от **хронической спячки**, потому что кофе возбуждает **бодрствование** в своем **первоначальном действии**; но как скоро действие это окончится, **спячка усиливается**. От **частых пробуждений** ночью, предписывали принимать **маковый сок**, который сообразно со своим первоначальным действием производил в первую ночь **глубокий и оцепенелый сон**, но тем прерывистее сон бывал в следующие ночи. Таким же

Г. Шульце: *Dissertatio qua corporis humani momentaneorum alterationum specimina quaedam expenduntur*, Halae 1741. § 28. - Нечто подобное свидетельствует нам Виллис в своей *Pharmacia rationalis*, Sect. 7 Cap. I. p. 298, где он говорит: "Opiata dolores atrocissimos plerumque sedant atque indolentiam procurant, eamque aliquamdiu et pro stato quodam tempore continuant, quo spatio elapso dolores mox recrudescunt et brevi ad solitam ferociam augentur". Он же говорит там же, стр. 295: "Exactis opii viribus illico redeunt tormina, nec atrocitatem suam remittunt, nisi dum ad eodem pharmaco gursus incantantur". Таким же образом Гунтер в своем сочинении о венерических болезнях, стр. 13, говорит: "Вино усиливает деятельность в теле слабых особ, не сообщая им истинной крепости, так что силы организма ослабляются в такой же соразмерности, в какой они были возбуждены; короче, оно производит не прибавку, но потерю сил".

образом противопологали опиум **хроническому поносу**, потому что он по своему первоначальному действию производит **запор**, но тем сильнее возвращается **остановившийся на малое время понос**. Только на малое время можно унять всякую **сильную и часто появляющуюся боль маковым соком**, но потом она всегда возвращается в худшем виде и усиливается **часто до нестерпимого**. Обыкновенный врач не знает никакого другого лекарства от **ночного хронического кашля**, кроме **опия**, который в своем первоначальном действии **прекращает всякое раздражение** дыхательного горла; но если **кашель** и будет унят **на первую ночь**, то в следующие **ночи** он делается **сильнее**, а при дальнейшем употреблении этого **облегчительного средства в постепенно увеличиваемых приемах** к кашлю присоединяются **лихорадка и ночные поты**. **Слабость мочевого пузыря** и происходящее от нее **задержание мочи** пытались лечить настойкою **шпанских мух** - лекарством **противоположным (антипати-ческим)**, которое раздражает **мочеточники** и хотя вначале **производит усиленное выведение мочи**, но потом делает **мочевой пузырь** еще менее способным **раздражаться и сжиматься** и легко может **вызвать паралич** этого органа. **Хроническую**

наклонность желудка к запорам старались устранять **слабительными лекарствами и солями**, которые в сильных приемах возбуждают частые извержения из кишок; но последующим действием этих лекарств всегда бывает **усиление запора**. Обыкновенный врач хочет также уничтожить **хроническую слабость**, заставляя больного пить вино, вначале возбуждающее силы, но тем более ослабляющее их своим вторичным действием. Такой врач пытается укрепить и разгорячить страждущий от холода и хронической слабости желудок, давая больному разгорячающие пряности, но эти облегчительные средства делают желудок еще **недействительнее** своим последовательным действием. Думали даже, что недостаток **жизненной теплоты** и **лихорадочная дрожь** должны уступать **теплым ваннам**; но больные делались от этого еще **слабее и наклоннее к ознобу**, чем прежде. Части, **сильно обожженные**, получают мгновенное облегчение от **холодной воды**; но вскоре боль от ожога снова **усиливается** и воспаление развивается до высшей степени. **Застарелый насморк** лечат **чихательными средствами**, возбуждающими отделение носовой мокроты; но насморк усиливается от **вторичного** действия этих лекарств, вследствие чего нос все более и более залегает.

Посредством электричества и гальванизма, этих в высокой степени раздражающих сил, первоначальным их действием внезапно приводили в самое деятельное движение мышцы, ослабленные в продолжение значительного времени и почти лишенные чувствительности (парализованные) члены, но впоследствии (последовательное действие) от них совершенно уничтожалась всякая мышечная раздражительность и следовал почти совершенный паралич. Посредством кровопускания хотели препятствовать хроническому приливу крови к голове, но затем всегда следовало значительное волнение крови. Угнетение деятельности телесных и умственных органов, соединенное с потерей памяти, преобладает над другими припадками во многих родах тифозных горячек: на том основании обыкновенное медицинское искусство употребляет в этих случаях большие приемы валерианы, считая ее одним из наилучших лекарств, возбуждающих и оживляющих нервную деятельность. Но от внимания старой школы ускользнуло, что упомянутый результат употребления валерианы выражает только ее первоначальное действие, что при вторичном действии (противодействии) этого средства организм вскоре впадает в еще большее

оцепенение и неподвижность, т. е. в настоящий **паралич телесных и душевных органов**, который может кончиться даже смертью. Она не видела, говорю я, что именно больные, которых **наиболее** кормили **валерианою**, умирали **всего чаще**. Малый, частый пульс в кахексиях замедляют на несколько часов настоем **наперстянки**, действительно имеющей свойство замедлять пульс в своем первичном действии; но затем повторные и усиленные приемы этого средства уже меньше исправляют пульс, а в последовательном действии еще более ускоряют его; при дальнейшем лечении больной теряет сон, аппетит, силы и вскоре умирает, если не сходит с ума. Словом, ложная теория совершенно упустила из виду, как сильно **вторичное действие антипатических** лекарств ожесточает болезни.

§ 60.

При появлении этих печальных следствий употребления **антипатических** лекарств, врач обыкновенно старается устранять их усиленными приемами тех же лекарств при всяком ожесточении болезни. Но этим достигается только **кратковременное облегчение**; при постепенном же увеличении **приемов облегчающего средства** оно возбуждает **другую**,

более тяжкую болезнь или подвергает **опасности** жизнь, но никогда не излечивает **долговременной** или **застарелой** болезни.

§ 61.

Если бы врачи размышляли о столь печальных следствиях употребления **антипатических** лекарств, то они давно открыли бы важную истину, что только в методе **противоположном антипатическому** должно искать действительный и надежный способ врачевания; они поняли бы, что если врачебное действие, **противное** болезненным припадкам (**антипатическое**), доставляет только **кратковременное** облегчение, за которым всегда следует ожесточение недуга, то **доставлять надежное и совершенное излечение в болезнях необходимо должен способ лечения противоположный** ему, т. е. **гомеопатический**, который всегда основан на **сходстве** припадков. Но несмотря на то, что ни один врач никогда не произвел надежного и совершенного излечения застарелой болезни, если в его рецепте не находилось господствующего **гомеопатического лекарства**; несмотря на то, что всякое быстрое и совершенное излечение самую природою всегда производилось посредством новой **сходной**

болезни (§ 46), присоединявшейся к прежней; несмотря на все это, говорю, они не нашли в целом ряду веков спасительного закона гомеопатии.

§ 62.

Причина этих печальных следствий облегчающего или антипатического способа лечения, с одной стороны, и блистательного успеха гомеопатии, с другой, объясняется множеством наблюдений. Никто не находил их до меня, хотя они весьма близки каждому и столько же ясны, сколько и важны для науки лечения.

§ 63.

Каждое лекарство, равно как и всякая сила, имеющая влияние на нашу жизненную деятельность, расстраивает и видоизменяет последнюю, приводя в состоянии здоровья более или менее продолжительную перемену. Эту перемену называют **первоначальным действием**, и хотя бы она была вызвана **одновременным действием** лекарства и **жизненного начала**, тем не менее по преимуществу она есть сила **врачебная**. **Хранительная сила организма** затем **стремится противодействовать чуждому влиянию**, и это **противодействие**,

принадлежащее нашему жизненному началу, этот результат его автоматической деятельности, называется **вторичным** или **реактивным** действием (**противодействием**).

§ 64.

В продолжение **первоначального действия** искусственных болезненных сил на здоровое тело, жизненное начало, по-видимому, играет вначале просто страдательную роль, как бы поневоле воспринимая и вынося впечатления внешней силы, на него действующей; но затем оно приобретает самостоятельность и противопоставляет первоначальному действию другое как результат собственной энергии. Здесь возможны два случая:

а) **Если в теле существует состояние, прямо противное первоначальному действию чуждой силы**, то жизнедеятельность всегда стремится воспроизвести его, и притом соразмерно с силою болезненного или врачебного влияния, а также со своею собственною энергией (**действие вторичное, реактивное**).

б) Но везде, где **такого противного состояния не оказывается**, жизненное начало старается, по-видимому, только изгладить превышающею силою первоначальное действие

внешней силы и вместо последнего восстано-
вить **состояние спокойствия и правильного**
здоровья (действие **вспомогательное, целеб-**
ное).

§ 65.

Примеры первого случая, о котором идет
здесь речь, наблюдает каждый из нас еже-
дневно. Рука, после погружения ее в горячую
воду, приобретает вначале гораздо более жару,
нежели другая, **непогруженная** (действие **пер-**
воначальное); но после некоторого времени
она прохлаждается и становится холоднее дру-
гой (действие **вторичное, или реактивное**).
Сильное разгорячение, происходящее от
сильного страдания (дей-ствие **первоначаль-**
ное), сменяется **ознобом и дрожью** (действие
реактивное). Рука, погруженная на долгое
время в **самую холодную воду**, вначале стано-
вится **бледнее и холоднее** другой (действие
первоначальное); но затем она делается не
только **теплее** другой, но даже **очень теплою и**
краснеет (действие **реактивное**). Напившись
крепкого кофе, мы чувствуем **чрезмерную**
живость (действие **первоначальное**), но она
вскоре сменяется ощущением **тяжести в теле и**
сильною склонностью ко сну (действие

реактивное), если мы не устраняем этих припадков на некоторое время, опять напившись кофе (процесс облегчительный). Доставивши себе **глубокий и оцепенелый сон маковым соком** (действие **первоначальное**), тем менее пользуются сном в следующую ночь (действие **реактивное**). После **запора**, произведенного **опиумом** (действие **первоначальное**), следует понос (действие **реактивное**); а после **испращения**, произведенного **лекарствами, раздражающими кишечный канал** (действие **первоначальное**), следует **запор в продолжение многих дней** (действие **реактивное**). Таким образом, первоначальное действие каждого лекарства, которое **в большом приеме** способно сильно расстраивать состояние здорового тела, **непременно** сопровождается **противным** состоянием, производимым жизненною силою, повсюду, где **только такое состояние положительно возможно**.

§ 66.

Понятно, что от влияния слишком малых приемов **гомеопатических** лекарств нельзя заметить столь разительного противодействия. Правда, в этом случае и **первоначальные действия столь малы**, что едва заметны даже для

внимательного наблюдателя; но **реактивное**, или **вторичное**, **действие** (противо-действие), производимое организмом, **бывает не сильнее того, сколько необходимо для восстановления здоровья.**

§ 67.

Эти неоспоримые факты, представляемые нам природою и опытом, достаточно объясняют выгоды гомеопатического способа и невыгоды антипатического.

Только в случае крайней опасности и таких болезней, которые недавно овладели особами, прежде совершенно здоровыми, например, в случае обмирания или кажущейся смерти, вызванной громовым ударом, удушьем, чрезмерным холодом и пр., позволительно и прилично возбуждать прежде всего раздражительность и чувствительность тела (жизнь физическую) облегчительным лекарством, например легкими электрическими сотрясениями, клистирами из крепкого кофе, возбуждающими нюхательными средствами, постепенными согреваниями и пр. Так как физическая жизнь тогда возбуждается, то органы опять начинают свои правильные отправления, как и в здоровом теле. Здесь собственно нет болезни, но только

угнетение жизненной силы. Сюда же относятся многие antidotes против внезапных отравлений, например щелочные соли против минеральных кислот, серная печень против металлических ядов, камфора и рвотный корень (*ipresacuana*) против отравлений опиумом и пр.

Не должно думать, чтобы **гомеопатическое лекарство** не было **прилично** в известном случае болезни, если некоторые маловажные припадки от лекарства соответствуют **антипатически** припадками болезни; довольно и того, что **те из болезненных припадков**, которые наиболее **важны** и **замечательны** (симптомы **характеристические**), будут **сходны** с припадками лекарственными, которые одерживали бы над первыми верх, ослабляли и уничтожали их; в этом случае немногие противоположные припадки исчезнут сами собою, как скоро лекарство перестанет действовать, нимало не препятствуя восстановлению здоровья.

§ 68.

Что же касается **гомеопатических** излечений, то опыт показывает нам, что чрезвычайно малые приемы, требуемые этим способом (см. §§ 275-287), однако совершенно достаточные для того, чтобы преодолеть своими **сходными** припадками

естественную болезнь, возбуждают сначала в организме **небольшую** **врачебную** **болезнь**, которая продолжается некоторое время после уничтожения естественной. Но так как прием был чрезвычайно мал, то эта искусственная болезнь так легка и кратковременна, что противодействие ей организма развивается именно в той мере, сколько нужно для совершенного восстановления здоровья. Это усилие будет весьма незначительно, ибо все припадки естественной болезни уже устранены.

§ 69.

В лечении **антипатическом**, или облегчающем, оказываются совершенно противоположные явления. Правда, припадок от лекарства, который противопоставляется здесь врачом припадку болезни (например, **бесчувственность** и **оцепенение**, которые производит в своем первоначальном действии маковый сок, применяются против острой боли), не чужд последнему; оба находятся в **очевидном**, но **обратном** отношении между собою. Уничтожение припадка болезни здесь производится чрез **противный** **врачебный** **припадок**; но это-то именно и невозможно. Правда, что антипатическое лекарство **непременно** касается **поврежденной** **части**

организма так же точно, как и **гомеопатическое**; но первое только заглушает припадок болезни и делает его на **короткое время незаметным**. В самом деле, в первую минуту влияния облегчительного средства организм не переносит никакого неприятного ощущения ни от болезни, ни от лекарства; казалось бы, что оба уничтожили один другого взаимно, **что один динамически нейтрализован другим**; так, например, оцепеняющая сила макового сока уничтожает боль, ибо в первые минуты организм ничего не чувствует, ни оцепенения, ни боли. **Но противный врачебный припадок не может заместить находящуюся в организме болезнь**, как это совершается при гомеопатическом способе лечения, где лекарство возбуждает **искусственную болезнь, очень сходную с естественною и сильнейшую последней**. Антипатическое лекарство, будучи **противно** болезни и оттого **совершенно различно**, должно оставить ее уничтоженною. Только вначале его действия болезнь становится незаметною и как бы **нейтрализуется динамически**⁵⁵. Но это врачебное действие тотчас

---

⁵⁵ В живом организме не совершается постоянной нейтрализации противоположных ощущений, как это мы видим при соединении химически противоположных веществ в химической лаборатории, где, например, серная кислота и поташная щелочь образуют, соединяясь, особенное вещество, среднюю соль, которая уже не есть ни кислота, ни щелочь и

ослабевают, как и всякое врачебное поражение, а антипатическое лекарство не только оставляет болезнь в том состоянии, в каком она находилась прежде, но еще заставляет организм производить действие, **противное** облегчительному действию (см. §§ 63-65); ибо все облегчающие лекарства должны даваться в **больших приемах**, чтобы произвести видимое облегчение. Итак, это **противоположное состояние есть противное первоначальному действию лекарства**, следовательно, **сходное с естественною болезнью**. Последняя не только не уничтожается, но еще **более укореняется и усиливается** этою новою болезнью, которую присовокупляет к ней организм (**реактивное действие следует за облегчительным**)⁵⁶. **Припадок болезни (часть целой болезни) поэтому**

которая не разлагается даже на огне. Такие сплавы и тесные соединения, производящие нечто постоянное, среднее и безразличное, как я уже сказал, никогда не имеют места в наших чувствительных органах под влиянием впечатлений противоположного свойства. Есть какой-то вид нейтрализации и взаимного уничтожения впечатлений вначале, но это непродолжительно. Веселое зрелище может развеселить огорченного только на малое время; скоро забывает он фарсы, и горе овладевает им еще сильнее.

⁵⁶ Как ни ясно это правило, однако его худо поняли, говоря: "облегчительное средство должно также хорошо излечивать болезнь своими вторичными действиями, как и гомеопатическое лекарство своим первоначальным; ибо то и другое находятся в сродстве с лечимою болезнью". Здесь не принимается в соображение, что это вторичное действие никогда не бывает произведением лекарства, но всегда есть результат противодействия жизненной силы; а как этот результат всегда сходен с припадком болезни, которая не была уничтожена облегчительным средством, то он служит только укоренению естественной болезни.

**ожесточается по прекращении действия об-
легчительного средства, и ожесточается со-
размерно с величиною приемов.** Чем больше
были приемы макового соку, который дали для
успокоения боли, тем более усиливается недуг
после того, как лекарство окончит свое дей-
ствие⁵⁷.

§ 70.

Из всего вышесказанного несомненно сле-
дует:

1. Единственный предмет лечения, ясный
для врача в болезнях, состоит в страданиях
больного и видимых изменениях в состоянии
его здоровья, одним словом, в совокупности
припадков, которыми болезнь указывает на ле-
карство, способное излечить ее; напротив того,
исследование внутренней причины болезней
основывается на гипотезах и часто обманчиво.

2. Поражение нашего организма, называе-
мое болезнью, может перемениться на состоя-
ние здоровья только путем другого органиче-
ского поражения при помощи лекарств.

---

⁵⁷ Так, в темной тюрьме, где заключенный только с большим трудом
может распознавать самые близкие предметы, винный спирт, внезапно за-
жженный, распространяет приятный свет; но когда пламя потухнет, то,
чем ярче оно было, тем мрачнее покажется несчастному окружающая его
ночь и еще менее прежнего ему возможно будет видеть окружающие
предметы.

Поэтому целительная сила последних состоит единственно в их способности расстраивать и видоизменять здоровье людей, т. е. возбуждать особенные припадки болезни; эта целительная сила может быть узнана самым ясным и точным образом только чрез опыты, производимые над здоровыми людьми.

3. Аллопатические лекарства (производящие в здоровом теле припадки, несходные и чуждые припадкам естественной болезни, не могут излечить ее истинным образом; равно и самая природа никогда не производит такого излечения, где болезнь уничтожалась бы другою, присоединившеюся к ней, но с нею несходною, как ни сильна была бы последняя.

4. Таким же точно образом, на основании опытов, невозможно допустить, чтобы болезнь, уже продолжавшаяся некоторое время, могла быть излечена таким средством, которое производит в здоровом теле искусственный припадок, **противный** известному припадку естественной болезни. Оно производит только временное облегчение, а затем всегда наносит вред. Следовательно, совершенно неприлично употреблять **антипатический**, или **облегчительный** (паллиативный), способ в застарелых и тяжких болезнях.

5. Третий способ, единственный, который возможен, - способ **гомеопатический**, употребляющий против всей совокупности припадков естественной болезни лекарство, способное производить в здоровом человеке искусственные припадки, **возможно более сходные с припадками существующими**, представляет самый верный и спасительный путь, которым болезни как динамическое расстройство жизненной силы всегда прекращаются и уничтожаются легким, совершенным и прочным образом. Сама природа подает нам пример в этом случае; присовокупляя к прежней болезни новую **сходную** с нею, она исцеляет первую скоро и надежно.

§ 71.

Если, в чем нет сомнения, болезни не иначе могут ясно обнаруживаться врачу, как только группами известных припадков; если, во-вторых, целительное свойство лекарств основывается на одной способности их возбуждать признаки и явления болезни в живом организме и если, наконец, лекарства не могут уничтожать болезни верным, приятным, скорым и прочным образом иначе, как чрез искусственные припадки, сколь возможно более сходные с

естественными, то лечебный способ гомеопата подводится под следующие три пункта:

I. Как исследовать предмет лечения, т. е. болезнь?

II. Каким образом находить средства, употребляемые для излечения болезней, т. е. искусственные болезненные силы, содержащиеся в лекарствах?

III. Как должен врач применять эти искусственные болезненные силы к излечению болезней?

§ 72.

Человеческие болезни бывают или скоротечные, или продолжительные. Скоротечными называются внезапные поражения жизненной силы, имеющие определенную продолжительность, более или менее кратковременную. Продолжительные (хронические) недуги, напротив того, после малого и часто незаметного начала, нечувствительно овладевают организмом (каждая особенным образом) и наиболее нарушают его нормальное состояние, тогда как жизненная сила противопоставляет им только слабое, неумелое и бесполезное сопротивление (как вначале, так и впоследствии) и **никогда не может устранить их собственною своею энергией.**

Эти недуги обусловлены хроническим миазмом и, постепенно усиливаясь, наконец совершенно разрушают организм.

§ 73.

Скоротечные или острые болезни бывают частные, спорадические (разноместные) и эпидемические (повальные). Скоротечными **частными** называются болезни, поражающие одно какое-нибудь лицо и происходящие от особого вредного влияния, к которому этот человек **преимущественно расположен.** Невоздержанность в жизни, недостаток в необходимых потребностях питания и существования тела, сильные физические впечатления, простуда, чрезвычайное разгорячение, утомление, душевные потрясения и пр. бывают нередко случайными причинами подобных острых заболеваний. Но очень часто они представляют внезапное и кратковременное обнаружение **скрытой псоры** (psora), которая снова впадает в свое пассивное состояние, если скоротечные болезни не слишком жестоки или тотчас устраняются лечением. Скоротечные **спорадические** болезни **овладевают несколькими людьми вдруг, в разных местах** и происходят от вредных метеорологических или

теллурических влияний. Скоротечные **эпидемические** болезни, близкие к спорадическим, происходят от подобной же причины, но поражают многих одновременно, а если много людей, подверженных болезненному влиянию, скучено в тесном пространстве, то становятся обыкновенно **заразительными**. Эти эпидемические горячки или имеют **особенное свойство**⁵⁸, приличное только **данной** эпидемии, или представляют собою горячки с **особенным миазмом**, являющиеся всегда под одною и тою же формою. Гибельные следствия войны, наводнений и голода часто бывают производящими причинами эпидемий первого рода. Все особы, страдающие в течение этих эпидемий, представляют болезни однородные, которые, будучи предоставлены самим себе, оканчиваются в короткое время смертью или выздоровлением. Эпидемические горячки другого рода, отличающиеся **известными** именами, суть **скоротечные** миазмы, которые поражают человека один раз в жизни, каковы: оспа, корь, коклюш, **Сиденгамова** гладкая скарлатина⁵⁹, заушница

---

⁵⁸ Вот почему врач, свободный от предрассудков, не должен позволять себе здесь постоянных и всегда одинаковых лечений, сообразуясь с известными патологическими названиями, каковы: нервная горячка, желчная, гнилая, мокротная и пр., но действовать сообразно с особенностями каждой болезни.

⁵⁹ После 1801 года наши страны были посещены горячкою с просовидными пятнами, которую врачи приняли за настоящую скарлатину,

и пр., или же миазматические горячки, которые обыкновенно являются под формую довольно сходною, но могут случаться с человеком и не один раз в жизни, каковы: восточная чума, желтая лихорадка некоторых приморских стран (например, американская, крымская и пр.), восточно-индийская холера и т. д.

§ 74.

К сожалению, в отдел хронических болезней должно отнести также общие страдания, какие развиваются при аллопатическом способе лечения вследствие продолжительного употребления сильных, героических средств в грубых и возвышаемых приемах. Сюда относятся: злоупотребление каломеля, сулемы, серой ртутной мази, азотнокислого серебра, йода и его соединений, опия, валерианы, хинной коры и хинина, синильной кислоты, серы и серной кислоты, продолжительных (по году и долее) отвлекающих, кровопусканий, пиявок, фонтанелей, заволок и пр.; непрерывным и неприятным

хотя первая много разнится от последней в своих припадках и хотя лекарство и предохранительное средство от scarlatina заключаются в аконите, а от горячки с просообразными пятнами, напротив того, в белладонне. Scarlatina никогда не показывается иначе, как эпидемически; но другая является всегда спорадически. Впрочем, в последние годы обе эти болезни, по-видимому, соединились в одну новую лихорадочную сыпь, против которой ни *Bella-donna*, ни *Aconitum* не действуют гомеопатически.

действием этих средств жизненная сила отчасти жестоко ослабляется, отчасти же приходит постепенно в ненормальное состояние, вследствие чего для сохранения жизни организма она стремится изменить его, отнимая или чрезмерно повышая в той или другой части тела раздражительность или чувствительность, разрыхляя или стягивая органы, производя в них размягчение или отвердение, иногда даже вовсе уничтожая их путем развития органических пороков - наружных и внутренних увечий организм⁶⁰.

§ 75.

Эта порча человеческого здоровья, вызываемая неправильным аллопатическим лечением, производит опаснейшие и неизлечимейшие хронические болезни, особенно если они достигли значительной степени развития.

§ 76.

---

⁶⁰ В случае смерти больного все эти органические расстройства, находимые при вскрытии, хитро объясняются как первоначальный, неизлечимый недуг, нисколько не обусловленный способом самого лечения (см. мою книгу: *Die Allopathie, ein Wort der Warnung an Kranke jeder Art. Leipzig, Bei Baumgartner*). Рисунки анатомопатологических препаратов с неверными объяснениями нередко служат наглядными доказательствами подобного рода плачевных недоразумений.

Итак, гомеопатия доставляет нам благотворительную помощь только против естественных болезней; для излечения же нередко годами продолжавшихся лекарственных болезней и увечий организма (хотя бы даже при верном выборе лекарства против основного хронического миазма), **необходимо было бы переменить заново самую жизненную силу**, совершенно ослабленную и извращенную непрерывным напором лекарственных деятелей. Человеческое искусство, по моему мнению, не в силах выполнить эту задачу.

§ 77.

Хроническими болезнями неправильно называют недуги, вызванные устранимыми, случайными вредными влияниями, каковы: пребывание в нездоровых местностях, неумеренный физический или умственный труд, недостаток в движении и чистом воздухе, частые огорчения и заботы, вредные пища и питье и т. п. (если только продолжительность этих влияний не успела вызвать действительно хронической болезни), так как излечение подобных недугов достигается вполне одною переменою образа жизни больного с устранением вредных условий.

§ 78.

Истинные естественные хронические болезни суть те, кои основываются на **хроническом миазме** и, несмотря на самую лучшую физическую и нравственную диету, постепенно усиливаются и мучат больного до конца его жизни, если не будут излечены приличными лекарствами. Это самые многочисленные и самые ужасные враги человеческого рода; ибо ни крепость телосложения, ни крайняя умеренность, ни самая энергическая жизненная сила не могут их уничтожить.

§ 79.

Поныне только одна **сифилитическая** болезнь (*syphilis*) была известна как хроническая миазматическая, которая, будучи предоставлена самой себе, оканчивается только со смертью человека. Другая болезнь того же рода есть **sycosis** (болезнь смоквоподобных наростов, смоковная болезнь), которую доселе думали лечить единственно разрушением **накожных наростов**, не обращая внимания на общую порчу соков.

§ 80.

Третий и самый важный хронический миазм есть псора (psora), внешним характеристическим признаком которой бывает особенного рода сыпь, производящая нестерпимый и похотливый зуд (и имеющая особенный запах), тогда как сифилитическая болезнь распознается по сифилитическому шанкру, а смоковная - по шероховатым и похожим на цветную капусту наростам; впрочем, все эти характеристические признаки появляются не прежде, как по совершенном внутреннем заражении организма. Псора есть единственная, истинная и первоначальная причина, производящая все другие бесчисленные формы хронических болезней, которые в патологических системах излагаются как известные и отдельные виды болезней, каковы: слабость нервов, истерика, ипохондрия, безумие, меланхолия, бешенство, падучая болезнь и судороги всех родов, английская болезнь, наросты на костях и сгибах, костоеда, рак, гриб, подагра, геморрой, желтуха, кровотечение из носу, желудка, матки и проч., удушье и нагноение легких, мужское бессилие и бесплодие, мигрень, бельмо, темная вода, глухота, камни в почках,

паралич, слабость какого-нибудь чувства, разного рода боли и пр⁶¹.

§ 81.

Этот заразительный миазм, начало которого скрывается в глубокой древности и который прошел чрез сотни поколений и миллионы человеческих организмов, достиг в настоящее время невероятной степени зрелости и развернулся под бесчисленными формами болезней. Припомним также бесконечно разнообразное телосложение людей и бесчисленное различие

---

⁶¹ Двенадцать лет нужно мне было для того, чтобы проникнуть в эту великую истину и открыть лекарства, способные бороться с большею частью форм псоры, этой тысячеглавой гидры! Опыты, производимые мною в этом отношении, изложены в моем сочинении: Хронические болезни, Дрезден, у Арнольда, 1828 года, в 3-х томах. Прежде чем я достиг истины в этом новом учении, я полагал, что на всякую хроническую болезнь должно смотреть как на индивидуальный случай и поражать ее одним или многими лекарствами, изведенными предварительно по их чистым и первоначальным действиям. В самом деле, были произведены довольно успешные лечения сообразно с этим правилом, и страждущее человечество получало облегчение благодаря обилию спасительных сил, которыми обладало новое искусство лечения. Но теперь мы несравненно более успели в этом отношении, так как я открыл лекарства, истинно специфические для хронических болезней, происходящих от псоры, - лекарства, которые в гомеопатическом отношении гораздо более прочих приличны этим болезням и потому мною названы противопсорными. В то же время я указал, каким образом должно готовить эти новые средства. Между ними-то врач, пользуясь псорическую болезнь, должен выбирать то, которое представляет наибольшее сходство лекарственных припадков с припадками предстоящего случая.

вредных влияний⁶², на них действующих, и мы не удивимся разнообразию недугов, поврежденных и страданий, происходящих от псоры и упоминаемых в патологиях под особенными именами как самостоятельные болезни⁶³.

---

⁶² Некоторые из этих вредных влияний, часто изменяющих форму псорического худосочия, очевидно, происходят от климата и некоторых физических качеств жилищ, от различия физического и нравственного воспитания, от необразованности или слишком утонченного образования, от злоупотребления телесных и душевных способностей, от недостатка в диете, от страстей, различия нравов, обычаев и привычек людей.

⁶³ Как много встречается в патологиях названий, под которыми смешивают между собою болезни, в высшей степени разнородные и часто сходные только в одном каком-нибудь признаке, как напр.: лихорадка, желтуха, водяная, чахотка, бели у женщин, геморрой, ревматизм, апоплексия, судороги, истерика, ипохондрия, меланхолия, бешенство, жаба, паралич и проч.! В этих названиях думают видеть самостоятельные болезни, которые лечат одинаковым образом согласно тем же названиям! Как можно оправдывать каким бы то ни было именем одинаковый способ лечения? Если же лечение не может быть всегда одинаковым, то для чего же употребляют совершенно одинаковое имя болезни, которое предполагает и одинаковость лечения? "*Nihil sane in artem medicam pestiferum magis unquam irrepsit majum, quam generalia quaedam nomina morbis imponere iisque aptare velle generalem quandam medicinam*". (Величайшее зло во врачебном искусстве то, что болезням дают какие-то общие названия, к которым стараются применять общее лечение). Так говорит нам Гуксам - врач, столько же ученый, сколько и добросовестный. (Nuxhamii Opera, phys. medic., t. I). Так же точно Фритц в своих Летописях (том I, стр. 80) жалуется, "что дают одинаковое имя болезням, существенно различным между собою".

Даже и те виды народных болезней, которые вероятно распространяются в каждой отдельной эпидемии чрез свойственный им миазм, получают от медицинской школы известные наименования, как бы то были постоянные болезни, всегда подходящие под одну форму. Таким образом говорят о госпитальной, тюремной, лагерной, желчной, нервической и мокротной горячках и проч., как будто эпидемическое появление их не есть новая болезнь, которая еще никогда не существовала под одними и теми же отношениями и отличается во многом от всех, прежде бывших эпидемий, как в отношении к своему ходу, так и по выдающимся припадкам. Давать этим эпидемическим проявлениям хотя одно из этих имен,

§ 82.

Хотя открытие псоры как важного источника хронических недугов подвинуло нас на несколько шагов вперед к определению свойства большинства болезней и хотя мы теперь и

введенных патологией, и предписывать способ лечения сообразно со злоупотребленным именем - значит оскорблять всякую логику. Знаменитый Сиденгам понял эту истину; он один настаивает на том, что никогда не должно принимать какую-нибудь эпидемическую болезнь за ту же самую, которая уже появилась однажды, что не должно обходиться с нею по методу, уже употребленному для предыдущей; ибо все эти последовательные эпидемии отличны одна от другой. См. Sydenhamii Opera, cap. 2, de morbis epidemicis, стр. 43, где он говорит: "Animum admiratione percellit, quam discolor et sui plane dissimilis morborum epidemicorum facies; quae tam aperta horum morborum diversitas, tum propriis ac sibi peculiaribus symptomatibus, tum etiam medendi ratione, quam hi ab illis disparem sibi vindicant, satis illucescit. Ex quibus constat, morbos epidemicos, aut externa quatenus specie et symptomatibus aliquot utrisque pariter convenire paullo incautioribus videantur, re tamen ipsa, si bene adverteris animum, alienae esse admodum indolis et distare ut aera lupinis".

Итак, очевидно, что эти бесполезные и во зло употребляемые названия не должны иметь никакого влияния на метод лечения, которому следует истинный врач. Он знает, что должно судить о болезнях и лечит их не по неопределенному сходству в имени одного припадка какой-нибудь болезни с именем припадка другой, а по совокупности признаков индивидуального состояния, в котором находится всякий больной. Он знает, что должно с точностью исследовать болезни, а не предполагать их, основываясь на гипотезах.

Если же, несмотря на то, оказываются нужными известные обозначения болезней для того, чтобы небольшим числом слов заставить понимать себя людей, не посвященных в таинства медицины, то должно употреблять только собирательные имена. Пусть, напр., говорят: у этого больного род нервной лихорадки, род пляски Св. Витта, у него род водяной, род лихорадки и пр.; но чтобы очень остерегались говорить: у него болезнь Св. Витта, у него водяная, у него нервическая лихорадка, простудная лихорадка и пр.; ибо нет болезней постоянных и всегда одинаковых, которые бы заслуживали эти или подобные имена. Только таким образом названия болезней нас не обманут и не запутают.

могли бы найти с большею легкостью надежные лекарства для страданий, основанных на упомянутом миазме, однако же, несмотря на то, врачу-гомеопату вменяется в непременную обязанность с точностью разыскивать в каждой исторической болезни ее признаки и особенности и находить верное показание к приличному лекарству; ибо ни острая, ни хроническая болезнь не могут быть излечены верно и прочно без строгого рассмотрения всех признаков и припадков, т. е. без самой точной **индивидуализации**. Единственное различие, существующее между исследованием скоротечных и хронических болезней, состоит в том, что для составления верной истории первых нужно меньше времени, труда и вопросов; ибо здесь главные признаки гораздо резче и виднее, нежели в болезнях хронических, которые часто в продолжение многих лет развиваются нечувствительно, почему исследование всех явлений и страданий здесь гораздо труднее⁶⁴.

§ 83.

Перехожу к изложению главных наставлений об исследовании болезней вообще. Врач,

---

⁶⁴ Поэтому правила исследования симптомов, указанные в следующих параграфах, только отчасти относятся к острым болезням.

наблюдающий какую-нибудь данную болезнь, воспользуется только теми замечаниями, которые к ней относятся. Само собой разумеется, что он должен иметь ум непредубежденный, чувства неиспорченные, внимательность и верность в наблюдении за переменами болезни.

§ 84.

Больной говорит о своих страданиях; его родные снова пересказывают, на что он жалуется, каков он был и все, что они в нем заметили; врач видит, слушает и наблюдает собственными чувствами все явления, признаки и чрезвычайные случаи. Он записывает рассказ больного и особ, его окружающих, в точности сохраняя их выражения. Если можно, он дает спокойно докончить изложение, не мешая им, особенно, если не делают бесполезных отступлений; ибо всякая остановка сбивает рассказывающих, прерывая нить их мыслей, и в таком случае им не все приходит на память с такою верностью, как бы сначала хотелось рассказать. Только он должен просить, чтобы они с самого начала говорили не торопясь, дабы ему можно было следить за их рассказом и записывать его.

§ 85.

При каждом новом обстоятельстве, объявленном больным или его родственниками, врач начинает новую строку, чтобы все припадки писались один под другим, каждый отдельно. Только таким образом будет он в состоянии делать дополнения к каждому припадку, о коем сначала могли бы рассказать ему слишком неудовлетворительно, а потом уже с большею ясностью.

§ 86.

Когда упомянутые особы кончат все, что они желали высказать от самих себя, тогда врач присовокупляет к каждому припадку более точные определения, о коих осведомляется следующим образом: он перечитывает все сказанное больным и делает вопросы о каждом припадке особенно, напр.: в какое время был этот случай? Прежде ли принятия лекарств, доселе употребляемых больным, или в то время, когда еще он принимал их, или чрез некоторое время после принятия произошло то или другое действие? Какая боль, какое ощущение обнаружилось в таком-то месте? В какой именно части тела оно было? С послаблениями ли была боль и чувствовалась по временам или продолжалась непрерывно, не давая больному отдыха?

Сколько времени продолжалась она? В какое время дня или ночи и в каком положении тела была она сильнее и когда совершенно переставала? Какие именно были подробности такого-то случая или обстоятельства?

§ 87.

Таким образом, врач заставляет больного определить все припадки, объявленные ему прежде, никогда, однако, не подготавливая своим вопросом последующего ответа, так чтобы больному оставалось говорить только **да** или **нет**⁶⁵; ибо без этого больной был бы принужден утверждать то, что только вполнину истинно или происходило совсем иначе, наконец, по беспечности или из желания сделать удовольствие врачу он стал бы отрицать то, что в действительности было. Понятно, что ложные ответы, доставляя ложное понятие о болезни, могут обусловить неправильный образ лечения.

§ 88.

Если врач найдет, что в этом добровольном заявлении не было упомянуто о многих частях

---

⁶⁵ Например, врач не должен спрашивать: "Ведь вы теперь это чувствуете, не правда ли?" Подобные вопросы суть внушения, заставляющие больного давать ложные ответы и говорить о небывалых припадках.

или отправлениях тела, то спрашивает, нет ли еще чего-нибудь замечательного в отношении к этим частям и отправлениям; но при этом он должен употреблять только общие выражения, чтобы рассказывающий по преимуществу сам составил свой рассказ⁶⁶.

§ 89.

Когда больной (ему-то особенно должно верить относительно его ощущений, за исключением притворных болезней) доставил врачу своими объяснениями необходимые сведения и довольно полно обрисовал историю болезни, то последний может затем предлагать вопросы более частные⁶⁷.

---

⁶⁶ Например: какой стул? Какая моча? Каков сон днем и ночью? В каком расположении духа находится больной? Какова жажда? Каков вкус во рту? Какие кушанья и питье охотнее употребляет он и какие ему противны? Обыкновенным ли чувствует он вкус каждого кушанья и каждого питья или находит его странным? Как чувствует себя после еды или питья? Нет ли чего-нибудь замечательного в отношении к голове, членам или животу? и пр.

⁶⁷ Например: сколько раз больной испражнялся? Какого качества было извержение? Не было ли оно беловато или слизисто? Сопровождалось ли извержение болью или нет? Какие это боли и в каком месте были чувствительны? Не рвало ли больного и чем именно? Какого рода дурной вкус во рту больного: вонючий, горький или кислый? Прежде, после или во время принятия пищи и питья чувствует он этот вкус? В какое время дня преимущественно бывает он у него? Какого вкуса его отрыжка? После ли некоторого времени оседается моча или бывает мутною тотчас, как больной испустит ее? Какого цвета она в то время, когда больной ее извергает? Какого цвета ее осадок? Каков бывает больной во время сна? Не плачет ли, стонет или кричит во время сна? Не просыпается ли в испуге? Не храпит,

§ 90.

Когда врач запишет ответы на все свои вопросы, он отмечает и то, что сам заметит в больном⁶⁸, и осведомляется, не был ли пациент еще до своей болезни подвержен тому или другому

ли он при вдыхании или выдыхании? На спине он спит или на одном боку? Сам он накрывается или требует, чтобы другие его одевали? Легко пробуждается или спит крепко? Сколько раз обнаруживается в нем тот или другой недуг и при каких случаях? В то время, когда больной сидит, или когда спит, или стоит, или находится в движении? Натощак бывает это с ним, или только вечером, после обеда, или в другое какое-нибудь время? Когда бывает дрожь? Одно ли это только ощущение дрожи или в самом деле больной бывает в это время холоден? В каких частях тела чувствует он холод? Не горячо ли бывает в то время тело, когда больной чувствует дрожь? Или это только ощущение холода без дрожи? Не бывает ли больной в жару без краски в лице? Какие части тела горячи при прикосновении? Сколько времени продолжается озноб и сколько жар? Когда бывает жажда? Велика ли жажда больного и что именно хочется ему пить? Когда у него выступает пот? В начале или перед концом жара или через несколько часов после? Тогда ли, когда спит, или когда бодрствует? Значителен ли пот? Тепел ли он или холоден? На каких частях тела выступает он и какой имеет запах? На что жалуется больной в продолжение или после озноба, в жару или после, во время или после пота?

⁶⁸ Например: как больной ведет себя при посещении врача? Не капризен ли он, не сварлив ли, поспешно ли все делает, не имеет ли расположения плакать, пуглив или угнетен, или тих и спокоен? В дремоте ли он только или вообще не может собирать своих мыслей? Не охрип ли он, не говорит ли слишком тихо, не произносит ли неуместных речей? Какой цвет его лица и глаз? В каком состоянии его язык, дыхание и слух? Как сжаты или расширены его зрачки и с какою быстротою и до какой степени переменяются они в ясности или мрачности? В каком состоянии пульс и живот? Как влажна или суха, тепла или холодна кожа в таких-то частях тела или на всем теле? Не спит ли больной с закинутою назад головою, с ртом, вполовину или совершенно открытым, с руками, сложенными под головою, на спине ли он спит или в другом каком-нибудь положении? С каким усилием он подымается? Словом, врач записывает все, что только замечает важного или необыкновенного в больном.

из этих обстоятельств, только что замеченных им.

§ 91.

Случаи и состояние здоровья больного в то время, когда он принимает лекарства или тотчас после них, **не дают верно-го понятия о болезни.** Напротив, припадки и недуги, которыми больной страдал **прежде употребления лекарств или по прошествии многих дней после того, как он прекратил лечение,** представляют истинную форму болезни, и их-то особенно должен врач записывать. Если больной страдает хроническим недугом и доселе пользовался лекарствами, то врач может оставить его на несколько дней без всякого лекарства или давать ему пока что-нибудь нелекарственное. Он отлагает таким образом на некоторое время точное исследование признаков болезни, дабы наблюдать потом постоянные припадки прежней болезни во всей их чистоте и иметь возможность воспроизвести верную ее историю.

§ 92.

Но если нам представляется скоротечная болезнь, угрожающая опасностью которой не терпит промедления, то врач необходимо должен довольствоваться одним наблюдением состояния болезни в том виде, какой принят ею под влиянием употребления лекарств (особенно если он не мог изучить припадков больного прежде, чем последний начал принимать лекарства), и составлением себе наличной формы болезни, т. е. этого смешения естественной болезни с врачебною, дабы прийти в состояние преодолеть все зло гомеопатическим средством; ибо так как прежние лекарства были часто неуместны, то искусственная болезнь бывает обыкновенно значительнее и опаснее первоначальной и часто требует самой скорой помощи для спасения больного.

§ 93.

Если болезнь была вызвана каким-нибудь особенным случаем, недавним или давнишним, то больной или его родные укажут этот случай сами собою или по благоразумном осведомлении⁶⁹.

---

⁶⁹ Если, например, причины болезни предосудительны и потому больной или его родные затрудняются открыто в них признаться, то врач должен стараться открыть их, искусно направляя свои вопросы или даже отбирая сведения стороною, так, например: отравление себя ядом или

§ 94.

При исследовании хронических болезней необходимо старательно определять те отношения, в коих находится больной касательно своих обычных занятий, обыкновенной диеты, домашней жизни и пр., для того, чтобы узнать, не гнездится ли в них причин, возбуждающих или поддерживающих болезнь, и иметь возможность помогать выздоровлению, поддерживая эти условия⁷⁰.

§ 95.

покушение на самоубийство другого рода; онанизм, излишество в обыкновенном или противоестественном совокуплении, невоздержанность в употреблении вина, ликеров, пуншу, кофе и проч., неумеренное употребление пищи вообще или вредных кушаньев в частности, заражение сифилисом или чесоткою, несчастная любовь, ревность, домашние неприятности, досада, печаль от какого-нибудь семейного несчастья, дурное обхождение, тайное голодание, оскорбленная гордость, неблагоприятный оборот счастья, суеверный страх, повреждения половых частей, грыжа, выпадение матки и проч.

⁷⁰ В женских хронических болезнях должно обращать главное внимание на беременность, бесплодие, наклонность к совокуплению, на роды, выкидыши, кормление грудью ребенка и на месячное очищение. Что касается последнего, то необходимо спрашивать, не бывает ли оно в слишком коротких периодах или не замедляет ли являться в надлежащее время? Сколько времени оно продолжается? Безостановочно или с промежутками совершается, а главное, в каком избытии? Темен ли цвет крови? В одно ли время с приливом крови показываются бели, или перед началом, или после него? Какие женщина переносит страдания, телесные и душевные, и чувствования, и боли перед началом, в продолжение и по окончании месячного очищения? Как обильны бели и под какими условиями появляются?

В хронических недугах исследование как вышеупомянутых, так и всех других припадков должно делать с наивозможной тщательностью и точностью, не упуская даже самых мелких подробностей; ибо, во-первых, эти припадки очень замечательны в этих страданиях и чрезвычайно отличны от припадков скоротечных болезней, так как невозможно за один раз рассмотреть их столь внимательно, чтобы этого достаточно было для успешного лечения. Во-вторых, хронические больные до такой степени свыкаются со своими долговременными страданиями, что не придают никакой важности многочисленным мелким припадкам, в которых часто заключается главный характер болезни и которые потому решают выбор лекарства. Такого рода больные смотрят на эти припадки как на необходимую принадлежность своего физического состояния, почти как на самое здоровье, истинное ощущение которого они забыли в продолжение пятнадцати или двадцати лет страданий. Им даже не приходит в голову мысль, что эти малейшие припадки, эти более или менее важные отличия от настоящего состояния здоровья неразрывно связаны с их главной болезнью.

§ 96.

Сверх того, самые больные бывают очень различного нрава; некоторые из них, особенно ипохондрики и особы, отличающиеся большой чувствительностью и нетерпеливостью, описывают свои болезни в слишком ярком свете, чтобы побудить врача к скорой помощи⁷¹.

§ 97.

Напротив, другие особы, по лености, или из ложно понимаемой скромности, или по особенной робости в характере умалчивают о качестве болезней либо объясняются темными выражениями, наконец, отзываются о них как о мало-важных.

§ 98.

Итак, с одной стороны, несомненно, что должно обращать особенное внимание на изъяснения самим больным своей болезни и

---

⁷¹ Ипохондрики, даже самые впечатлительные, никогда не выдумывают случаев и недугов, которых бы совсем у них не было. Это очевидно доказывается сравнением их болей, на которые они жалуются в различные времена, хотя бы врач и совсем ничего не давал им или по крайней мере ничего лекарственного. Должно только уменьшать немногие из преувеличений, приписывая силу выражений чрезвычайной их чувствительности. В этом отношении самые преувеличения в их описаниях делаются важным обстоятельством в связи с другими припадками. Что же касается безумных или с умыслом притворяющихся больными, то это совсем иное дело.

собственных ощущений и более им верить, чем рассказам родных и сиделок, обыкновенно искажающих выражения больных, но с другой - неоспоримо (в отношении ко всем вообще, а особенно к хроническим болезням) и то, что наблюдение проявлений болезни в полной совокупности припадков и **отличительных признаков** требует большого навыка и соображения, особенного знания людей и неистощимого терпения.

§ 99.

Вообще исследование болезней **скоротечных** и недавно начавшихся для врача гораздо легче, чем исследование хронических, потому что в первом случае как у больного, так и у окружающих его особ еще свежо воспоминание о всех случайностях болезни и ясно различие между настоящим положением больного и состоянием его недавнего здоровья; болезненные припадки еще новы и отчетливы. Правда, врачу и здесь должно все разузнавать таким же точно образом, как и в хронических недугах, но ему нужно меньше выпрашивать, ибо почти все говорится добровольно.

§ 100.

Что касается исследования **совокупности припадков эпидемических и спорадических болезней**, то нет ни малейшей нужды доискиваться, существовало ли когда на свете что-либо подобное под тем или другим названием. Новость и особенность такой заразной болезни несколько не изменяют ни образа ее исследования, ни способа лечения; ибо врач всегда должен иметь в виду, что ясное проявление каждой болезни, находящейся перед его глазами, есть нечто неведомое и новое для него, почему обязан это проявление рассматривать самым точным и верным образом, если хочет быть истинным и основательным врачом; поэтому он никогда не должен руководствоваться догадками вместо верного наблюдения или смотреть на какой-нибудь случай болезни как на известный в целом и частях, предварительно не исследовав его обстоятельно во всех припадках. Это тем более здесь необходимо, что всякая заразная болезнь во многих отношениях есть явление особого рода и по точном исследовании много отличное от других заразных болезней прошлого времени, которым ошибочно придавали одно и то же название. Я, однако, исключаю отсюда те эпидемии,

которые происходят от миазма всегда одинакового, как то: натуральную оспу, корь и др.

§ 101.

Может случиться, что врач, имея дело в первый раз с новою эпидемической болезнью, не усмотрит тотчас совершенного ее проявления, ибо открыть **целость этих сложных** болезней можно не иначе, как наблюдая **многие подобные случаи**; тем не менее по тщательном исследовании он может по первому и второму больному составить себе такое понятие о болезненном состоянии, что получит **характеристическое** изображение болезни и тотчас найдет против нее приличное гомеопатическое лекарство.

§ 102.

Когда записаны будут припадки многих подобных случаев, то полученное сведение всегда делается полнее не по растянутости и многословию, но по совмещению **замечательнейших и характеристических** частных **сложной** болезни. С одной стороны, общие припадки (например, недостаток аппетита, отсутствие сна) получают более точное определение;

с другой - явления замечательнейшие и более частные или, по крайней мере, более редкие и свойственные только малому числу случаев выразятся лучше других и выяснят характер этой заразной эпидемии⁷². Правда, что у всех особ, подвергающихся подобной эпидемии, **болезнь возникает из того же самого источника** и, следовательно, **одинаковая**; но всякое продолжение такой эпидемической болезни и совокупность ее припадков (знание коих необходимо для полного изображения болезни и выбора наиболее приличного гомеопатического лекарства) не могут быть наблюдаемы на одном больном, но выясняются только из наблюдения многих больных различного телосложения.

§ 103.

Тот же самый способ, необходимый при исследовании всякой эпидемической болезни, применим при **хронических недугах с постоянным миазмом** и особенно при псоре. Особы, подверженные подобной хронической болезни, представляют только ее частности. Поэтому мне необходимо было наблюдать множество случаев, чтобы получить полное изображение

---

⁷² Дальнейшие наблюдения укажут врачу, который по первым случаям уже нашел лекарство, приблизительное к настоящему, что его выбор правилен, или же откроют ему лекарство, еще более приличное и наиболее гомеопатическое.

этих миазматических недугов, чтобы составить себе верную идею псоры; иначе было бы невозможно найти действительные лекарства против разнообразных форм этого худосочия.

§ 104.

Когда характеристическое изображение болезни изложено на бумаге, труднейшая часть работы окончена⁷³. Врач будет иметь всегда перед глазами это изображение и может рассматривать недуг во всех оттенках, чтобы противоположить **характеристическим и замечательным** чертам лечимой им болезни искусственные силы, которые в возможной мере сходны с нею в первоначальных действиях, т. е.

---

⁷³ Врачи старой школы не стесняются в этом, отношении. Не допытываясь точных сведений о всех обстоятельствах больного, даже прерывая пространное перечисление отдельных симптомов, он старается поскорее прописать рецепт из нескольких ингредиентов, истинное действие которых ему в сущности неизвестно. Даже терпеливо выслушивающий больного врач ничего не записывает себе на память. Таким образом, посетив больного спустя несколько дней, в продолжение которых видел так много разных других больных, он очень мало или даже ничего не помнит из первоначального рассказа больного и его окружающих. При дальнейших визитах он также ограничивается немногими общими вопросами, щупает пульс, смотрит язык, в ту же минуту пишет другой рецепт или оставляет прежний, обыкновенно с возвышением приема, и спешит к какому-нибудь пятидесятому больному, которого забыл навестить в это утро. Так представители "рациональной" медицины уклоняются от важнейшей части врачебного дела, от добросовестного, старательного исследования каждого отдельного больного, без чего основательное лечение невозможно.

лекарство **в высшей степени гомеопатическое**, выбранное из ряда припадков всех лекарств, известных по их **чистым действиям**. Итак, если он удостоверится в успехах лекарства и перемене состояния больного, то в дальнейших случаях ему остается только соображаться с первоначальным начертанием совокупности припадков, исключая из него те, кои исчезли, или присовокупляя к нему болезненные припадки, появившиеся впоследствии.

§ 105.

Вторая часть обязанности врача состоит в исследовании **орудий, назначаемых к лечению**, т. е. в исследовании болезненных сил лекарств; ибо когда дело идет о лечении какой-либо известной болезни, то ему должно выбирать средство, представляющее ряд припадков, из которых можно составить **искусственную болезнь**, по возможности **сходную с совокупностью характеристических припадков естественной болезни**.

§ 106.

Болезненные силы лекарств должны быть известны в целом, т. е. врач должен наблюдать

сколько возможно все припадки и перемены здоровья, которые всякое лекарство в частности может произвести, прежде чем позволить себе надеяться, что он в состоянии найти и выбрать гомеопатические лекарства против большинства естественных болезней.

§ 107.

Если бы для исследования этих качеств давали лекарства только **больным** особам, то увидели бы только малую часть их чистых действий, а может быть, и **совсем ни одного**, даже при испытании простых лекарств; ибо очень редко бывает, чтобы **собственные** припадки, какие врачебные средства способны производить, **сами собою смешиваясь с припадками естественной болезни, уже существующей в теле**, могли быть ясно замечены.

§ 108.

Итак, чтобы найти собственные действия лекарств на здоровых людей, самое надежное и естественное средство состоит в том, чтобы давать различные лекарства, **каждое отдельно и в умеренных приемах, здоровым особам и наблюдать, какие припадки и перемены**

произойдут от этого в состоянии души и тела, т. е. **какие элементы искусственных болезней могут произойти от этих лекарств**⁷⁴. Так как всякая целительная сила лекарств основана единственно на их способности изменять здоровье людей, то очевидно, что эта сила узнается наблюдением **чистых** лекарственных **действий** над здоровым человеком (см. §§ 24-27).

§ 109.

Я первый прошел этот путь с настойчивостью, которая объяснима только искренним убеждением в той великой истине, что гомеопатическое употребление лекарств есть

---

⁷⁴ Я не знаю, употреблял ли хотя один врач в продолжение 3,500 лет, кроме великого и бессмертного Альберта фон Галлера, этот способ, столь естественный, необходимый и единственный для испытания, какие чистые и собственные действия производит на наш организм каждое лекарство и, следовательно, какие болезни оно может излечивать. Только Галлер понимал необходимость этого способа; но никто, ни один врач не оценил драгоценные заметки его в предисловии к *Pharmacopoea Helvetica* (Basil. 1771, стр. 12), где он говорит: "*Nempe primum in corpore sanj medela tentanda est, sine peregrina ulla miscella; odoreque et sapore ejus exploratis, exiqua illius dosis ingerenda, et ad omnes, quae inde contingunt affectiones, quis pulsus, qui calor, quae respiratio, quae nam excretiones, attendendum. Inde adductum phaenomenorum, in sano obviorem, transeas ad experimenta in corpore aegr to etc. etc.*" "Каждое лекарство должно испытывать на теле здоровом, ни с чем не смешивая, исследовать прежде запах его, вкус, употребляя в наименьшем приеме и замечая все последующие изменения со стороны пульса, жара, дыхания, испражнений и т. п. Тогда уже, руководствуясь явлениями в теле здоровом, можно переходить к опытам над телом больным и проч."

единственный способ лечения человеческих болезней известным и совершенным образом⁷⁵.

§ 110.

Заметки прежних авторов **о вредном действии многих врачебных веществ**, поступавших (по неосторожности, со злым умыслом или по другой причине) **в большом количестве** в желудок **здоровых людей**, по большей части согласны с моими наблюдениями при **опытах с теми же самыми веществами над самим собою и над другими здоровыми особами**. Означенные авторы выдают подобные факты как истории **отравления ядом**, как результат пагубных действий этих веществ. Главная цель их сообщений состоит в том, чтобы предостеречь нас от опасности; затем чтобы прославиться своим знанием, когда лекарства, употребляемые против опасных болезненных случаев, мало-помалу приводили больных к выздоровлению, и наконец, чтобы оправдаться вредоносностью этих веществ, которые они называли **ядами**, если больные умирали в продолжение лечения. Никто из наблюдателей и не подозревал, чтобы

---

⁷⁵ Первые немногие плоды моих усилий изложены в моем сочинении: *Fragmenta de viribus medicamentorum positivis, sive in sano corpore humano observatis*. Pars I, II. Lipsiae 1805, apud J. A. Barth. Более же зрелые собраны в моем *Reine Arzneimittellehre*, 6 т., Дрезден, у Арнольда, 1811-1827 и в книге: *De morbis chronicis*. Дрезден, у Арнольда, 1828.

припадки, исчисляемые ими как доказательства вреда и ядовитости этих веществ, были верными признаками, научавшими нас уничтожать этими же веществами как лекарствами **сходные между собою страдания в естественных болезнях**. Никто из них не подозревал, чтобы болезни, возбуждаемые этими веществами, представляли собою чистые открытия **их спасительных гомеопатических действий**. Никто не понял, что только наблюдением перемен, производимых лекарствами в теле здоровых людей, можно узнать **врачебные** силы тех лекарств, так же как, напротив того, невозможно находить в них **чистые и собственные** качества путем **рассуждений a priori**, или по запаху, вкусу и наружной форме их, или через химическое разложение, или **смешивая многие вместе и давая их в этой смеси (рецепте) больным**. Они не предчувствовали, говорю я, чтобы эти рассказы о лекарственных болезнях образовали некогда **первые зачатки Фармакологии - науки**, которая с самого своего начала до настоящего времени, была наполняема догадками и выдумками, постоянно нуждаясь в истинном и твердом основании.

§ 111.

Сходство моих наблюдений о чистых действиях лекарств с сообщениями древних писателей (хотя с совершенно различным намерением), равно как и сходство этих известий с другими того же рода у новейших авторов, легко убеждают нас в том, что **врачебные вещества, расстраивая состояние здорового тела, следуют естественным, определенным и вечным законам, вызывая припадки верные, положительные и свойственные индивидуальности каждого из этих веществ.**

§ 112.

В древних описаниях следствий, часто гибельных, происходивших от лекарств, употребляемых в неумеренных приемах, мы находим также припадки, которые появлялись не прежде, как к концу этих несчастных случаев, и были **совершенно противоположного свойства с замеченными при начале.** Эти припадки, **противоположные первоначальному действию (§ 63), или истинному влиянию лекарств на тело, составляют вторичное действие, или противодействие организма (§§ 62-69).** Однако, когда для опыта давались умеренные приемы подобных веществ **здоровым особам,** то очень редко выводили что-нибудь

из этого **противодействия**; а когда приемы были слишком малы, то и совсем ничего не замечали. Если эти малейшие приемы употребляются при гомеопатическом лечении, то организм противопоставляет им только то противодействие, какое в точности необходимо для восстановления **правильного состояния здоровья** (§ 67).

§ 113.

Только одни **наркотические** средства составляют исключение в этом последнем отношении. Уничтожая в своем **первоначальном** действии частью **чувствительность** и **впечатлительность**, частью же **раздражительность**, они даже в умеренных приемах, даваемых для опыта здоровым особам, очень часто **усиливают чувствительность** и **раздражительность** во вторичном действии.

§ 114.

Но, исключив эти наркотические вещества, все другие лекарства, даваемые для опыта здоровым особам в умеренных приемах, допускают видеть только **первоначальные** свои **действия**, т. е. припадки, **свойственные** лекарству, которыми оно расстраивает здоровье

человека и производит в нем болезненное состояние, более или менее продолжительное.

§ 115.

Между **первоначальными** действиями некоторых лекарств есть много таких, кои в **частности** или **при случайных обстоятельствах** противоположны **другим первоначальным припадкам**, которые уже показались или покажутся впоследствии. Однако поэтому их нельзя принимать за противодействующие или вторичные действия организма; они только образуют **состояния, чередующиеся между различными пароксизмами первоначального влияния лекарства**; подобные лекарства обладают **попеременными действиями**.

§ 116.

Некоторые припадки производятся лекарствами в здоровом теле часто, другие реже, иные, наконец, очень редко.

§ 117.

К этим последним принадлежат так называемые **идиосинкразии**, или особенности

телосложения, вследствие которых известные, впрочем, здоровые особы приходят в состояние нездоровья или болезни, более или менее важной, под влиянием веществ, не вызывающих, по-видимому, у других людей ничего болезненного⁷⁶. Но эти прочие особы только по наружности кажутся изъятыми от болезненного влияния этих веществ. Всякое повреждение состояния здоровья через внешнее вещество предполагает, с одной стороны, что это вещество имеет силу оказывать над телом свое влияние, а с другой - что тело обладает способностью воспринимать от него впечатления. Итак, значительные расстройства в здоровье, случающиеся при идиосинкразиях, не должно приписывать исключительно **особенности в сложении тела** больных особ; они необходимо обусловлены также свойствами **тех веществ, которые подают к ним повод**. Следовательно, эти вещества должны обладать способностью производить одинаковое действие над каждым больным под **известными условиями**, но необходимо и то, чтобы немногие из здоровых людей были расположены к восприятию таких необыкновенных действий. Эта истина очевидно

---

⁷⁶ Некоторые особы падают в обморок от запаха роз, другие заболевают, часто очень опасно, от употребления устриц, раков, рыбьих молок, или от прикосновений листьев некоторых видов сумаха (Rhus).

доказывается тем, что означенные вещества **излечивают гомеопатически припадки болезни, подобные тем, которые они могут вызывать в особах, подверженных известной идиосинкразии**⁷⁷.

§ 118.

От всякого лекарства происходят особенные действия в человеческом теле, и никогда врачебное вещество иного рода не может произвести действий совершенно одинаковых⁷⁸.

§ 119.

Как один род и вид растения разнится по внешней форме, по развитию и росту, по вкусу и запаху от всякого другого вида и рода, так и каждый минерал и каждая соль отличны от всех других по своим внешним и внутренним качествам, как физическим, так и химическим (что уже одно должно бы заставить избегать всякого

---

⁷⁷ Так, принцесса Мария Порфирогенета опрыскиванием розовою водою привела в чувство своего брата Алексия (см. *Histor. byzant. scriptor.*), а Горсцшус нашел, что розовый уксус очень хорошее лекарство от обмороков. (см. *Opera III*, стр. 59).

⁷⁸ Эта истина была уже известна знаменитому Альберту фон Галлеру, который говорит: "*Latet immensa virium diversitas in iis ipsis plantis, quarum facies externas dudum novimus, animas quasi et quodcunque caelestius habent, nondum perspeximus.*" (*Historia stirp. Helvet*).

смешения); по той же причине все врачебные вещества разнятся между собою в их болезненных, а следовательно, и целебных действиях⁷⁹. Каждое из этих веществ производит перемены в состоянии здоровья особенным, только ему свойственным образом, почему смешивать его с другими невозможно⁸⁰.

§ 120.

Итак, необходимо с возможною точностью обособлять лекарства, ибо от них зависит

---

⁷⁹ Кто знает, что действия, производимые каждым веществом на здоровье, существенно отличаются от действий всякого другого вещества, и кому известна важность этого различия, тот легко поймет невозможность так называемых суррогатов - лекарств равносильных или способных взаимно заменять одно другим при врачебном употреблении. Только вовсе незнакомый с различием лекарств по их чистым и положительным действиям может утверждать, что одно лекарство способно вполне заменить другое и подать одинаковую помощь в одной и той же болезни. Так дети простодушно смешивают различные вещи по сходству только наружной формы.

⁸⁰ Если это истина непреложная (в чем не может быть сомнения), то разумный и добросовестный врач никогда не рискнет употреблять в лечении средство, свойства которого неизвестны ему в точности и пока он не убежден, что из всех известных лекарств оно одно способно произвести состояние болезни, наиболее сходное с тем, которое должно лечить; ибо ни человек, ни природа не могут излечить болезни совершенно, скоро и прочно иначе, как гомеопатическим способом. Истинный врач поэтому не может обойтись без опытов, которые должны ему доставить это знание, столь необходимое в науке лечения и доселе пренебрегаемое врачами всех веков. Все они (потомство с трудом будет этому верить) наудачу давали лекарства, истинного достоинства которых они не знали и чистых динамических действий над здоровыми людьми никогда не испытывали - действий, столь важных и разнообразных. Сверх того, они смешивали в своих рецептах многие из этих неизвестных сил, доставляя на произвол случая последствия для больного от подобной смеси.

жизнь и смерть, здоровье и болезнь, для чего необходимо испытывать их свойства и истинные действия тщательными и чистыми опытами над здоровыми особами. Только таким образом можно приобрести истинное знание лекарств и избежать ошибок при лечении; ибо только **точный выбор** лекарства может возвратить больному скоро и надежно величайшее из земных благ - телесное и душевное здоровье.

§ 121.

Испытывая чистые действия лекарств над здоровым телом, должно обращать внимание на то, что сильнодействующие вещества, называемые героическими, уже в самых малых приемах могут расстроить здоровье даже у особ крепкого телосложения. Более слабые лекарства должно употреблять для этих опытов в большем количестве. Наконец, если хотят наблюдать действия самых слабых лекарств, то должно давать их особам, хотя и здоровым, но сложения нежного, раздражительного и чувствительного.

§ 122.

Легко понять, что врачебные средства, пригодные для подобных опытов, должны быть

совершенно чисты, неподложны и достаточно свежи, так как от этого зависит верность науки лечения.

§ 123.

Каждое из исследуемых лекарств должно быть употребляемо в простой, безыскусственной форме. Так, местные растения должно выжимать свежими и сок их смешивать с небольшим количеством винного спирта, чтобы предохранить его от порчи; что касается чужеземных трав, то из них должно готовить порошки или настойку (тинктуру) и давать ее для приема, смешав с некоторою частью воды. Соли и камеди непременно должны быть распущены в воде прежде, чем будут приняты. Если же растение можно достать только в сухом виде и оно слабо естественною силою, то следует приготовить из него настой на кипятке, который должно принимать еще горячим вскоре после приготовления, ибо все выжимки и водные настои растений, к которым не прибавляется спирта, скоро киснут, портятся и теряют силу.

§ 124.

Всякое врачебное вещество, употребляемое с этою целью, должно быть **простое** и **чистое**, без всякой примеси. Равным образом не следует присоединять к нему никакого другого разнородного вещества, равно как и принимать что-нибудь лекарственное в тот день или в следующие дни, пока хотят наблюдать действие данного лекарства. Так как тинктуры смешиваются для приема с большим количеством воды, то малое количество винного спирта, сильно разжиженного, которое принимается вместе с лекарством, не представляет собою постороннего раздражения и не может мешать лекарственному действию.

§ 125.

Равным образом во все время опыта должно соблюдать самую строгую диету, и потому надобно употреблять пищу не более как питательную, простую и без пряностей; должно избегать употребления многих свежих овощей⁸¹, кореньев, салату и супных трав, так как все эти снеди, несмотря на свое приготовление, всегда содержат в себе некоторые врачебные качества, которые будут препятствовать действию

---

⁸¹ Зеленый горох, турецкие бобы и в особенности морковь допускаются как овощи, наименее заключающие в себе врачебных свойств.

лекарства. Питие также должно быть отнюдь не раздражающего свой-ства⁸².

§ 126.

В продолжение всего опыта необходимо остерегаться утомительных физических и умственных занятий, равно как и всякого рода излишеств и страстей. Никакое важное дело не должно отвлекать исследователя от наблюдений. Ему необходимы полное самообладание и спокойствие. Наконец, ему нужно при хорошем здоровье уметь называть и описывать свои ощущения с достаточной ясностью.

§ 127.

Лекарство необходимо испытывать как на мужчинах, так и на женщинах с целью выяснить изменения в половой системе.

§ 128.

Разнообразные и многолетние опыты научили меня, что лекарственное вещество, употребляемое для опытов в своей простой,

---

⁸² Исследователь не должен вовсе употреблять вина, водки, кофе и чая или, по крайней мере, задолго до начала опыта прекратить употребление этих частью раздражающих, частью лекарственно действующих напитков.

грубой форме, далеко не выказывает всего богатства скрытых в нем врачебных сил; для достижения этой цели его необходимо потенцировать высокими делениями посредством надлежащих растираний и взбалтываний; благодаря этой простой обработке лекарство до невероятности развивает в себе скрытую и как бы заснувшую силу. Так же должно поступать и с лекарствами, действие которых считается слабым. Таким образом, исследователь принимает от 4 до 6 крупинок 30 деления лекарства, несколько смоченных водою, утром натошак и повторяет этот прием несколько дней.

§ 129.

Если действие приемов окажется слабым, то для уяснения его должно усиливать ежедневный прием на несколько крупинок, так как одно и то же лекарство не всегда действует одинаково. Иногда человек, по-видимому, очень нежный, вовсе не подвергается влиянию лекарства, известного за весьма сильное и данного в умеренном приеме, но раздражается многими другими лекарствами, гораздо слабейшими. С другой стороны, особы очень крепкие нередко испытывают очень сильные припадки от лекарства, по-видимому, слабого и, наоборот, менее

расстраиваются другими, гораздо сильнейшими лекарствами. Итак, когда это обстоятельство не известно заранее, я советую врачу давать вначале каждому исследователю самый малый прием, который постепенно увеличивать, если он найдет это нужным, или в тот же самый день по прошествии нескольких часов, или через день, удваивая каждый раз прием.

§ 130.

Если первый прием был уже довольно силен, то испытатель изучает постепенность припадков и может с точностью записывать время появления каждого из них. Это большая выгода для исследования свойства лекарств, потому что тогда порядок первоначальных и переменных действий развивается самым ясным образом. Часто бывает достаточно даже одного очень умеренного приема, лишь бы особа, подвергающаяся испытанию, была довольно чувствительна и внимательна к своему состоянию. Продолжительность действия лекарства узнается не иначе, как из сравнения многих опытов.

§ 131.

Если же для надлежащего уяснения действия лекарств понадобится давать в продолжение нескольких дней сряду постепенно увеличиваемые приемы одной и той же особе, то исследователь научится отличать различные состояния болезни, **которые вообще может производить это лекарство**, но уже не подметит их последовательности, ибо следующий прием часто уничтожает (как лекарство) тот или другой припадок, возбужденный приемом предыдущим, или же производит противоположное состояние. Такие припадки должны отмечаться в скобках как двусмысленные, пока другие опыты, более чистые, не решат, были ли это **противодействия со стороны организма или поочередные действия самого лекарства?**

§ 132.

Таким образом, если сперва желают исследовать вообще только припадки, вызываемые слабым врачебным веществом, не принимая в расчет для цели опыта ни последовательности этих припадков, ни продолжительности действия лекарства, то следует принимать каждые сутки, даже несколько раз в день, усиленный прием, ибо только этим путем окажется действие лекарства, хотя бы это было самое слабое,

особенно когда оно будет испытано на чувствительной особе.

§ 133.

Когда особа, производящая опыт, чувствует то или другое врачебное страдание, то для точного определения припадка ей полезно и даже необходимо принимать различные положения и наблюдать последующие затем перемены, например, когда она двигает страждущую частью тела, прохаживается по комнате или на открытом воздухе, когда стоит, сидит или лежит, то не увеличивается ли, не уменьшается, не проходит ли симптом, возвращаясь, может быть, когда она опять принимает свое прежнее положение? Равным образом ей нужно замечать, не изменяется ли припадок при употреблении пищи и питья, при разговоре, кашле и т. п. Наконец, следует обращать внимание также, в котором часу дня или ночи наиболее развивается припадок; все это служит выяснению собственных и характеристических качеств симптома.

§ 134.

Припадки, производимые лекарством, не обнаруживаются все вдруг у одной особы или при одном опыте: напротив того, случается, что одна и та же особа испытывает различные припадки при первом, втором и третьем опыте над одним и тем же лекарством. Случается также, что у разных особ оказываются по преимуществу различные припадки, однако так, что, например, у четвертой, восьмой, десятой и т. д. особы снова окажутся некоторые или многие из тех самых припадков, которые были у второй, шестой, девятой особы и т. д. Равным образом припадки редко возвращаются в один и тот же час.

§ 135.

Только из значительного ряда опытов над многими способными к тому лицами обоих полов, одаренными различным телосложением, распознаются почти все припадки болезни, которые может производить известное лекарство. Только тогда можно быть уверенным в основательном исследовании чистых действий данного средства, когда исследователи при дальнейших опытах замечают небольшое число новых симптомов и испытывают почти всегда те

же самые явления, которые были уже замечены предшествовавшими наблюдателями.

§ 136.

Хотя лекарство, как сказано выше, обыкновенно не может обнаружить у одной особы всех перемен здоровья, какие оно способно производить, а развивает их не иначе, как на многих, одаренных различными телесными и душевными качествами; тем не менее, однако, по естественному, вечному и неизменному закону оно несомненно стремится **производить все эти припадки в каждом** человеке (§§ 110). Отсюда происходит его свойство проявлять свои действия, даже редко выказываемые им над здоровыми людьми, в тех случаях, **когда его дают страждущему болезнями, подобными тем, которые возбуждаются лекарством.** Даже данное в самом малом приеме, оно произведет тогда состояние искусственного недуга, очень похожего на **естественную болезнь**, который и уничтожит последнюю скорым и надежным образом, т. е. **гомеопатически.**

§ 137.

Уменьшите до крайней возможности прием лекарства, которое хотите испытать на ком-нибудь, - и **первоначальные** действия, самые важные для исследования, выразятся тем яснее, причем не окажется почти никакого противодействия со стороны организма. Понятно, что для подобного опыта необходим исследователь непредубежденный, правдивый, умеренный во всех отношениях, чувствительный и наблюдательный. Напротив того, когда приемы слишком велики, тогда не только возникнут **вторичные** действия, но и первоначальные обнаружатся так быстро, резко и беспорядочно, что точные наблюдения становятся невозможными. Необходимо иметь в виду также опасность для испытателя от опыта с грубым приемом лекарства - опасность немаловажную в глазах всякого, уважающего человечество.

§ 138.

Все недуги, случайности и перемены в состоянии здоровья испытывающего лица в продолжение приема лекарства (если только вышеупомянутые условия § 124-127 вполне и точно соблюдались) происходят **только** от действия употребляемого лекарства и должны быть безусловно ему приписаны, как собственные его

симптомы, хотя бы испытывающее лицо замечало в себе подобные перемены уже **задолго** до приема лекарства. **Вторичное** появление этих недугов при испытании лекарства доказывает лишь то, что пациент по условиям своего телосложения в особенности расположен к этим припадкам. В данном случае на эти симптомы следует смотреть не иначе, как на последствие лекарства, ибо здесь они появляются не самопроизвольно, но под влиянием принятого сильного лекарства, овладевшего всем организмом.

§ 139.

Если врач не на себе испытывал лекарство, но давал его другому лицу, то последнее должно подробно записать все свои ощущения, недуги, случайности и перемены здоровья в течение всего опыта, равно продолжительность их и время появления как суточное, так и относительно приема лекарства. Врач рассматривает означенные показания в присутствии испытателя немедленно после опыта или, если испытание продолжалось несколько дней, то даже ежедневно, чтобы можно было допросить особу - пока все еще в свежей памяти - о всякой

подробности, случайности опыта и затем дополнить или выкинуть добытые данные⁸³.

§ 140.

Если испытатель неграмотен, то врач обязан расспрашивать его ежедневно, как и что с ним случилось. Все записанные сведения, конечно, должны быть собраны из откровенного рассказа самого испытателя, отнюдь не заключающая в себе догадок, предположений и пр. Вообще к расспросу нужно приступать со всею осторожностью, как указано в §§ 84-99, при распознавании естественных болезней.

§ 141.

Впрочем, необходимо признаться, что из всех чистых опытов над простыми лекарствами наилучшими всегда останутся те, которые врач, свободный от предрассудков, здоровый и чувствительный, произведет **на самом себе** со всеми предосторожностями и благоразумием. Выгоды этих опытов незаменимы. Во-первых, он совершенно убедится в той великой истине, что целительная сила лекарств основана

---

⁸³ Заявляющий о результатах опыта медицинской публике, конечно, отвечает за достоверность показаний испытателя.

единственно на их способности производить повреждения и перемены в здоровом человеке. Во-вторых, подобные опыты заставят его узнать свой собственный способ чувствовать и качества своего ума и темперамента; таким образом они приведут его к источнику всякой мудрости - познанию самого себя. В-третьих, эти опыты сделают из него **наблюдателя**, каким непременно должен быть всякий врач. Наблюдения, производимые над другими, далеко не представляют той занимательности, какую мы открываем в наблюдении над самим собою. Следя за опытом у другой особы, врач всегда может опасаться, что испытатель не чувствует ясно того, что хочет сказать, или не высказывает своих ощущений точными выражениями; врач всегда остается в сомнении, не обманывают ли его в мелочных обстоятельствах. Это препятствие к открытию истины, которого нельзя совершенно устранить при исследовании лекарств над другими, не существует вовсе в опытах над самим собою. Кто производит опыт над собою, тот **достоверно знает, что он сам чувствовал**, и всякое подобное испытание для него есть новый стимул к дальнейшему исследованию силы многих других лекарств. Таким образом, нимало не опасаясь обманываться в своих наблюдениях, он становится с каждым

опытом искуснее в произведении их и приобретает горячую любовь к исследованию лекарств, недостаток в котором так ощутителен. Не думайте также, чтобы маловажные искусственные перемены в теле, происходящие при испытании лекарств, были вредны для здоровья; напротив, эти разнообразные, но умеренные потрясения укрепляют устойчивость организма против всех вредных влияний, как искусственных, так и естественных. Здоровье становится от них надежнее, а тело крепче.

§ 142.

Искусство открывать некоторые характеристические припадки простого лекарства между первоначальными припадками естественной болезни, особенно хронической (которая по большей части однообразнее острой), требует особой проницательности и должно быть предоставлено только **мастерам** в науке наблюдения⁸⁴.

§ 143.

Когда испытают таким образом значительное число простых лекарств над здоровыми

---

⁸⁴ Например, открыть в болезни припадки, принадлежащие лекарству, но давно прекратившиеся или незамеченные, следовательно, новые.

людьми, когда подробно и верно запишут все припадки, какие они могут производить, тогда мы получим истинное врачебное вещество - свод чистых, истинных⁸⁵ и несомненных действий, производимых простыми врачебными веществами. Тогда мы овладеем кодексом самой природы, где потомок прочтет длинный ряд припадков, вызываемых каждым лекарством в теле здорового человека. Эти-то припадки будут содержать в себе элементы искусственных болезней, которыми врач должен лечить ту или другую сходную с ними естественную болезнь; только они, говорю, приводят нас к выбору надежных лекарств для лечения верным и несомненным способом.

§ 144.

Все догадки и предположения вполне будут исключены из такой фармакологии, которая делается верным отзывом природы на предлагаемый ей точный и правильный вопрос.

---

⁸⁵ Недавно какие-то неизвестные лица приняли на себя труд исследовать лекарства по найму, за деньги, и печатают результаты своих опытов. Но важнейшие условия научного исследования, - нравственная ответственность и достоверность - здесь отодвигаются на второй план, почему самые опыты теряют цену.

§ 145.

Правда, что только весьма значительный запас таких испытанных средств может доставить нам лекарство против каждой из этих бесчисленных естественных болезней и худосочий, т. е. искусственную болезненную силу, им сродную⁸⁶. Однако, так как каждое из тех лекарств, действия которых уже испытаны над здоровыми людьми⁸⁷, производит очень много припадков, то нам остается уже немного болезней, против которых нельзя было бы найти довольно приличное гомеопатическое лекарство. Правда, что при ограниченном выборе они иногда оказываются несовершенными; тем не менее, с помощью их можно лечить несравненно больше болезней и вернейшим образом, чем под руководством всех общих и частных терапий в свете с их неизвестными и сложными лекарствами.

---

⁸⁶ Когда я начал лечить по гомеопатической методе, я был еще один, который в этом испытании чистых действий лекарств поставлял важнейшее ее дело. С того же времени несколько молодых врачей, производивших опыты над самими собою, наблюдения которых я тщательно исследовал, помогали мне в этом; а в последние десять лет многие опытные врачи соединили свои усилия с моими. Но какая богатая жатва предстоит на обширном поле лечения, когда более опытные из наблюдателей будут трудиться над усовершенствованием науки познания лекарств! Медицина приблизится тогда по точности к математическим наукам.

⁸⁷ См. описание различных лекарств в моем *Reine Arzneimittellehre* и в сочинении: *De morbis chronicis*.

§ 146.

Третья часть труда врача состоит в употреблении надлежащим образом лекарств для выполнения гомеопатического лечения болезней.

§ 147.

То из этих испытанных средств, припадки которого имеют наибольшее сходство с совокупностью припадков лечимой болезни, должно быть самым приличным и самым верным против нее гомеопатическим лекарством. В нем заключается специфическое действие против этой болезни.

§ 148.

Лекарство, имеющее способность и стремление производить искусственную болезнь, очень сходную с естественной, которую надлежит лечить, и данное больному в совершенно соразмерном приеме, действует именно на части, пораженные естественной болезнью, и возбуждает в них свою собственную болезнь - страдания, припадки и явления, сходные с

сущест-вующими в организме. Итак, искусственная или врачебная болезнь вследствие значительного сходства и избытка силы необходимо замещает естественную болезнь так, что организм тотчас же освобождается от последней. Динамическая, невещественная сила первоначального страдания перестает существовать, как скоро преодолевается и вытесняется динамическою же силою лекарства. Если притом последнее дано в достаточно малом приеме, то это искусственное страдание тотчас исчезает в свою очередь, как умеренная врачебная болезнь, под влиянием энергии жизненной силы.

§ 149.

Если гомеопатическое лекарство употреблено надлежащим образом, то **острая** болезнь, как бы ни была сильна и обильна страданиями, проходит в несколько **часов**, когда будет захвачена в начале, или в несколько **дней**, если началась уже давно. Когда исчезают следы естественного расстройства, то больной почти никогда не замечает искусственной болезни, произведенной лекарством, и здоровье его восстанавливается в быстрых, хотя и нечувствительных переходах. Что же касается **хронических**,

а особенно **многосложных** (сопряженных) **худосочий**, то они требуют лечения более продолжительного. Наконец, **худосочия**, развившиеся вследствие грубого лечения, исправляются еще труднее и часто оказываются даже все неизлечимыми⁸⁸.

§ 150.

Один или два незначительных припадка болезни, недавно появившихся, врач не должен считать за настоящую болезнь, которая бы требовала врачебной помощи. Для устранения

---

⁸⁸ Но это трудное, часто даже очень трудное исследование и выбор гомеопатически верного лекарства, во всех отношениях соответствующего данному болезненному случаю, требуют изучения источников и многостороннего, глубокого обсуждения, чего не могут заменить вполне даже наилучшие руководства для начинающих. Это трудное, мелочное дело, но щедро вознаграждаемое сознанием честно исполненного долга, очевидно, не по силам для представителей новой, смешанной школы, называющих себя гомеопатами и прописывающих больным лекарства, по форме и виду гомеопатические, но как попало, наудачу (*quidquid in bussam venit*), и в случае бесполезности средств приписывающих неуспех лечения не собственной лени и легкомыслию в исполнении важнейшей своей обязанности к человеку, но несовершенствам той же гомеопатии. Впрочем, как люди ловкие, они вскоре утешаются в недействительности своих полугомеопатических средств, прибегая к употреблению несколько знакомых им аллопатических, между которыми фигурирует какая-нибудь дожина пиявок к больному месту или маленькое, невинное кровопускание - унций в восемь и т. п. Если больной наперекор всей этой процедуре оправится, они охотно приписывают успех пиявкам и кровопусканию, признавая последние наиболее целесообразною частью лечения; в случае же смерти больного, они утешают окружающих, что "сделали для него все возможное". Кто почитит этих пустых и вредных сектантов трудным, но благородным званием врача-гомеопата? Они вполне заслужили свое лечение при собственном заблуждении.

столь маловажного расстройства достаточно некоторого исправления образа жизни и диеты.

§ 151.

Если же один или два припадка производят жестокие страдания, то врач обязан исследовать их в точности, причем обыкновенно найдет еще многие другие симптомы, менее важные, которые доставят ему полное изображение болезни.

§ 152.

Чем сильнее **острая** болезнь, тем припадки, составляющие ее, заметнее и многочисленнее; но с другой стороны, тогда легче приискать для нее приличное лекарство в ряду веществ, известных по их чистым и положительным действиям. Средство, симптомы которого выражают искусственную болезнь, очень сходную с совокупностью припадков естественной, будет настоящее искомое лекарство.

§ 153.

При выборе гомеопатического лекарства путем сравнения совокупности признаков естественной болезни с припадками различных искусственных, вызываемых лекарствами, должно особенно и почти исключительно обращать внимание на припадки, наиболее замечательные, самостоятельные, резкие и характеристические⁸⁹, ибо им-то особенно должны соответствовать сходные припадки в ряду явлений, происходящих от лекарства, если последнее должно быть самым целесообразным средством для лечения. Напротив того, общие и неопределенные припадки, как то: недостаток аппетита, головная боль, слабость, беспокойный сон, недомогание и пр. играют в этом случае второстепенную роль, если они не охарактеризованы ближе; ибо почти все болезни и лекарства производят подобные симптомы.

§ 154.

Итак, если изображение искусственной болезни, представляемое многими припадками известного лекарства, содержит в наибольшем

---

⁸⁹ Касательно определения характеристического симптома преимущественно антипсорических лекарств, см.: Dr. V. Bonninghausen. Uebersicht d. Hauptwirkungs-Sph ere d. antips. Arz. Munster, 1833.

количестве и сходстве эти замечательные, особенные, необыкновенные, характеристические признаки естественной болезни, то такое врачебное вещество будет **гомеопатическим и надежным лекарством для данного случая**. Болезнь недавняя уничтожается обыкновенно первым приемом, так что затем не происходит никаких заметных искусственных недугов.

§ 155.

Я сказал: **никаких заметных недугов**; ибо когда вышеупомянутое лекарство действует на тело, то в действии бывают только припадки, **сходные** с припадками естественного страдания, занимая место последних в организме, преодолевая и уничтожая их своим перевесом. Другие припадки (часто многочисленные) гомеопатического лекарства, не соответствующие лечимой болезни, почти вовсе не обнаруживаются, а между тем болезнь час от часу слабеет. Дело в том, что лекарственный прием, чрезвычайно малый в гомеопатическом применении, слишком слаб для того, чтобы проявить свои негомеопатические действия на части тела, свободные от болезни; но он непременно производит эти действия в частях, чрезвычайно раздраженных и возбужденных страданиями,

чтобы тем вызвать в пораженной жизненной силе подобную же, но сильнейшую лекарственную болезнь и удалить болезнь первоначальную.

§ 156.

Однако нет ни одного такого гомеопатического лекарства, как бы ни было оно прилично данному случаю, которое (особенно если дано в приеме достаточно малом) в продолжение своего действия не произвело какой-либо новой болезни у особ, слишком **раздражительных** и **чувствительных**; ибо почти невозможно, чтобы припадки от лекарства точно так же совместились с припадками болезни, как, например, совпадают по наложению два равных треугольника; но эти незначительные симптомы (в благоприятных случаях) вполне устраняются собственной энергией организма, а для больных, не особенно чувствительных, даже вовсе незаметны. Несмотря на то, восстановление здоровья заканчивается вполне, если только этому не помешают какие-либо посторонние условия (несоблюдение диеты, душевные потрясения и пр.).

§ 157.

Хотя гомеопатическое лекарство, удачно выбранное и употребленное в малых приемах, незаметно уничтожает болезнь, вообще не выказывая тех из своих действий, которые несходны с данным случаем, т. е. не вызывая новых важных недугов, однако справедливо и то, что всякое подобное лекарство **производит в первые минуты состояние, несколько худшее⁹⁰**, которое так сходно с естественной болезнью, что больной принимает его за **усиление последней**; на самом же деле это **врачебный недуг**, несколько преобладающий над первоначальной, сходной с ним болезнью.

§ 158.

Это незначительное гомеопатическое усиление болезни в начале лечения (верный признак, что острая болезнь будет скоро вылечена и обыкновенно уже первым приемом) очень естественно; врачебная болезнь должна быть сильнее лечимой, чтобы преодолеть и уничтожить последнюю; точно так же и естественная болезнь способна уничтожить другую,

---

⁹⁰ Если прием лекарства велик, то гомеопатическое ожесточение продолжается несколько часов.

подобную себе, тогда только, когда она сильнее ее (§§ 43-48).

§ 159.

Чем меньше прием гомеопатического лекарства, тем мнимое усиление болезни на первых порах бывает слабее и короче.

§ 160.

Но как почти невозможно готовить лекарство в столь бесконечно малом приеме, чтобы оно не могло исправлять, преодолевать и совершенно излечивать сходную болезнь (см. прим. к § 249), то понятно, почему прием его, не уменьшенный в возможной степени, обладает способностью вызывать в первое время кажущееся ожесточение болезни⁹¹.

---

⁹¹ Этот перевес припадков лекарства над сходными припадками болезни, похожий на усиление последней, был замечен и другими врачами, когда случай доставлял им иногда гомеопатические лекарства. Большой чесоткою, принявши серы, жалуется на усиление своей сыпи. Врач, не знающий причины этого, утешает его, уверяя, что чесотка должна сначала совершенно высыпаться, прежде чем может быть излечена; но он не знает, что эта сыпь, кажущаяся усилением чесотки, происходит от действия серы. Леруа (Heilkunde für Mutter, стр. 406) уверяет нас, что "трехцветная фиалка (*Viola tricolor*) усилила вначале сыпь на лице, которую она излечила впоследствии". Но ему не было известно, что это мнимое усиление болезни происходило единственно от слишком большого приема лекарства, которое в данном случае оказалось гомеопатическим. Лизонс (Med. Transact., Т. II, London, 1772), говорит: "вязовая кора (*cortex Ulmi*)

§ 161.

Ограничив мнимое усиление болезни или первоначальное действие гомеопатического лекарства одним или несколькими часами после первого приема, я имел в виду собственно острые, недавние болезни⁹²; когда же лекарства продолжительным и непрерывным влиянием должны преодолеть хроническое и застарелое худосочие, то иногда в продолжение шести, восьми и десяти дней сряду первоначальные действия лекарства проявляются приступами, которые кажутся усилением того или другого припадка первоначальной болезни и продолжаются час или несколько часов, причем в промежутках обнаруживается **облегчение всей картины болезни**. По прошествии этого времени

вылечивает вернее всего те сыпи, кои она усиливает при начале своего действия". Если бы он не употреблял этого лекарства, которое здесь было гомеопатическим, в столь грубых приемах, как привык назначать их по аллопатической системе, но давал бы его в чрезвычайно малых дозах, как требует гомеопатический метод, то он излечивал бы вышеупомянутые болезни без всякого усиления их или, по крайней мере, это ожесточение было бы очень незначительно.

⁹² Как одни и те же лекарства, обладающие продолжительным действием, излечивают в короткое время острые болезни и еще скорее самые острые; так, с другой стороны, действие припадков бывает продолжительнее в хронических болезнях (происходящих от псорического миазма); вот почему антипсорные лекарства часто не обнаруживают никакого ожесточения в продолжение первых часов, но развивают свои первоначальные действия гораздо позже повторными припадками, по несколько часов каждый, в продолжение первых восьми или десяти дней.

лекарство производит в продолжение многих дней восстановление, почти уже не **возмущаемое** первоначальными действиями.

§ 162.

При ограниченном числе надлежащим образом исследованных лекарств иногда случается, что припадки лечимой болезни **содержатся только отчасти в ряду припадков лекарства, которое оказывается наиболее приличным**, и что, следовательно, мы должны употреблять это **несовершенное** лекарство собственно за недостатком другого, **ближе подходящего**.

§ 163.

В этом случае, конечно, нельзя ожидать, чтобы лекарство излечило болезнь совершенно и без всякой неприятности; ибо, не будучи совершенно приличным в настоящем случае, оно всегда произведет некоторые припадки, которых не было прежде, т. е. еще некоторые посторонние врачебные действия. Правда, это не мешает излечению значительной части болезни (наиболее сходной с врачебными припадками) и успеху начала лечения; тем не менее такое

действие средства не обходится без осложнения вышеупомянутыми посторонними симптомами.

§ 164.

Впрочем, небольшое число гомеопатических припадков, производимых лекарством, никогда не вредит лечению, если большинство их соответствует **необыкновенным, замечательным и характеристическим** припадкам лечимой болезни; выздоровление тогда наступает быстро и без неприятных ощущений.

§ 165.

Но когда первоначальные действия лекарства не содержат в себе припадка, который походил бы на характеристические явления болезни, и когда они соответствуют последней только относительно общих и неопределенных признаков, как то: тошноты, слабости, головной боли и пр., то врач не вправе ожидать от такого несовершенного лекарства непосредственно благоприятного успеха.

§ 166.

Вышеупомянутые случаи, однако, очень редки, и затруднения уменьшаются, когда можно выбрать другое средство, припадки которого более сходны с припадками болезни.

§ 167.

Если употребление лекарства, не совершенно гомеопатического, причиняет довольно важные посторонние симптомы, то в острых болезнях не следует допускать, чтобы первый прием совершенно окончил свое действие, но необходимо снова исследовать состояние болезни в ее новом положении и лечить на основании совокупности первоначальных припадков с недавно появившимися.

§ 168.

Таким образом, легче можно приискать сходное лекарство, первый прием которого уменьшит болезнь, хотя бы и не совершенно ее уничтожит. Точно так же следует продолжать каждый раз снова исследование болезни, если бы одного лекарства оказалось недостаточно для восстановления здоровья и понадобилось выбирать новое гомеопатическое средство до тех пор, пока не будет достигнута цель лечения,

т. е. не возвратится больному наслаждение полным здоровьем.

§ 169.

Может случиться, что, исследуя в первый раз болезнь и подбирая лекарства, окажется, что совокупность припадков не соответствует в числе и степени болезненным элементам одного лекарства (так как число испытанных средств еще недостаточно), но что два лекарства оспаривают, так сказать, друг у друга пригодность в настоящем случае, причем одно представляется гомеопатическим для такой-то части припадков болезни, а другое - более для иной. Эти лекарства нельзя употреблять одно после другого, не испытавши состояния больного после приема первого средства, на котором остановится выбор, ни назначать их оба вместе; так как, с одной стороны, нельзя с точностью предвидеть, как болезнь переменится от приема первого лекарства, а с другой - насколько одно лекарство нарушит и ограничит действие другого. В подобных случаях следует выбрать одно из двух несовершенных лекарств и дать один прием больному.

§ 170.

Затем, не повторяя приема, надобно снова рассмотреть совокупность припадков (как это всегда **должно** делать, когда переменяется состояние болезни) и уже **потом** выбрать лекарство, по возможности приличное настоящему случаю, отнюдь не увлекаясь пристрастием к врачебному средству, которое первоначально соперничало с выбранным, так как оно далеко не всегда оказывается приличным для новой картины болезни. При действительном же соответствии этого средства симптомам болезни его, конечно, должно назначить по преимуществу.

§ 171.

В болезнях хронических невенерических, но псорического происхождения часто должно употреблять при лечении многие антипсорные лекарства попеременно. Правило выбора то же самое: всегда должно исследовать все болезненные припадки, как скоро окончится действие одного лекарства, и находить другое гомеопатическое средство для группы остальных симптомов.

§ 172.

Подобная трудность в лечении происходит **от слишком малого числа припадков болезни**; это обстоятельство в высшей степени важно; ибо, устранив его, а также скудость хорошо испытанных лекарств в настоящее время, лечение гомеопатией не представляло бы существенных затруднений.

§ 173.

Есть болезни, которые, по-видимому, представляют мало припадков и потому самые трудные для лечения. Их можно назвать **односторонними болезнями**; потому что здесь не более одного или двух главных, заметных припадков прикрывают собою все прочие. Эти болезни по большей части хронические.

§ 174.

Главный их припадок представляет обыкновенно или **внутреннее страдание**, например головную боль, продолжающуюся многие годы, продолжительные поносы, застарелые боли под ложечкой, или же состоит в поражении преимущественно **наружных** частей. Болезни второго рода предпочтительно называются **местными**.

§ 175.

Что касается односторонних (частных) болезней первого рода, то недостаток наблюдательности со стороны врача нередко единственная причина, скрывающая от него другие припадки, которые могли бы дополнить картину болезни.

§ 176.

Однако в некоторых болезнях, несмотря на старательное исследование вначале (§§ 84-98), можно открыть не более двух резких припадков, тогда как прочие слишком неясны.

§ 177.

Чтобы быть в состоянии с успехом действовать в подобных случаях (которые, впрочем, очень редки), надобно сперва прибрать лекарство, сколь возможно гомеопатическое, для тех немногих припадков, которые уже найдены.

§ 178.

Избранное лекарство иногда производит искусственную болезнь, способную к

уничтожению единственной, предстоящей для лечения, если немногие припадки последней **резки, определены и замечательны (характеристичны).**

§ 179.

Но чаще может случиться, что лекарство будет прилично болезни только отчасти вследствие скудости симптомов для его выбора.

§ 180.

Означенное лекарство, выбранное по возможности старательно, но по упомянутой причине несовершенно гомеопатическое, возбудит побочные припадки, часто случается (§ 162 и следующие) там, где крайний недостаток в лекарствах заставляет нас решиться на неточный выбор. Итак, это лекарство произведет многие новые припадки, ему свойственные; но припадки от него **представляют также страдания и перемены, свойственные самой болезни,** которых больной доселе совсем не чувствовал или примечал неясно и которые теперь развиваются в высшей степени.

§ 181.

Мне возразят, может быть, что такие посторонние недуги должно приписывать **единственно лекарству**. Так, они действительно происходят от него⁹³; но при всем том это припадки, к которым **такая-то болезнь в таком-то теле** имела уже **самобытную склонность** и которым лекарство как производитель сходных болезней дало только развитие. Словом, на совокупность новых наличных припадков должно смотреть, как на принадлежность самой болезни, как на истинное ее настоящее состояние, и действовать не иначе, как с этой точки зрения.

§ 182.

Таким образом, выбор первого лекарства, которое вследствие слишком малого числа видимых припадков **должно быть почти** **недействительным**, оказывает нам ту услугу, что дополняет общность припадков болезни и облегчает выбор второго, более приличного гомеопатического средства.

§ 183.

---

⁹³ Исключая случаи, где это произошло от важной ошибки в диете или какого-нибудь бурного процесса в организме, каковы: появление или прекращение месячных очищений, зачатие, роды и пр.

Итак, когда первый прием первого лекарства окончит свое действие, должно снова записать настоящее состояние болезни (если только жестокость вновь явившихся припадков не требует особенно скорой помощи) и выбрать соответственно с ним новое средство, соответствующее новой картине болезни. Это тем легче будет сделать, что совокупность припадков теперь сделалась разнообразнее и полнее⁹⁴.

§ 184.

Равным образом должно продолжать снова записывать состояние болезни после окончания действия каждого приема и снова выбирать гомеопатическое лекарство, сколько возможно приличное совокупности найденных припадков, пока болезнь не излечится вполне.

§ 185.

Между односторонними болезнями занимают обширный отдел так называемые

---

⁹⁴ У больных с припадками совершенно неясственными, притом чувствующих себя очень дурно и причину своего состояния приписывающих притуплению чувствительности нервов (состояние очень редкое в хронических болезнях, но довольно частое в острых), маковый сок уничтожает это онемение чувства, и тогда припадки болезни обнаруживаются в противодействии организма.

местные. Это изменения и страдания в наружных частях тела, **овладевающие**, как говорят, **исключительно этими частями, оставляя прочие части тела в покое**, - нелепое теоретическое предположение, следствием которого бывали самые вредные способы лечения.

§ 186.

Только повреждения, недавно происшедшие от внешних насилий, заслуживают название местных. Однако и эти повреждения, когда они сколько-нибудь важны, поражают одновременно целый организм, развивая лихорадку и проч. Такие болезни по праву принадлежат **хирургии** до тех пор, пока поврежденным частям нужна **механическая помощь** с целью устранения препятствий к излечению, которого тем не менее можно ждать только от собственной силы организма. Эти механические пособия следующие: вправление вывихнутых костей, соединение краев раны, извлечение инородного тела, попавшего в какую-нибудь полость тела, вскрытие самой полости для извлечения из нее какого-либо раздражающего вещества или для доставления выхода влагам, разлившимся и скопившимся в этом месте, сближение или соединение концов переломленной кости и

укрепление их приличными повязками и пр. Но когда по случаю таких ранений целому организму нужна динамическая помощь, дабы сделать его способным произвести выздоровление, например, когда должно устранить внутренним лечением сильную травматическую лихорадку, происшедшую от значительного ушиба, от ранения мышц, сухожилий и сосудов, или нужно успокоить боль в обожженных или разъеденных частях, - тогда начинаются действия **динамического врача** и необходима помощь **гомеопата**.

§ 187.

Но совсем иначе бывает при происхождении **таких** болезней, перемен и страданий в наружных частях, которые вызваны не ранением извне, но **обусловлены внутренним страданием организма**. Вот почему нелепо и пагубно признавать местные болезни **единственно за местные недуги** и лечить их исключительно или почти исключительно **местными и наружными средствами**, как будто бы они составляли предмет хирургического лечения.

§ 188.

Эти болезни названы **местными недугами** потому, что доселе думали, **будто они ограничиваются только теми наружными частями**, где появились, а организм **мало или вовсе не участвует** в этих страданиях и как бы не ведает об их существовании.

§ 189.

Тем не менее, при самом поверхностном соображении ясно, что никакая наружная болезнь, не вызванная значительным ранением извне, **не может ни произойти, ни пребывать на своем месте, ни усиливаться** без того, чтобы **целый организм**, который, следовательно, должен быть **больным, не содействовал этому**. Самая болезнь вовсе не могла бы появиться, если б все чувствительные и раздражительные части и живые органы не принимали в ней участия; невозможно даже и вообразить, чтобы такая болезнь не была **вызвана повреждением целого организма**; ибо все части тела тесно между собою связаны и составляют нераздельное целое в отношении к чувству и отправлениям. Не может быть ни лихорадочной сыпи на губах, ни ногтеды без того, чтобы человек не страдал внутренним расстройством как перед появлением этой местной болезни, так и после.

§ 190.

Итак, всякое лечение болезни на наружных частях тела, происшедшей не от какого-либо ранения, должно направляться к уничтожению главного недуга, **от которого страдает целый организм**, путем употребления **внутренних** лекарств; ибо только таким образом лечение может преследовать разумную и верную цель.

§ 191.

Это ясно доказано опытом, который показывает, что всякое сильное **внутреннее** лекарство производит непосредственно значительные перемены **во всем состоянии здоровья такого больного**, особенно же в **наружных частях** (даже в конечностях тела), где **находится местная болезнь**. Эти перемены очень спасительны; они состоят в восстановлении здоровья целого организма, причем устраняется и местная болезнь без употребления какого-либо наружного средства, лишь бы только внутреннее, направляемое против целой болезни, соответствовало ей гомеопатически.

§ 192.

Итак, исследуя подобный случай болезни, должно обращать внимание не только на точное качество местного страдания, но и на все другие изменения и недуги, кои можно заметить в состоянии больного или которые больной замечал прежде. Все эти припадки должны быть соединены в одно полное изображение, дабы можно было выбрать приличное гомеопатическое лекарство между средствами, известными по их собственным болезненным действиям.

§ 193.

Этим внутренним лекарством **общая болезнь** тела устраняется и излечивается одновременно с местною. (Если болезнь недавно началась, то часто первого приема будет достаточно для совершенного излечения). Это должно нам доказать, что местная болезнь зависит единственно от болезни всего тела и что ее надобно рассматривать как **нераздельную часть целого и как один из самых важных и выдающихся припадков главной болезни.**

§ 194.

Не должно позволять себе употребления местных лекарств ни в **острых**, ни в **хронических** местных болезнях. Даже если бы такое лекарство было вообще гомеопатическим и приличнейшим для известного рода страдания и когда бы оно же было употреблено внутрь, я отнюдь не советую употреблять его для припарок и втираний в страждущую часть, как исключительно, так и одновременно с внутренним употреблением лекарства. Местные острые болезни, происшедшие не от ранений, но от причины динамической, вернее всего уступают **внутренним средствам**, которые соответствуют **возможно гомеопатически общности видимых припадков внешних и внутренних**⁹⁵. Если острая местная болезнь не проходит совершенно, так что противодействие организма даже при надлежащей диете оказывается бессильным, то мы вправе подозревать, что эта острая местная болезнь есть произведение скрытой псоры, готовой проявиться в форме какой-либо общей хронической болезни.

§ 195.

---

⁹⁵ Напр. воспаление половых частей, рожа (erysipelas) и проч. требуют внутреннего употребления Acon., Rhus, Bell., Merc. и др.

В этих случаях, которые встречаются нередко, приличное антипсорное лечение должно быть направлено против совокупности остающихся припадков, так же как и против случайностей и страданий, которые примечены были у больного до лечения.

§ 196.

Казалось бы, что излечение подобных болезней должно совершаться скорее, если лекарство, известное за гомеопатическое по общности припадков, употреблено не только **внутрь**, но и **снаружи**; ибо действие лекарства, прилагаемого к месту самой болезни, гораздо быстрее должно бы произвести в этом случае благоприятную перемену.

§ 197.

Но это ошибка. Такое лечение недопустимо не только в местных хронических болезнях, происходящих от **псоры**, но и в тех, которые основаны на **сифилитическом** и **сикозном** миазме; ибо это двойное употребление одного и того же средства в болезнях, главным припадком которых служит постоянное

местное поражение (как например, псорическая сыпь, шанкр, кондилом), влечет за собою большое неудобство, состоящее в том, что местное употребление средства **гораздо скорее** уничтожает этот внешний припадок, чем внутреннюю болезнь. Тогда мы обманываемся совершенным излечением **по наружности** или, по крайней мере, нам будет труднее, а часто даже и совсем невозможно судить, уничтожилась ли в самом деле целая болезнь от внутреннего употребления лекарства, так как местный симптом исчезает здесь слишком рано.

§ 198.

Когда назначают **исключительно** местное употребление лекарства для удаления местных припадков миазматических болезней, о которых мы говорили выше, то неудобство еще более увеличивается; тогда становится еще сомнительнее, чтобы лекарство, уничтожая местную болезнь, в то же время действовало столь проникательно и спасительно на весь организм, чтобы уничтожить общую болезнь; поэтому излечив местную болезнь, мы ничего не узнаем касательно внутреннего лечения, которое, однако, совершенно необходимо для действительного восстановления здоровья. По

устранении главного и резкого припадка останутся **другие, менее ясные и менее верные**, часто представляющие слишком мало характеристического для того, чтобы можно было по ним представить себе образ болезни в ясном и полном очерке.

§ 199.

Особенно если гомеопатическое лекарство в данное время еще не найдено⁹⁶, когда местная болезнь устранена прижиганием едкими веществами или вырезыванием, то трудность лечения по неизвестности других припадков становится еще ощутительнее; ибо важнейший, характеристический симптом, который мог бы руководить нами в выборе пригоднейшего средства для внутреннего употребления, ускользает от наших наблюдений.

§ 200.

Если бы такой припадок существовал еще в продолжение внутреннего лечения, то можно было бы найти гомеопатическое лекарство и для целой болезни. Таким образом, если бы при

---

⁹⁶ Как, например, лекарства против сикоза и псоры до моих исследований.

употреблении найденного средства местное страдание **продолжало существовать**, то присутствие его удостоверило бы, **что излечение еще не состоялось**; напротив того, если местная болезнь **совсем прекратилась**, то это служит верным доказательством, что целая **болезнь** прошла совершенно. Вот неоценимая выгода от характеристического местного симптома!

§ 201.

Понятно, что организм, подавленный хронической болезнью, которой он не может преодолеть собственными силами, производит местный недуг в наружной части тела, **дабы тем облегчить внутреннее страдание**, угрожающее деятельности более важных органов и даже самой жизни. Поэтому он производит и поддерживает **болезненное** состояние в тех частях, которые не особенно важны для существования. Он стремится, так сказать, **переместить** путем отвлечения **внутреннюю** болезнь на **местную**, чтобы последняя заняла место первой. Таким образом местная болезнь ослабляет, но не излечивает внутреннюю. Результат этого почти тот же, какой указан выше (§ 33), где естественная болезнь, превосходя другую, с

нею разнородную, только смягчает и на некоторое время задерживает ее развитие, но не в силах излечить ее совершенно. Примером могут служить фонтанели. Это искусственные язвы на коже, которые смягчают на некоторое время многие внутренние хронические болезни, но не могут их уничтожить. Таким образом, местная болезнь всегда есть нечто иное, как часть главной болезни, но часть, которую заботливая природа особенно усилила и перенесла на наружные части тела как менее важные для жизни с целью уменьшить внутреннее страдание. Однако целая болезнь оттого не излечивается; напротив, внутреннее страдание незаметно развивается более и более, почему природа должна также усиливать и распространять местную болезнь, опять-таки в видах облегчения внутренней; вот почему застарелые язвы на ногах, происходящие от псоры, и шанкр - произведение сифилиса - увеличиваются и принимают худший вид при усилении общей болезни.

§ 202.

Если же врач, пытаясь лечить самую болезнь наружными лекарствами, уничтожит тем местный недуг, то природа заменяет последний возбуждением и усилением **внутренних**

страданий; она пробуждает тогда другие болезненные припадки, **существовавшие** уже **прежде**, но, так сказать, бывшие только в усыплении. Таким образом, в подобных случаях несправедливо было бы сказать, что наружные средства **вгоняют местную болезнь в тело** или **переносят ее на нервы**.

§ 203.

Итак, всякое лечение, направленное против местного недуга, не уничтожающее внутренней миазматической болезни - псоры, сифилиса, сикоза, - существенно вредно и представляет собою обильный источник бесчисленных хронических страданий, угнетающих род человеческий⁹⁷.

§ 204.

Все хронические болезни, припадки и худосочия, не зависящие от продолжительности вредного образа жизни, от долговременного неправильного лечения (§ 74), происходят от развития трех хронических миазмов: **сифилитического, сикозного** и в особенности

---

⁹⁷ Тогда что может сделать даже внутреннее лечение? Лекарство, не обнимая всей совокупности болезни, только ожесточит ее и ослабит организм, присоединив к нему новую, лекарственную болезнь.

псорического. Каждая из этих болезней овладевает целым организмом и проникает во все его части, прежде чем проявить свой главный припадок (**чесотку, шанкр и сикозные наросты**). Этот местный припадок есть, так сказать, **представитель внутренней болезни**, который в то же время не допускает полного ее обнаружения; когда же он уничтожается, то хронический миазм развивается внутри организма, обнаруживаясь раньше или позже в форме одного из тех бесчисленных хронических страданий, которые губят людей уже несколько тысячелетий.

§ 205.

Гомеопат не будет лечить наружными средствами ни одного из этих **первоначальных припадков**, выражающих хронический миазм, ни какого-либо другого местного последовательного страдания, обусловленного дальнейшим развитием болезни. Он не употребит, говорю я, ни местных лекарств, действующих динамическим образом⁹⁸, ни средств чисто

---

⁹⁸ Итак, я отнюдь не советую уничтожать рак на губах или на лице (вызванный вероятно в высшей степени развившеюся псорою), например, мышьяковой мазью брата Косьмы не только потому, что такое лечение слишком болезненно, но и по той причине, что это динамическое лекарство, освобождая страждущую часть от гнилой язвы, нисколько не

механических; но всегда назначит внутреннее лечение против целой болезни, уничтожение которой всегда выражается полным прекращением всех, как первоначальных, так и вторичных местных припадков. К сожалению, гомеопат редко находит первоначальные припадки; гораздо чаще они уже уничтожены его предшественниками, и ему приходится иметь дело с припадками вторичными, т. е. с болезнями, произведенными дальнейшим развитием миазма, в особенности же с многочисленными и разнообразными недугами, происходящими от псоры. Здесь я отсылаю читателя к моему сочинению о **хронических болезнях**, где изложены результаты соображений, наблюдений и опытов, сделанных мною в продолжение многих лет над свойством и лечением рассматриваемых страданий.

уменьшает первоначального зла - псоры. Напротив того, жизненная сила тогда принуждена перенести местопребывание столь важной внутренней болезни на другую, благороднейшую часть, что обыкновенно случается при так называемых переносах ее (metastematismus); так, она производит темную воду, глухоту, умопомешательство, удушье, отеки, параличи и проч. Наконец, местное уничтожение гнилостной язвы посредством упомянутого мышьякового лекарства только тогда бывает успешно, когда она еще мала, а жизненная сила значительна; но при таких условиях и совершенное излечение всей болезни внутренним лекарством еще может быть очень хорошо исполнено.

Тот же самый результат бывает и тогда, когда удаляют рак на губе или лице, а также и другие опухоли вырезыванием; последует что-нибудь хуже или, по крайней мере, смерть будет этим ускорена.

§ 206.

Приступая к лечению хронической болезни, должно в точности разузнать, **просто ли больной болен псорую, сифилисом или сикозом** или страдал **попеременно заразами двух или же всех трех этих хронических миазмов**⁹⁹. В случае совмещения этих болезней и лечение должно быть направлено против одного, **двух или всех трех найденных недугов**. В наше время редко можно найти совершенно простой сифилис; всего чаще он встречается в осложнении с застарелою псорую. Осложнение сикозом встречается реже. Но псора весьма часто служит первоначальною причиною хронических болезней.

§ 207.

Когда врач приведет все это в ясность, ему должно осведомиться об аллопатическом лечении, которым хронический больной дотеле пользовался; например, какие сильные лекарства давали ему больше и чаще? Какие

---

⁹⁹ Отбравши эти сведения уже не следует обманываться догадками самих больных, которые часто говорят вам о простуде, испуге, досаде и проч., которые назад тому много лет были у них будто бы возбудительными причинами самых важных хронических болезней. Эти случаи слишком ничтожны для того, чтобы могли произвести, питать и развивать в продолжение столь многих лет хроническую болезнь в здоровом теле; они служат только поводом к обнаружению скрытой болезни.

минеральные воды принимал он и с каким успехом? Ибо необходимо знать искусственные **повреждения, изменившие первоначальное качество болезни**, дабы быть в состоянии, насколько возможно, помочь этому обстоятельству.

§ 208.

Затем должно обратить внимание на лета больного, образ его жизни и диету, на его занятия, домашние отношения, гражданские и политические связи и проч.; ибо все такие обстоятельства могут способствовать развитию болезни, мешать или помогать успехам лечения. Наконец, врачу должно принимать в расчет нрав и образ мыслей больного, чтобы действовать и на нравственную его сторону.

§ 209.

После упомянутых предварительных осведомлений, врач подробно расспрашивает больного о его страданиях и, следуя наставлениям, данным нами в §§ 76-92, излагает болезнь исторически. Затем он рассматривает наиболее выдающиеся и самостоятельные припадки

(характеристические), которые будут руководить им в выборе первого лекарства.

§ 210.

Почти все болезни, которые я прежде назвал **односторонними** (т. е. болезни, различимые единственно по одному главному припадку, покрывающему, так сказать, все прочие и тем затрудняющему лечение) принадлежат к категории психических болезней. Почти все так называемые **психические болезни** относятся к этому же отделу, хотя и не образуют собою особго, самостоятельного класса болезней; ибо состояние ума и нрава необходимо изменяется во всех болезнях, поражающих наше тело¹⁰⁰, и изменение этого состояния вообще составляет

---

¹⁰⁰ Сколько раз может найти врач, например, таких больных, которые несмотря на многолетние страдания самыми трудными болезнями вызывают тихий и спокойный нрав, невольно вызывающий к ним симпатию и сострадание! Но как резко иногда изменяется нрав больного по излечении болезни! Теперь к нему необходимо возвращаются неблагодарность, жестокость, обдуманная злость, капризы и др. неприятные качества, которыми отличался его характер в здоровом состоянии. Наоборот, нередко человек, терпеливый и кроткий во время здорового состояния, становится нетерпеливым, дерзким и невыносимо капризным или раздражительным и отчаянным в болезни. Скромные и целомудренные особы становятся иногда сладострастными и похотливыми в болезнях. Наконец, болезнь нередко делает тупоумным человека умного и, напротив, слабоумного - мыслящим и благоразумным, а вялого - остроумным и решительным.

только один из главных припадков общей картины болезни.

§ 211.

Эта связь души с телом в болезнях так далеко простирается, что состоянием ума и нрава больного часто всего вернее решается выбор гомеопатического лекарства; ибо это состояние есть характеристический симптом, который всего труднее может ускользнуть от внимания наблюдательного врача.

§ 212.

Испытывающий лекарства также должен в особенности обращать внимание на этот существенный элемент всех болезней - на изменения ума и нрава; ибо нет в мире почти никакого **действительного врачебного вещества**, которое не произвело бы значительной перемены в отправлениях ума и настроении души у здоровой особы.

§ 213.

Итак, гомеопатическое, сообразное с природою лечение, безусловно, требует строгой

оценки припадков нрава и ума при каждой болезни и выбора такого лекарства, припадки которого не только соответствовали бы наружным, телесным, физическим припадкам болезни, но **которое могло бы также производить** и в настроении души **состояние, подобное** данному случаю¹⁰¹.

§ 214.

Поэтому о лечении душевных болезней должно сказать вообще, что оно достижимо и возможно не иначе, как на основании того же закона подобия лекарственных симптомов припадкам данного случая.

§ 215.

Почти все так называемые душевные болезни, где изменены ум и нрав, начинаются страданием тела, причем симптомы, **состоящие в изменении ума и нрава**, более или менее быстро усиливаются, тогда как наружные припадки уменьшены, так что из этого наконец развивается почти односторонняя болезнь.

---

¹⁰¹ Aconitum редко, даже никогда не произведет скорого и надежного выздоровления, если нрав больного спокоен, ровен и тих. Точно так же оказываются недействительными: Nux vom., когда нрав тихий и флегматический; Pulsat., если больной весел, жив и упрям, Ignat., когда нрав больного неизменяем.

Организм действует здесь почти так же, как при местных болезнях, только недуг переносится не на наружные части тела, но на органы мышления и чувства.

§ 216.

Нередки случаи, где в болезнях, называемых телесными и угрожающих близкою смертию (как, например, при нагноении легких или страдании другой важной внутренности), или в скоротечной болезни (например, после родов и проч.) душевный припадок, внезапно усилившийся, переменяет их в безумие, меланхолию или бешенство и тем устраняет гибельный исход самой болезни. Последняя постепенно облегчается почти до степени здоровья и становится незаметною, так что может быть открыта только врачом. Словом, болезнь делается **частною** (одностороннею) и, так сказать, **местною**; она сосредоточивается в **припадках ума и нрава**, которые приобретают такой перевес, что занимают место других симптомов и укрощают на некоторое время жестокость последних. Болезнь органов тела, которые гораздо грубее, **переносится на невещественные органы души**, которых еще не касался и никогда не коснется анатомический нож; эти тонкие

органы служат здесь к отвлечению болезни, как это случается при появлении так называемых местных болезней на наружных частях тела.

§ 217.

Те же самые старания, которые я прилагал для исследования других болезней, необходимы и для точного определения болезней ума и души. Должно с точностью замечать не только телесные припадки, но и частное состояние ума и нрава, которое в данном случае составляет **главный припадок**. Итак, гомеопатическое лекарство для уничтожения целой болезни должно совмещать в себе ряд припадков, сходных с телесными припадками болезни, а в особенности с душевным состоянием больного.

§ 218.

Для составления общей картины болезни надобно сперва с точностью определить **все припадки, которые представляла телесная болезнь прежде, чем переродилась в душевную**. В то же время узнают от родственников больного, не произошла ли его болезнь от хронического специфического миазма.

§ 219.

Сравнение этих преждебывших телесных припадков с их неясными следами, проявляющимися в светлые промежутки уопомешательства или при кратковременном облегчении душевной болезни, будет служить к определению продолжительности их присутствия.

§ 220.

Если к этому присоединить состояние ума и нрава, которое наблюдали родственники больного и сам врач, как самый важный припадок, то история болезни будет вполне составлена, и останется только найти лекарство, которое могло бы произвести не только сходные телесные припадки, но и подобное же расстройство души. Если душевная болезнь продолжалась уже долгое время и вызвана псорическим миазмом, то должно выбирать лекарство из отдела противопсорных.

§ 221.

Если же безумие или мания были вызваны внезапно, например, испугом, грустью, злоупотреблением спиртных напитков, и обнаруживаются в виде скоротечной болезни, то должно

употребить (в высокопотенцированном приеме) обыкновенное гомеопатическое лекарство, сколько возможно более соответствующее этому состоянию, например аконит, белладонну, дурман (Stramonium), белену (*Hyoscyamus niger*), меркурий и др. Хотя такая острая душевная болезнь в большинстве случаев ничто иное, как внезапное обнаружение скрытой псоры, однако же здесь нельзя употреблять с самого начала противопсорных средств; болезнь необходимо облегчить предварительно общим гомеопатическим лекарством, чтобы прежде всего привести псору в прежнее состояние бездействия, при котором больной казался здоровым.

§ 222.

По устранении одного приступа болезни необходимо, не теряя времени, начинать противопсорное лечение, чтобы совершенно освободить больного от скрытого миазма, который хотя и усыплен, но всегда может обнаружиться впоследствии¹⁰². Только по совершенном

---

¹⁰² Сколько-нибудь застарелая болезнь ума или души в очень редких случаях проходит сама собою (причем внутреннее худосочие переносится на более грубые органы) и обитатели дома умалишенных редко выписываются отсюда даже с кажущимися признаками здоровья. Вот почему заведения для душевнобольных переполнены до того, что масса других

уничтожении этой первоначальной причины больной будет навсегда освобожден от подобных припадков, предполагая, однако, что он останется верен надлежащему образу жизни.

§ 223.

Если же пропущено удобное время для противопсорного лечения, то наверное должно ожидать нового приступа болезни, еще более сильного и продолжительного, по поводу даже менее значительной причины. В продолжение этого нового приступа псора обыкновенно вполне развивается и переходит в периодическое или непрерывное психическое расстройство. Это состояние болезни, конечно, труднее для излечения.

§ 224.

Когда душевная болезнь еще не совершенно обрисовалась и ее действительное происхождение от физического страдания

больных этой категории не находит там себе места, если смерть не сокращает числа пользующихся. Никто не излечивается здесь действительно и надолго - веское доказательство между многими другими полнейшего ничтожества современного нам врачебного искусства, которое только на смешку можно называть рациональным. Как часто гомеопатия восстанавливала у этих несчастных здоровье тела и души и возвращала их семье и обществу!

сомнительно, когда есть вероятность, что она обусловлена просто дурным воспитанием, вредными привычками, испорченною нравственностью, суеверием или невежеством, в таком случае можно употребить с пользою для распознавания следующее средство: предложить больному дружеские увещевания или разумные наставления и убедительные доказательства. Если расстройство ума происходит не от физической болезни, то больной **уступит** таким представлениям, и болезнь облегчится; в противном же случае, нравственное лечение **быстро усилит** болезнь: меланхолик сделается еще задумчивее, печальнее, неутешнее и сосредоточеннее; бешеный станет раздражительнее, а безумный еще более забредит¹⁰³.

§ 225.

Без сомнения, есть душевные болезни, происходящие не от физического недуга, а чисто от нравственных влияний, как то: беспрестанной грусти, продолжительных лишений разного рода, досады, оскорблений, сильного и часто действующего страха и проч., причем тело только несколько нездорово. Такие поражения

---

¹⁰³ В этом случае ум, сознавая истину делаемых ему увещеваний, по-видимому, действует на тело для восстановления расстроенной гармонии, но тело противодействует своею болезнью душевным органам и усугубляет их расстройство, производя в них новое отвлечение своих страданий.

души расстраивают со временем самое телесное здоровье, и часто в высокой степени.

§ 226.

Только в подобных душевных болезнях, произведенных и поддерживаемых самою душою, допустимы душевные врачевания, предполагая, однако, что эти болезни случились недавно и не расстроили слишком телесного здоровья. В таком случае доверенность, оказываемая больному, дружеские увещания, благоразумные убеждения, доказательства, равно как и обман, искусно выполненный, вскоре могут восстановить здоровье тела, конечно, при надлежащем образе жизни.

§ 227.

Когда означенные болезни ума осложнены скрытою псорою, то безопасность больного требует, чтобы по излечении средствами, действующими на дух, его подвергли еще противоположному лечению с целью предотвратить возврат болезни, который без этой предосторожности весьма часто случается.

§ 228.

Относительно других душевных болезней, имеющих основанием страдание телесное, несомненно, что они могут излечиваться единственно гомеопатическими лекарствами при надлежащем образе жизни. Кроме физической, здесь необходима также некоторая гигиена и для души, состоящая в том, чтобы врач и родственники больного старались обходиться с ним приличным образом. Если помешанный бешен, то ему должно противопоставлять спокойную безбоязненность, хладнокровие и твердую волю; если он жалуется на свои мучения, мы должны изъявлять ему немое сострадание минами и жестами; если он говорит вздор, нам надобно хранить молчание, не представляясь, однако, совершенно невнимательными, наконец, если он делает или говорит соблазнительные и отвратительные вещи, мы должны показывать вид, будто не замечаем этого. Что же касается до разрушений, которые больной может делать с окружающими его предметами, то должно только стараться предупредить и препятствовать им, **не делая ему упреков**, и приводить все в порядок таким образом, чтобы при этом больному **не было причинено никакого**

насилия¹⁰⁴. Даже в единственном случае, где можно было бы допустить принуждение, т. е. когда больной должен принимать лекарство, гомеопатическая метода не имеет нужды прибегать к этому средству; малые приемы, предписываемые ею, никогда не могут быть противны вкусу, почему их можно давать больному совершенно незаметно, например, в питье.

§ 229.

Противоречия, неуместные и настойчивые наставления и грубые выговоры здесь также неприличны, как и слабая, робкая снисходительность; то и другое обхождение равно вредны для ума и нрава больного. Всего же более раздражают и вредят больным **насмешки и грубые обманы. Врач и надзиратели отнюдь не должны высказывать таким больным сомнения в их умственных способностях.**

---

¹⁰⁴ Надобно изумляться жестокосердию и легкомыслию врачей в заведениях этого рода не только Англии, но и Германии, употребляющих против этих несчастных, наиболее заслуживающих сострадания, вместо действительно целебного антипсорического гомеопатического лечения грубые побои и другие истязания. Этими бессовестными и возмутительными действиями врач становится ниже тюремного экзекутора, ибо последний применяет подобные наказания только по обязанностям службы и против преступников, тогда как первый вымещает на жалком и невинном больном злобу свою на неизлечимость душевной болезни и горькое сознание бессилия своего искусства.

Равным образом необходимо удалять все, способное возмутить их чувства и душу. Нет забав для их омраченного ума, нет благодетельного рассеяния, нет поучительных и приятных занятий чтением, разговорами или другими предметами для их души, окованной цепями страждущего тела! Кроме самого излечения, исправляющего их телесное здоровье и проясняющего ум, для них нет никаких других увеселений.

§ 230.

Если избранное лекарство для известной душевной болезни (которые чрезвычайно различны) совершенно прилично и гомеопатически соответственно начертанному виду болезни, то часто достаточно малейшего приема для произведения в короткое время весьма заметного поправления, чего невозможно достигнуть самыми большими и частыми приемами всех аллопатических лекарств. Выбор здесь даже из многих лекарств не особенно труден, потому что главный припадок - **ненормальное состояние ума и нрава** столь ясно обнаруживается, что его нельзя не распознать. Обширная и многолетняя опытность позволяет мне утверждать, что преимущество гомеопатического искусства пред всеми прочими врачебными

способами нигде так ясно не проявляется, как в застарелых болезнях ума и нрава, началом или спутниками которых служат физические недуги.

§ 231.

Между болезнями, заслуживающими особенного рассмотрения, оказываются также болезни **перемежающиеся**. Одни из них возвращаются **правильно, в определенное время** (сюда относятся **перемежающиеся лихорадки и страдания не лихорадочные, но представляющие периодическое, типическое течение, наподобие перемежающихся лихорадок**). Другой отдел представляют перемежающиеся болезни **нетипические**, где известные болезненные состояния сменяются совершенно другими и притом в **неопределенные** сроки.

§ 232.

Перемежающиеся болезни последнего рода весьма различны и все принадлежат к хроническим. По большей части это результат развившейся псоры, которая может также, хотя и редко, соединяться с венерическим миазмом. В первом случае употребляются одни

противопсорные средства; во втором должно попеременно употреблять противопсорные и противосифилитические лекарства, как указано в моем сочинении о хронических болезнях.

Нередко здесь сменяются взаимно два или три различных состояния. Что касается смены двух различных состояний, то иногда, например, известные нервные боли появляются в ногах вслед за исчезновением воспаления глаз, которое снова появляется, как скоро боли в ногах утихнут; судороги могут также непосредственно сменяться другим каким-либо страданием целого тела или известной его части. Также может быть и тройная смена в состоянии ежедневной болезни; например, сперва является такой период, в котором здоровье, по видимому, усугубляется и душевные силы **возбуждаются более** обыкновенного (излишняя веселость, усиленная подвижность тела, особенно приятное самочувствие, слишком большой аппетит и проч.); за этим периодом внезапно следуют мрачное и меланхоличное расположение духа или несносная ипохондрия, соединенная с расстройством во многих жизненных отправлениях, как то: в пищеварении, сне и проч.; это последнее состояние также внезапно сменяется третьим - состоянием

умеренного и обыкновенного нездоровья. Вообще встречаются чрезвычайно разнообразные комбинации в этом роде.

Часто нельзя заметить никакого следа предшествовавшего состояния, когда показалось новое. В других случаях остается только малое число припадков первого состояния во время появления и продолжения второго. Сменяющиеся состояния часто бывают противоположного свойства; например, припадки меланхолии нередко следуют за пароксизмами веселого умопомешательства.

§ 233.

Переменяющиеся **типические** болезни состоят в периодическом появлении постоянного страдания чрез **довольно определенные сроки**, которым сменяется состояние **видимого здоровья также на известное время**.

§ 234.

Переменяющиеся типические болезни, появляющиеся у людей только в **отдельных случаях** (не спорадически и не эпидемически), бывают всегда хронического свойства и

происходят по большей части от одной псоры или, что очень редко, от псоры, соединенной с сифилисом. Поэтому их лечение точно такое же, как указано выше. Однако иногда необходимо давать больному как промежуточное лекарство один прием хины высшего деления собственно для устранения перемежающегося типа болезни.

§ 235.

Рассмотрим предварительно перемежающиеся лихорадки¹⁰⁵, спорадические и

---

¹⁰⁵ Прежней патологии известна только одна перемежающаяся лихорадка, которую она также назвала холодной лихорадкой и различала только по времени появления лихорадочных припадков (ежедневная, трехдневная, четырехдневная и проч.). Но кроме этой разности в периодах возврата перемежающихся лихорадок существуют между ними различия гораздо важнейшие. Есть множество лихорадок, которые нельзя даже назвать холодными, ибо их припадки состоят единственно в жаре; есть перемежающиеся лихорадки, где припадки производят один холод, сменяемый или нет отделением пота. Одни развивают холод во всем теле, причиняя в то же время ощущение жара; другие сопровождаются ознобами, хотя тело при прикосновении горячо; в иных один из пароксизмов состоит в потрясающем или легком ознобе, за которым следует хорошее состояние, тогда как второй пароксизм заставляет чувствовать только один жар, сопутствуемый потом или без пота; в одних жар предшествует ознобу, в других один пароксизм состоит в жаре и ознобе, сменяемых апирексией, а другой, показывающийся часто через несколько часов, производит только пот; в иных совсем не бывает пота, в других же, напротив, нет ни жара, ни озноба, но весь припадок состоит только в поте или в жаре. Равным образом существует также бесчисленное множество разностей, особенно в отношении к посторонним припадкам, появляющимся прежде, в продолжение или после озноба, жара и пота, как например: особенная головная боль, дурной вкус, тошнота, рвота, понос, отсутствие жажды или

эпидемические, об эндемических же, господствующих в болотистых местностях, будет речь впереди. В этих перемежающихся лихорадках каждый пароксизм составлен из двух противоположных, сменяющихся состояний (**холод, жар - жар, холод**), даже часто из трех (**холод, жар, пот**). Поэтому лекарство, выбранное против таких лихорадок (притом из числа обыкновенных гомеопатических лекарств, а не из противосорных), должно возбудить оба или все три эти состояния в здоровом теле или, по крайней мере, надобно, чтобы оно приличествовало гомеопатически самому сильному и самому характерному из этих перемежающихся состояний. В таком случае нет беды, если лекарство не вполне соответствует другому перемежающемуся состоянию, слабейшему, лихорадка, несмотря на то, проходит, и обыкновенно после первого приема. Равным образом в этом виде лихорадок не должно давать второго приема лекарства, пока продолжается действие

жестокая жажда, особенные боли в животе или в членах, бред, дурное расположение духа, судороги и проч. Все эти перемежающиеся лихорадки, очевидно, очень различные болезни, из которых каждая требует особенного гомеопатического лечения. Правда, все эти лихорадки могут быть прекращены большими и чрезмерными приемами хины, т. е. их периодическое возвращение (их тип) уничтожается ею; но больные, мучимые такими перемежающимися лихорадками, которым это лекарство не приличествовало, не излечиваются; они все-таки остаются больными и еще более, чем были прежде; можно ли это называть лечением?

первого, если это действие выражается облегчением болезни. Но когда первый прием лекарства окончил свое действие, должно старательно исследовать, не изменился ли последний пароксизм лихорадки, так что второй прием сделался уже неуместным и должен быть заменен другим средством, более гомеопатическим в отношении к настоящей перемене. Тогда последним обыкновенно доканчивается выздоровление.

§ 236.

В перемежающихся лихорадках всего приличнее давать лекарства тотчас или вскоре после пароксизма; ибо тогда оно успевает произвести в организме все возможные действия для восстановления здоровья, не вызывая значительных ожесточений. Но когда лекарство, даже самое приличное, дано перед пароксизмом, то действие его сливается с возобновлением болезни и возбуждает такое противодействие в организме, что больной теряет много своих сил или даже и самая его жизнь подвергается опасности¹⁰⁶.

---

¹⁰⁶ Это видно из тех (нередких) случаев, когда умеренный прием макового сока, который заставляли больного принимать во время лихорадочного озноба, внезапно лишал его жизни.

§ 237.

Но когда время перемены коротко, как это случается в некоторых особенно злокачественных лихорадках, или когда оно нарушено остатком страданий от предшествовавшего пароксизма, то гомеопатическое лекарство должно давать при самом начале ослабления припадков пароксизма.

§ 238.

Если лекарство уничтожит одним приемом многие припадки сразу и здоровье очевидно восстанавливается (но тогда только, когда по прекращении припадков пароксизм снова появляется), можно и должно повторить одно и то же лекарство, предполагая, однако, что общность припадков все та же. Возврат той же самой лихорадки после значительного промежутка здоровья тогда только последует, когда злокачественность воздуха, возбудившая в первый раз перемежающуюся лихорадку, еще оказывает свое влияние над выздоравливающим, как то, например, случается в болотистых местностях. В подобном случае необходимо устранить причину болезни, например, переведя

больного в гористую страну, если его лихорадка возникла от болотных испарений.

§ 239.

Так как почти всякое лекарство, производя свое чистое действие над здоровыми людьми, возбуждает **особенную лихорадку** и даже **род перемежающейся** с ее переменными состояниями, которая различается от всех прочих лихорадок, производимых другими лекарствами, то в обширном арсенале врачебных сил легко найти достаточную помощь от многочисленных естественных перемежающихся лихорадок. Даже и теперь, когда число средств, испытанных по их чистым действиям, еще ограничено, мы имеем уже достаточно лекарств для подобных лихорадочных страданий.

§ 240.

Если в перемежающейся эпидемической лихорадке лекарство, которое вообще известно как специфическое в этой эпидемии, несмотря на то, неспособно произвести совершенного выздоровления и если нет внешней причины (болотный миазм), которая бы поддерживала болезнь, то мы вправе предположить **скрытую**

псору, причем должно употреблять лекарства **противопсорные** до тех пор, пока не последует полного и прочного выздоровления.

§ 241.

Эпидемии перемежающейся лихорадки (неэндемической) представляют свойство хронических болезней и выражаются отдельными, острыми приступами. Каждая отдельная эпидемия обладает собственным, общим с заболевающими, сродным им характером, который определяется на основании всех общих симптомов и указывает на гомеопатически пригодное средство против совокупности болезненных случаев. Найденное таким путем средство всегда почти оказывается целебным у больных, пользовавшихся до этой эпидемии удовлетворительным состоянием здоровья, если только они не представляют хронического заражения развитию псору.

§ 242.

Если же в какой-либо из подобных эпидемий перемежающихся лихорадок первый приступ остался неизлеченным или даже окончился ослаблением больного посредством

аллопатического лечения, то у больных обыкновенно развивается скрытая псора, которая принимает лихорадочный тип и разыгрывает роль эпидемической перемежающейся лихорадки, так что лекарство (редко антипсорическое), которое было бы пригодно для первоначального пароксизма, теперь уже теряет гомеопатический характер и не может принести пользу. Тогда перед нами оказывается чисто псорическая перемежающаяся лихорадка, обыкновенно уступающая малым и редким приемам серы или серной печени (Nepar sulph.) высоких делений.

§ 243.

В тех, нередко очень злокачественных, перемежающихся лихорадках, которые вне болотных местностей поражают отдельных лиц, должно **вначале**, как вообще при острых болезнях, к которым они близко подходят по своему псорическому происхождению, назначить на несколько дней одно из обыкновенных, исследованных (не специально антипсорических) средств, гомеопатически пригодное для данного случая; если же выздоровление замедлится, то необходимо принять в соображение

развитие псоры и ожидать существенной пользы только от антипсорического лечения.

§ 244.

Перемежающиеся эндемические лихорадки в болотистых странах, равно как и **подверженных частым наводнениям**, доставляют врачам много труда. Впрочем, здоровый человек в молодых летах очень легко может привыкнуть к болотистой местности, если только соблюдает строгую умеренность и не ослаблен лишениями, непосильным трудом и страстями. Эндемические лихорадки овладевают им только непосредственно по его прибытии в нездоровую местность; но в этом случае один или два малых приема достаточно потенцированной **хинной коры** в короткое время восстановят его здоровье при соблюдении приличной диеты. Упорство болезни в подобном случае указывает несомненно на **псорическое худосочие**, готовое развиться. Такая особа никогда не может вылечиться в этой болотистой стране, разве только при лечении противопсорными средствами. Если даже больной безотлагательно переменит вредную местность на сухую и гористую, то

перемежающаяся лихорадка через некоторое время оставит его, а псора опять придет в прежнее скрытое состояние, если еще не слишком развилась. Однако такие особы никогда не будут наслаждаться совершенным здоровьем, пока псора не будет излечена специфическими средствами¹⁰⁷.

§ 245.

Рассмотрев главные виды болезней и особые обстоятельства, какие необходимо иметь в виду при их гомеопатическом лечении, переходу к **способу употребления лекарств и образу жизни больного** при лечении.

При всяком заметном и постепенно усиливающемся облегчении после принятого лекарства как в острых, так и в хронических болезнях отнюдь не должно повторять приема, чтобы принятое лекарство могло **вполне проявить и закончить** свое целебное действие. Всякий новый прием лекарства, даже явно выразившего свое целебное действие, будет в этом случае препятствовать делу радикального излечения.

---

¹⁰⁷ Хотя большие и частые приемы хинной коры, равно как и слишком концентрированные приготовления этого лекарственного вещества, как, например, серноокислый хинин (*chininum sulphuricum*), могут освободить таких больных от типических припадков эндемической лихорадки, но эти особы, взамен того, получают другую болезнь.

§ 246.

Таким образом, постоянное, хотя бы медленное, улучшение болезни после первого, достаточно тонкого приема гомеопатически пригодного лекарства, если не окажется какой-либо помехи его целебному действию, иногда выполняет всю лечебную помощь, какую оно по своим свойствам вообще может принести в данном случае в период 40, 50, даже 100 дней. Но, с одной стороны, такие случаи редки, а с другой - для врача и больного очень важно сократить этот срок по возможности до половины, четверти и более с целью достичь возможно быстрого выздоровления. Новейшие многочисленные опыты доказывают, что и эта цель достижима при соблюдении следующих трех условий: 1) вполне верном выборе лекарства, 2) употреблении тончайшего приема, всего меньше возмущающего жизненную силу, но в то же время достаточно ее стимулирующего, и 3) повторении этих тончайших, но действительных приемов вполне пригодного лекарства **в надлежащие и правильные сроки**¹⁰⁸, указанные опытом, как наиболее

---

¹⁰⁸ В прежних изданиях "Органона" я предлагал для всех случаев не повторять первого приема лекарства, если оно выбрано вполне

способствующие возможному ускорению лечения без развития в то же время лекарственных противо-

---

гомеопатически, до полного и окончательного развития его целебного действия (Auswirken-Lassen), так как повторение приема может нарушить действие первоначально принятого и, кроме того, часто повторяемыми, даже тонкими приемами лекарства жизненная сила организма, особенно в болезнях хронических, не в меру тревожится и возбуждается, вследствие чего может проявить скорее вредные, чем полезные действия. Поэтому гомеопат, ставящий себе высшею целью здоровье человека и руководствуясь латинскою поговоркою: *si non juvat, modo ne noccat* (пусть лучше лекарство не поможет, чем повредит), вообще должен возможно долее выждать действие первого и притом тончайшего приема. Говорю тончайшего, потому что гомеопатическое правило, не опровергнутое пока ни одним опытом в целом мире, неизменно требует самых малых приемов хорошо выбранного средства и наилучшими считает высшие деления (30) или потенцирования лекарств. Это правило составляет и всегда будет составлять драгоценную принадлежность истинного гомеопата и резко отличает его от представителей господствующей школы и в особенности от той недавно возникшей секты лжегомеопатов, которые под флагом гомеопатии лечат больных грубыми и постепенно возвышаемыми приемами лекарств.

С другой стороны, практика доказывает нам, однако, что этот единичный, тончайший прием способен устранить всю присущую себе картину болезни только в некоторых, преимущественно легких случаях, в особенности у маленьких детей и у нежных, раздражительных взрослых, во многих же других, даже в большинстве случаев застарелых, сильно развитых и осложненных хронических болезней, а равно в тяжких острых поражениях этот высокопотенцированный прием сам по себе не может завершить лечение, так как здесь для достаточно сильного и полного противодействия со стороны жизненной силы оказываются нужными несколько лекарственных приемов.

Тем не менее, частого повторения, например каждый день, приемов назначенного лекарства благоразумный и осторожный гомеопат будет избегать по возможности, ибо от этой процедуры он заметит не облегчение, но только ожесточение недуга.

Таким образом, если врач, вполне убежденный в верном выборе средства, пожелает усилить помощь, доставленную первым приемом больному, и решится, например, вместо одной крупинки, смоченной высоким делением лекарства, назначить их 6, 7, 8 на прием или даже от половины до целой капли означенного деления, то успех лечения

почти без исключения будет менее благоприятен, а иногда даже сменится явным вредом, который не без труда можно будет исправить впоследствии.

Низшие деления в больших приемах, назначаемые для той же цели, точно так же не могут выполнить своей задачи.

Итак, усиление раз принятого больным лекарства не достигает цели. Жизненная сила этим путем раздражается слишком сильно и возбуждается слишком быстро, так что не имеет времени для постепенного, равномерного целебного противодействия, вследствие чего она встречает чрезмерно действующее на нее лекарство как неприятеля, стремясь освободиться от него рвотою, поносом, развитием лихорадочного движения, пота и др., так что цель неосторожного врача по большей части не достигается, а сверх того, больной видимо теряет силы, для восстановления которых иногда необходимо будет продолжительное действие еще более тонкого приема того же средства.

Кроме того, многие часто повторяемые малейшие приемы лекарства иногда как бы скопляются в организме и последовательно действуют наподобие одного грубого приема,

который за исключением немногих, редких случаев приводит к такому же неблагоприятному результату; жизненная сила, не успевая оправиться в промежутках малых приемов, не в состоянии целебно противодействовать каждому из них, но принуждена пассивно переносить навязываемую ей лекарственную болезнь, как это мы видим при постоянном, грубом и частом употреблении какого-либо лекарства при аллопатическом лечении.

Чтобы избежать этого ложного пути и применить избранное лекарство без вреда и со всею возможною пользою, я следую ныне особому правилу в этом отношении.

Так как данный вопрос обусловлен свойством различных лекарств, телосложением больного и развитием, обширностью его болезни, то тончайший прием, например, серы при хронических (псорических) болезнях (одна крупинка *tinct. Sulph. 30*) даже у сильных особ и при развитой псоре редко можно повторять с выгодою раньше недели, у слабых же и раздражительных больных срок повторения приема еще длиннее и достигает 9, 12, 14 дней, ибо только по истечении этого промежутка времени лекарство перестает действовать целебно. Далее оставаясь при том же примере, оказывается, что в псорических недугах нужны редко

меньше 4-х, чаще же 6, 8, даже 10 упомянутых приемов (tinct. Sulph. 30, одна крупинка) для пол-
действий, которые могли бы нарушить целебную деятельность жизненной силы.

ного уничтожения всей доступной для серы части хронической болезни, причем приемы должны следовать в вышеозначенных промежутках, если только предшествующим аллопатическим лечением сера не была употреблена чрезмерно. Таким образом недавно появившаяся (первичная) чесотка у не слишком слабых особ, хотя покрывала бы все тело, вполне излечивается семидневными приемами одной крупинки tinct. Sulph. 30, в 10-12 недель, следовательно, всего 10-12 крупинками означенного препарата, после чего нередко могут понадобиться разве приема два Carbo veget. 30 тоже по одной крупинке и тоже через неделю при правильном образе жизни и без всякого наружного лечения, кроме учащенных обмываний.

В других обширных хронических болезнях, где предвидятся 8, 9 или 10 приемов той же tinct. Sulph. 30, еще лучше вместо непрерывного повторения приемов перемежать каждый или каждые два-три приема серы другим,

близко к сере подходящим гомеопатическим лекарством (которым в большинстве случаев служит *Nepar sulph.*), давая и этому промежуточному приему 8, 9, 12, 14 дней для полного развития его действия, и затем уже начинать новый ряд приемов серы в надлежащей последовательности.

Тем не менее, однако, жизненная сила иногда не переносит спокойно действия нескольких приемов, как бы ни было пригодно это лекарство для болезни даже в вышеупомянутых значительных промежутках; эта невыносимость выражается обыкновенно некоторыми, хотя слабыми, симптомами серы, беспокоящими больного при лечении. В подобных случаях иногда полезно назначить вперемешку один прием *Nux vom.* 30 и, выждав действие этого лекарства 8-10 дней, подготовить тем организм к более спокойному противодействию дальнейшим приемам серы. В других случаях для той же цели бывает пригоднее крупинка *Pulsat.* 30.

Самую же упорную невыносимость жизненная сила оказывает к действию серы в тех случаях, где это средство было предварительно (хотя бы год тому назад) злоупотреблено аллопатически; тогда организм даже при совершенно правильных показаниях к употреблению

средства выказывает видимое ожесточение хронического недуга не только после тончайших внутренних приемов, но даже от нюхания крупинки, смоченной *tinct. Sulph. 30*. Это одно из прискорбнейших обстоятельств, благодаря которому даже наилучшее лечение хронической болезни может оказаться почти невозможным.

В подобных случаях больной должен сильно понюхать крупинку *Mercur. metall. 30* и затем выждать действие лекарства в продолжение 9-ти дней; тогда жизненная сила снова приобретает способ-

§ 247.

При этих условиях тончайшие приемы хорошо выбранного гомеопатического средства можно повторять с наилучшим, часто даже невероятным успехом в промежутках 14, 12, 10, 8, 7 дней. В хронических случаях, приближающихся к

ность отзываться на благодетельное влияние серы, по крайней мере, больному без опасения можно дать нюхать вышеупомянутый ее препарат. Этим открытием мы обязаны д-ру Грисселиху, в Карлсруэ.

Из других антипсорических средств (кроме разве Phosph. 30) для лечения нужно меньшее число приемов в подобные же промежутки времени (которые для Ser. и Silic. должны быть еще продолжительнее), чтобы показанное лекарство исчерпало в данном случае всю свою целебную силу. Промежутки приемов Nepar sulph. kalin. 30 редко могут быть короче 14-15 дней.

Легко понять, что, предпринимая такую последовательность приемов, врач предварительно должен быть вполне убежден в правильном выборе гомеопатического средства.

В острых болезнях сроки повторения приемов зависят от более или менее быстрого течения лечимой болезни, так что лекарство повторяется, где нужно, через 24, 16, 12, 8, 4, даже через несколько часов; в случаях же чрезвычайно острых, где болезнь быстро убивает, как, например, в холере, следует давать больному при начале заболевания каждые 5 минут 1-2 капли тонкого раствора камфоры для быстрой и надежной помощи, а при дальнейшем течении холеры нередко нужно бывает также каждые 2-3 часа давать приемы Cuprum, Veratr., Phosph. и др. (30) или же Ars., Carbo veg. и пр. в таких же коротких промежутках.

При лечении так называемых нервных и других непрерывных горячек повторение тонких приемов должно также подчиняться вышеуказанным правилам.

В случаях чистого сифилиса обыкновенно оказывается достаточным один прием Merc. 30; при малейшем же осложнении болезни псорую нередко нужны два или три таких приема в промежутках от 6 до 8 дней.

В случаях, где явно показано то или другое лекарство, но больной слишком раздражителен и слаб, удобнее и вернее вместо принятия внутрь давать больному нюхать смоченную этим средством крупинку, вводя для этого горлышко склянки в каждую ноздрю по очереди; действие оказывается столь же продолжительным, как и от введения лекарства в желудок, почему и к повторению нюханий можно прибегать не раньше, как в вышеуказанные сроки.

острым (*decursus subacutus*), приемы повторяются чаще; в острых болезнях - еще чаще, именно через 24, 12, 8, 4 часа, наконец, в самых острых - через час и до 5 минут, сообразно с более или менее быстрым течением болезни.

§ 248.

Прием избранного лекарства повторяется несколько раз, смотря по обстоятельствам, до тех пор, пока наступит выздоровление или **когда самое лекарство перестанет проявлять свое целебное действие; в последнем случае для остатков болезни с измененною группою симптомов следует подобрать другое гомеопатическое средство.**

§ 249.

Если какое-либо лекарство при развитии своего действия вызывает новый, несвойственный лечимой болезни и даже тягостный симптом, то оно неспособно для излечения болезни, неудачно выбрано¹⁰⁹. В таком случае негемеопатическое лекарство следует как можно скорее заменить или антидотом, если болезненный симптом значителен, или же просто другим, более подходящим средством.

---

¹⁰⁹ Так как опыт доказывает, что, как бы ни был мал прием гомеопатически пригодного лекарства, он почти неизменно производит явное облегчение болезни (§§ 161, 279), то было бы неразумно и вредно приписывать недействительность средства или даже некоторое ожесточение болезни слишком малому его приему и на том основании повторять или увеличивать последний. Каждое ожесточение болезни появлением нового симптома, если не было каких-либо нравственных потрясений или погрешностей в диете, доказывает только непригодность употребленного лекарства для данного случая, но отнюдь не бессилие приема вследствие его малости.

§ 250.

Тем более, если в трудных случаях спустя даже 6, 8, 12 часов после дачи лекарства проницательный врач заметит по развитию новых симптомов и страданий, что он ошибся в выборе лекарства, то ему не только позволено, но вменяется в непрременную обязанность заменить неудачное средство более гомеопатическим (§ 167).

§ 251.

Некоторые лекарства, напр. *Ignatia*, а также *Bryonia* и *Rhus*, отчасти даже *Belladonna*, проявляют силу свою в организме по большей части попеременными действиями или последовательным появлением симптомов, которые отчасти противоположны первоначальным. Если после первого приема одного из этих средств, вполне показанного гомеопатически, врач не заметит улучшения в состоянии больного, то новый, столь же тонкий прием того же лекарства (в острых болезнях даже через несколько часов) в большинстве случаев достигнет своей цели.

§ 252.

Если же при употреблении прочих лекарств окажется, что в хронической (псорической) болезни вполне пригодное антипсорическое средство в надлежащем (тончайшем) приеме не приносит облегчения, то это служит **верным** признаком, что причина, поддерживающая болезнь, еще остается в своей силе и образ жизни больного или его окружающих представляет какое-либо условие, которое необходимо должно быть устранено, если хотят достигнуть прочного выздоровления.

§ 253.

Между признаками, указывающими во всех, особенно же в острых болезнях на незаметное иногда начало облегчения или усиления болезни, самым верным и поучительным оказывается состояние души и вообще самочувствие больного. При благоприятном обороте дела больной чувствует себя лучше, спокойнее, бодрее и как бы возвращается к своему обыкновенному состоянию. Перед началом ожесточения симптомов представляется противоположная картина; больной становится беспомощнее, падает духом, не находит покоя

при различных переменах положения тела и проч. Оба эти состояния легко подметить при известной наблюдательности, хотя трудно передать на словах¹¹⁰.

§ 254.

Появление других, частью новых, частью усиленных симптомов или же, напротив того, ослабление первоначальных припадков без присоединения новых уже несомненно указывают наблюдательному врачу на ожесточение или облегчение болезни, хотя многие больные сами себе не могут дать отчета ни в том, ни в другом состоянии или не настолько развиты, чтобы сообщить об этом врачу.

§ 255.

---

¹¹⁰ Но эти благоприятные признаки со стороны духа и самочувствия вскоре по принятии лекарства появляются тогда только, когда прием был достаточно мал; в противном случае он действует слишком резко и при самом начале так сильно поражает деятельность ума и души, что не дает возможности заметить упомянутых благоприятных перемен, хотя бы самое средство вполне гомеопатически соответствовало данному случаю. Это важное правило всего чаще упускают из вида начинающие, а также врачи-аллопаты, переходящие на сторону гомеопатии, которые предпочитают низкие деления высоким потому собственно, что им трудно освободиться от предрассудков старой школы.

Впрочем, даже и у таких особ можно добиться признания, если снова осведомиться у них о каждом симптоме болезни. Когда они при этом не жалуются на новые припадки, а прежние не представляют ожесточения и предварительно замечено улучшение самочувствия, тогда можно заключить, что лекарство произвело уже существенное облегчение болезни или вскоре произведет его. Если же при видимых признаках благоприятного исхода самое облегчение медлит обнаружиться, то это зависит или от неправильного содержания больного, или от слишком продолжительного гомеопатического ожесточения (§ 157) со стороны лекарства, следовательно, от недостаточной утонченности его приема.

§ 256.

С другой стороны, если больной жалуется на какие-либо важные припадки, недавно появившиеся, то это значит, что лекарство не соответствует болезни. В этом случае, если бы даже сам больной простодушно уверял, что его здоровье поправляется, на его состояние должно смотреть как на еще худшее.

§ 257.

Истинный художник в искусстве лечения остережется питать пристрастие к каким бы то ни было лекарствам, которые часто случалось ему находить приличными и употреблять со счастливым успехом. Такое пристрастие заставляет пренебрегать другими, реже употребляемыми средствами, но, может быть, более гомеопатическими в данном случае, а следовательно, и более пригодными.

§ 258.

Благоразумный врач остережется также пренебрегать по неуместной недоверчивости или другим ложным причинам употреблением известных лекарств, которые были им по его собственной вине неудачно употреблены в каком-нибудь случае. Он всегда должен помнить истину, что из всех лекарств только наиболее соответствующее заслуживает предпочтения и что ни малейшее пристрастие не должно иметь места в столь важном выборе.пи

§ 259.

Так как цель гомеопатического лечения положительно требует, чтобы **приемы лекарств были очень малы**, то понятно, что в продолжение такого лечения необходимо **устранять** из диеты больного все, способное иметь на него **какое-либо врачебное влияние**, дабы действие тонкого приема не было **нарушено, парализовано или преодолено иным, разнородным врачебным раздражением.**

§ 260.

В хронических болезнях особенно нужно в точности исследовать подобные препятствия к излечению; ибо эти болезни очень часто возникают и поддерживаются или, по крайней мере, ожесточаются от вредных пищевых веществ и других часто незаметных для больного неправильностей в образе жизни¹¹¹.

---

¹¹¹ К числу вредных напитков и пищевых веществ относятся: чай и другие настои из врачебных трав; пиво с примесью растительных вредных веществ, душистые ликеры, шоколад, приправленный пахучими веществами; воды и духи разного рода, порошки и лекарственные полоскания для зубов, слишком сильно приправленные кушанья, пирожные и сладкое мороженое, супы с лекарственными травами и кореньями, старый сыр и мясо животных, уже загнившее или одаренное посторонними врачебными действиями, каковы: мясо и жир свиней, уток, гусей и слишком молодых телят. Все эти вещи должны быть тщательно устраняемы в диете больного. Кроме того, следует запрещать неумеренное употребление пищи и питья вообще, сахару и соли, равно как всех спиртных напитков. Лечащийся обязан также избегать слишком сильного комнатного жара, сидячей жизни в спертом воздухе комнат, слишком долгого сна после обеда, ночного образа жизни, неопрятности, чрезмерных половых наслаждений,

§ 261.

Наиболее приличный **образ жизни** для больного состоит в том, чтобы он отказывался от вышеупомянутых вредных пищи и напитков, а также вообще избегал бы тех погрешностей, которые привык делать; он должен, например, искать невинных развлечений, гулять пешком на открытом воздухе почти во всякую погоду, заниматься механической работой на чистом воздухе, соблюдать умеренность в пище и пр.

§ 262.

Что касается диеты в острых болезнях (за исключением случаев потери самосознания), то инстинкт жизненной силы пробуждается здесь с такою силою и говорит с такою ясностью, что врач должен только настаивать, чтобы окружающие больного не противодействовали этому

раздражения и ослабления нервов соблазнительным чтением и фантазиями, равно всякого повода к гневу, печали или досаде, азартных игр, сильных трудов умственных и телесных, пребывания в болотистых местностях или в сырых жилищах. Все это может препятствовать излечению и даже сделать его невозможным. Некоторые из моих учеников стесняются даже более диету больных, запрещая им даже почти невинные вещи; я нахожу излишнею подобную строгость.

голосу природы отказом в пище и питье, которое больной просит настоятельно, или убеждениями принять то, чего он не требует и что могло бы ему повредить.

§ 263.

Хотя напитки и кушанья, которых просит острый больной, по большей части представляют паллиативный характер и доставляют ему временное облегчение; но они не имеют лечебных свойств и, так сказать, сообразны с естественной потребностью больного. Если только удовлетворение этой потребности не идет дальше известных границ, то даже самые препятствия лечению¹¹², которые могли бы оттого произойти, незначительны и во всяком случае легко и вполне устранимы гомеопатическим лекарством и жизненной силою, энергия которой усиливается удовлетворением пылкого желания. Температура комнаты и одежда больного должны быть совершенно по его желанию. Всякое умственное напряжение и

---

¹¹² Они, впрочем, случаются редко. Так, например, в чисто воспалительных болезнях, необходимо требующих употребления Асоп., больной почти всегда просит только холодной воды, а не растительных кислот, которые могли бы уничтожить действие этого лекарства.

душевные тревоги необходимо тщательно устранять.

§ 264.

Врач должен иметь лекарства чистые и вполне сохранившие естественную силу; для совершенной уверенности в их врачебных свойствах он должен лично убедиться в их полной доброкачественности.

§ 265.

Его нравственная обязанность требует, чтобы он во всех случаях болезни был вполне уверен, что больной принимает именно то лекарство, которое ему назначено.

§ 266.

Лекарственные вещества животного и растительного царств сильнее действуют в свежем состоянии¹¹³.

---

¹¹³ Все свежие (неприготовленные) вещества из царства животных и растений обладают большею или меньшею лекарственною силою и могут изменить состояние здоровья в человеке, каждое сообразно со своими качествами. Растения и животные, которые мы употребляем в пищу, превосходят прочие более значительным количеством питательных частей и

§ 267.

Относительно местных растений, получаемых в свежем состоянии, совершеннейший и вернейший способ сохранения их лекарственных свойств состоит в смешении выжатого сока их с равным количеством крепкого винного спирта. Затем, дав этой смеси устояться в продолжение 24-х часов в хорошо заткнутой склянке, должно отделить светлую жидкость от

отличаются от них тем еще, что их врачебные свойства не столь сильны в своих действиях. Притом же они теряют большую часть их от приготовления на кухне и в хозяйстве, как то: от выжимания вредных соков "приготовление кассавы (*rad. Manihot*) в южной Америке"; от брожения (которое производится, например, в ржаной муке при закваске теста, равно как и в кислой капусте); от копчения и силы жара, как то бывает при варении пищи просто или при ее печении и поджаривании - приготовления, разрушающие или утончающие врачебные части; наконец, от прибавления соли, сахару, а особенно уксусу (например, в соусы и салаты), так как эти вещества противодействуют вредным свойствам пищевых веществ, присоединяя к ним со своей стороны новые лекарственные начала.

Но и растения, обладающие самыми сильными врачебными свойствами, по большей части лишаются их от вышеупомянутых приготовлений; так, корни фиалки, хрена, аврона (*rad. serpentariae*) и пиона, будучи высушены, теряют все свои лекарственные свойства. Сок самых сильных лекарств из царства растительного превращается нередко в смолистую массу, лишаясь всей своей силы от жара, употребляемого при приготовлении обыкновенных экстрактов. Долговременного сохранения достаточно для уничтожения всех свойств соков, извлекаемых из самых ядовитых растений; так как даже при умеренной температуре соки растений приходят сами собою в брожение винное (отчего уже значительно теряют свои целительные свойства) и непосредственно затем в брожение кислое и гниение, что совершенно лишает их свойственных им качеств. Мучной осадок, остающийся тогда на дне сосуда, так же безвреден, как и всякий другой крахмал. Даже тесно сложенные в большом количестве растения теряют многие врачебные свойства свои от созревания.

нитеобразного и белковидного осадка, выделившегося на дно, и сохранить ее для лекарственного употребления¹¹⁴. Винный спирт вполне и навсегда устраняет всякое брожение растительного сока. Сохраняя эту жидкость от влияния солнечного света в крепко заткнутых склянках, можно быть уверенным в полной неизменяемости ее лекарственной силы¹¹⁵.

§ 268.

---

¹¹⁴ Бухгольц в своем "Альманахе для химиков и аптекарей" (1815 г. в Веймаре) уверяет читателей, что "этим отличным способом приготовления лекарств мы одолжены последней кампании 1812-го года в Россию". (Критик, разбиравший сочинение в "Лейпцигской газете" 1816 года № 82, не противоречит этому мнению). Но описывая этот способ теми же словами, как и я в первом издании моего "Органона" (1810 г., § 230, примечание), он не упоминает о том, что это открытие принадлежит мне и что я обнаружил его в этой книге еще за два года до кампании 1812 года. Правда, что и прежде иногда смешивали винный спирт с растительными соками для сохранения их на некоторое время с целью изготовления экстрактов, но никогда не применяли этого способа для составления лекарств.

¹¹⁵ Хотя равные части винного спирта и свежесжатого сока составляют обыкновенно пропорцию, приличнейшую для выделения упомянутого волокнисто-белочного осадка; однако есть растения, содержащие слишком много неудободелимых соков, как например: живокость (*Symphitum*), трехцветная фиалка и пр., или преизобилующая слизью, например, мелколистная цикута (*Aethusa cynapium*), обыкновенный паслен (*Solanum nigrum*) и проч., где по правилу нужно двойное количество винного спирта для достижения этой цели. Растения малосочные, какковы: олеандр, живучка (*Vixus*), тис (*Taxus*), морощка, казачий можжевельник и проч. должны сперва быть приведены в тончайшую массу, которую впоследствии смешивают с двойным количеством винного спирта для взаимного проникновения и извлечения желаемого лекарства посредством выжимания. Того же можно достигнуть, если долговременно растирать эти предварительно высушенные вещества с молочным сахаром и затем, взявши один гран этого первого растирания, смешать его с винным спиртом и таким образом составлять дальнейшие деления (§ 271).

Что касается трав, коры, семян и корней, вывозимых из иностранных земель и никогда не получаемых в состоянии свежести, то благо-разумный врач всегда должен сам убедиться в чистоте их, пока они находятся в состоянии сыром и беспримесном, прежде чем употребить их в лекарства¹¹⁶.

---

¹¹⁶ Для сохранения их в виде порошка должно употреблять предосторожность, поныне остававшуюся обыкновенно неизвестною в аптеках, отчего невозможно было сохранять хорошо приготовленные порошки в крепко заткнутых склянках. Даже совершенно сухие растительные вещества в сыром и беспримесном состоянии содержат, однако, некоторое количество вязких соков, которые составляют существенное условие соединимости их мякоти. Эта часть соков не дает влажности лекарству, еще не приведенному в порошок, отчего оно могло бы портиться; но она становится излишнею, когда лекарство измельчено в виде порошка. Отсюда следует, что вещество растительное (или животное), совершенно сухое в своем обыкновенном состоянии, окажется несколько сырым, будучи приведено в мелкий порошок, почему не может сохраняться в крепко заткнутых склянках, не покрываясь плесенью, если в нем предварительно не уничтожить излишнюю влажность. Для этого должно рассыпать порошок на жестяной тарелке с загнутыми вверх краями, поставленной на водяную баню, и мешать его до тех пор, пока части его, перестав скатываться между собою, станут рассыпаться, подобно мелкому песку. Порошки, достигши этой степени мелкости и сухости, могут всегда быть сохраняемы без плесени, если их будут держать в крепко заткнутых склянках, защищенных от дневного света в запертом помещении. Без этой предосторожности животные и растительные вещества всегда мало-помалу теряют свои лекарственные свойства, даже в сыром состоянии, а тем более, если они приведены в порошок (*прим. из 4-го издания*).

Металлические соли, будучи разведены большим количеством воды, вскоре разлагаются и портятся; почему не должно разводить их водою для гомеопатического употребления. (Надобно заметить, что вода не довольно способна для настаивания). Однако есть много металлических солей, которые невозможно развести в чистом винном спирте; но распущенные во сто частей воды, они могут быть разводимы винным спиртом по мере надобности, причем не дают никакого осадка. Касательно всех

§ 269.

Гомеопатия нас учит путем особого приготовления развивать до невероятной степени динамическую лекарственную силу сырых веществ, причем усиливается способность проникновения и обнаруживается целебное свойство даже в таких веществах, которые в грубом состоянии не выказывают ни малейшей лекарственной силы на человеческое тело.

§ 270.

Так, взявши 2 капли свежего растительного сока, предварительно смешанного наполовину

этих лекарств можно наблюдать способ, описанный мною в предисловии к статье о мышьяке в моем сочинении: *Materia Medica Pura*, том II. Только уксуснокислый свинец всегда разлагается в винном спирте (как бы ни было мало количество водяного раствора, впускаемого капля по капле в спирт) и оседает в виде свинцовых белил.

Во второй части моего сочинения *De morbis chronicis* я описал способ, который должно употреблять для приготовления противоскорных лекарств и посредством коего можно все сухие вещества растворять в винном спирте. Его можно применить и к другим гомеопатическим лекарствам. Следуя этому предписанию, нет надобности употреблять металлические соли; можно все металлы привести к вышеупомянутому состоянию, не изменяя свойственных им качеств посредством кислот. Этот способ можно употреблять в отношении к чистым металлам, к веществам удобовозгораемым (фосфору, сере), к растительному, животному и каменному углю, к смолам и смолистым камедям, к растениям, приведенным в порошок, ко всем родам муки и пр., одним словом, ко всякому лекарственному веществу, не изменяя и не уменьшая его целительного свойства. Что же касается приготовлений, которые требуют химических способов, то врач должен или сам заняться ими, или присутствовать при их совершении.

с винным спиртом, должно смешать их с 98 каплями винного спирта, причем получится первая степень развития лекарственной силы; повторив ту же процедуру еще с 29 пузырьками, из которых каждый наполнен до $\frac{3}{4}$ четвертей 99 каплями винного спирта и воспринимает для взбалтывания одну каплю предыдущего раствора, мы получим, наконец, 30 деление (дециллионную динамизацию лекарственной силы)¹¹⁷.

§ 271.

Все другие вещества, предназначаемые для лечебной цели (за исключением однако серы, которая по новейшим опытам должна употребляться только в высокопотенцированной (30) тинктуре), как то: самородные, окисленные или осеренные металлы и минералы, горное масло, фосфор, равно все растения и растительные

---

¹¹⁷ На основании многочисленных опытов и точных наблюдений я принимаю за постоянную и наименьшую норму для развития лекарственной силы жидких веществ два сильных сотрясения каждого пузырька. Некоторые гомеопаты, носящие с собою аптеку при посещении больных, причем лекарства необходимо подвергаются частому взбалтыванию, утверждают, однако, что динамизация лекарств при этом будто бы несколько не усиливается. Подобные заявления обусловлены единственно недостатком наблюдательности. Я растворил гран натра в лоте воды, несколько смешанной со спиртом, и, наполнив этим раствором пузырек до $\frac{2}{3}$ его вместимости, производил непрерывное взбалтывание жидкости в продолжение полчаса: полученный затем раствор по степени динамизации оказался не ниже 30 деления.

соки, которые можно достать только в сухом виде, животные вещества, средние соли и проч. необходимо подвергать предварительному растиранию в продолжение трех часов и затем уже брать один гран для первого гомеопатического раствора, так что для приготовления 30 деления понадобятся 27 склянок¹¹⁸.

§ 272.

Вообще никогда не следует употреблять с лечебною целью более **одного простого лекарства**¹¹⁹.

§ 273.

Эта истина до того понятна сама по себе, что едва ли требует дальнейшего пояснения.

§ 274.

Истинный врач находит все желаемое в одном простом веществе, т. е. искусственную силу для произведения болезней, посредством которых можно гомеопатически излечить

---

¹¹⁸ Подробнее об этом см. в предисловии к 3-му изданию 2-й части моего "Лекарствоведения" (Reine Arzneimittellehre).

¹¹⁹ Впрочем, некоторые гомеопаты в известных случаях употребляют одновременно или почти одновременно два гомеопатически показанные лекарства, из которых одно соответствует одной части картины болезни, а другое - другой. Я не одобряю подобной процедуры; она вообще не нужна, хотя иногда, по-видимому, оказывается полезною.

естественную болезнь надолго. Помня мудрое правило: "не действовать множеством сил для произведения того, что может совершить одна", он уже на этом основании не вправе употреблять при лечении разные вещества, соединенные вместе. Кроме того, он знает также, что, не смотря на предполагаемую известность действий отдельных лекарств над здоровыми людьми, способ, посредством которого два или несколько лекарственных веществ взаимно изменяют одно другое в теле человека, нам не известен. Таким образом, употребляя одно лекарственное вещество против болезни, коей припадки вполне известны, он во всяком случае знает, что целебное действие средства не будет нарушено или изменено искусственным действием другого. Предположим, наконец, самый несчастный случай, именно, что избранное лекарство несообразно с болезнью и не принесло желаемой пользы; тем не менее оно полезно уже тем, что умножит наши знания о качествах лекарств; возбуждая при таком-то случае новые припадки, оно подтвердит вызванные им же в других опытах над здоровыми людьми - выгода, которой не бывает при употреблении всех сложных лекарств¹²⁰.

---

¹²⁰ Вот почему гомеопат никогда не назначит больному чаю, составленного из лекарственных веществ; не станет лечить припарками из

§ 275.

Сообразность лекарства с каким бы то ни было случаем болезни обусловлена не одною только гомеопатичностью его, но также и надлежащим количеством или, лучше сказать, надлежащею малостью приема. Слишком большой прием даже совершенно гомеопатического лекарства при всем своем целительном свойстве повредит больному, ибо действие его в этом случае имеет более силы, чем сколько нужно, и это обстоятельство тем важнее, что по своему гомеопатическому свойству лекарство действует именно на те части, которые всего более подвержены влиянию естественной болезни.

§ 276.

Вот причина, по которой гомеопатическое лекарство всегда вредно, если назначается в большом количестве, и вредные следствия увеличиваются пропорционально величине приема¹²¹. Грубость приема даже тем вреднее, чем

разных трав, промывательными из разнородных веществ, мазями разного рода и проч. и проч.

¹²¹ Успехи, достигнутые в последнее время некоторыми гомеопатами при употреблении больших приемов объясняются отчасти удачным

гомеопатичнее лекарство, которое в этом случае окажется гораздо хуже лекарства аллопатического, т. е. не находящегося в прямом отношении к болезни, ибо здесь гомеопатическое лекарственное ожесточение (§§ 157-160) очень сходно с естественной болезнью и проявляется в органах, наиболее страдающих и раздраженных последнею. Правда, что первоначальная, естественная болезнь все-таки уничтожается гомеопатически, однако больной, тем не менее, страдает от болезни искусственной, равно как от противодействия лекарству со стороны жизненной силы и от бесполезной потери сил.

§ 277.

Если всякое лекарство действительно и целебно только вследствие своей гомеопатичности, то по той же самой причине оно будет тем целебнее, чем более его прием подходит к той степени малости, какая нужна для тихого, незаметно развивающегося излечения.

§ 278.

выбором низких делений, как и я это делал лет 20 тому назад, отчасти же не вполне гомеопатическим выбором самого лекарства.

Здесь нам естественно представляется вопрос: до какой же степени должна простираться малость гомеопатического приема для достижения наиболее тихого, быстрого и наилучшего исцеления? Этот вопрос нельзя решить какими бы то ни было теоретическими соображениями и предположениями; цели можно достигнуть только путем чистых опытов и тщательных наблюдений. Здесь неуместно было бы представлять в возражение большие приемы, назначаемые при обыкновенном лечении; ибо эти грубые приемы лекарств, не имеющих гомеопатического отношения к страждущим органам (лекарства аллопатические), проявляют влияние только на те части, которые не подвержены действиям естественной болезни. Поэтому они не могут служить доводом против малости приемов, предписываемым чистым опытом гомеопатического лечения.

§ 279.

Вот общий итог всех моих опытов и наблюдений в этом отношении. Если болезнь не имеет очевидного источника в органическом поражении какого-либо важного внутреннего органа, то **прием никогда не может быть настолько мал, чтобы тотчас по принятии не**

в состоянии был произвести припадки сходные, даже несколько превосходящие силою те, которые больной ощущал в естественной болезни (малое гомеопатическое ожесточение, §§ 157-160). Лекарственная болезнь всегда сильнее той, о которой идет речь, и способна превозмочь, уничтожить и прекратить последнюю надолго, если при этом будет устранено всякое постороннее лекарственное влияние.

§ 280.

Это неопровержимое правило, выведенное из длинного ряда опытов, учит нас уменьшать приемы всякого лекарства до той степени, на которой они производят едва заметное ожесточение болезни. Итак, не будем опасаться тонкости разжижений, до которой мы должны нисходить при лечении, вопреки всем умствованиям и насмешкам тех, которые, сроднившись с материальными понятиями, находят невероятным, чтобы бесконечно малый прием мог быть действительным; их неверие и насмешки ничего не значат при непреложных доказательствах опыта¹²².

---

¹²² Пусть математик объяснит им, что малейшая часть вещества, разделенного хотя бы до бесконечности, всегда будет содержать некоторое количество этого вещества, всегда будет нечто, и это нечто не может

§ 281.

Всякий больной представляет невероятную способность изменяться в своем состоянии посредством лекарств, более или менее приличных его болезни по сходству припадков. Нет человека, хотя бы он был самого крепкого сложения и страдал только местною болезнью, который по принятии в малейшем количестве приличного гомеопатического средства вскоре не

никогда обратиться в ничто. Пусть укажут им физики на необыкновенные силы, не имеющие, однако, никакой тяжести (теплород, свет и пр.), силы, которые, следовательно, еще легче лекарственного содержания малейших гомеопатических приемов; они вовсе не подлежат взвешиванию точно так же, как обидное слово, причиняющее желчную лихорадку оскорбленному, или роковая весть о смерти единственного сына, низводящая в могилу несчастную мать! Пусть они с четверть часа потрогают магнит, поднимающий сто фунтов, и боль, которую они почувствуют, научит их, что силы невесомые способны производить над человеком самые сильные лекарственные действия! Наконец, пусть те из них, которые одарены слабым сложением, позволят сильному волею магнетизеру поводить несколько минут пальцами у себя под ложечкою - и вскоре самые неприятные ощущения, может быть, заставят маловерных отказаться от попыток установить границы для беспредельной природы.

Вы, которые, сомневаясь в действительности гомеопатических приемов, медлите испытать их силу, скажите мне, какой опасности вы подвергаетесь от исследования их? Если вы правы в своем неверии, допускающем только весомые лекарства, и если мои раздробления ничтожны, то с вами не случится ничего вредного; вы только не получите никаких действий. Мне кажется, что это все-таки будет лучше вредных последствий, каким подвергаете вы больного большими аллопатическими приемами. Гомеопатические раздробления не просто утончения врачебных веществ посредством делимости; трение или сотрясение лекарственных частиц, происходящее при каждом новом раздроблении, удивительно развивает силы, свойственные лекарству, и развитие это для меня так ясно, что в последнее время я предлагаю только два взбалтывания для каждого деления вместо десяти, как предлагал прежде.

почувствовал бы в страждущей части тела спасительной перемены. Словом, этот человек ощущит в своем теле такое же здоровье как однодневный здоровый младенец. Итак, не безрасудно ли, не смешно ли это чисто теоретическое неверие, подвергающее сомнению непреложные доказательства опыта?

§ 282.

Пусть прием лекарства будет мал по возможности; но если может он произвести малейшее гомеопатическое ожесточение, то влияние его преимущественно будет оказываться в страждущих частях организма, которые уже способны к раздражению, сходному с их собственным, и превратит естественную болезнь в искусственную, чрезвычайно с нею сходную и несколько превосходящую ее в силе. Таким образом, подменяя естественную болезнь искусственной, мы заставляем организм изменяться только от одной лекарственной болезни, которая по малости приема вскоре исчезает, так что тело не подвергается уже никакому страданию и выздоравливает совершенно.

§ 283.

Итак, для сообразности лечения с природою врач должен прописать гомеопатическое лекарство в приеме возможно малом, чтобы превозмочь и уничтожить болезнь естественную. Если бы даже он по ошибке выбрал лекарство неприличное, то вред от него будет так незначителен, что предотвратим одною жизненною силою или же другим более приличным лекарством в таком же приеме.

§ 284.

Действие приема, особенно гомеопатического, непропорционально величине его; так, например, прием в восемь капель лекарственной тинктуры не может произвести действие вчетверо сильнее того, какое произвели бы две капли; усиление действия в этом случае будет соразмерно разве только двойному количеству. Равным образом капля лекарства, составленного из капли крепкой тинктуры в смеси с десятью каплями жидкости нелекарственной, не произведет действия в десять раз сильнейшего против одной капли следующего десятичного деления, но подействует разве только вдвое сильнее. Действие дальнейших приемов делений и растираний подчинено тому же закону

пропорциональности, так что капля наивысшего деления все еще должна действовать и действует¹²³.

§ 285.

Уменьшение силы лекарства, нужное при гомеопатическом употреблении, производится убавлением приема в объеме его, т. е. если вместо целой капли какого-либо деления дать на прием только малую часть этой капли, то цель уменьшить силу действия будет вполне достигнута¹²⁴. Причину этого понять нетрудно.

---

¹²³ Положим, что капля смешения, содержащая $\frac{1}{10}$ часть грана какого-либо лекарственного вещества, произвела действие = а; капля смешения более разжиженного и содержащего $\frac{1}{100}$ грана лекарственного вещества будет иметь действие = $\frac{a}{2}$; если капля содержит $\frac{1}{10000}$ часть грана лекарственного вещества, то действие ее = $\frac{a}{4}$; если же она содержит $\frac{1}{100000000}$ грана, то действие будет = $\frac{a}{8}$. Таким образом, при неизменности приема каждое квадратное уменьшение (а может быть даже более, чем квадратное) лекарственного содержания только вполнину уменьшает силу действия лекарства на организм. Я очень часто был свидетелем, что у одних и тех же особ и при одинаковых обстоятельствах капля тинктуры рвотного ореха в 30 делении (содержащем дециллионную часть капли первоначальной тинктуры) производила почти половину действия против капли 15-го деления того же лекарства (содержащей квинтиллионную часть первоначальной капли).

¹²⁴ Всего лучше употреблять в подобных случаях маленькие сахарные шарики (крупинки), смочив их лекарственной каплею известного деления (одною каплею можно смочить до 300 крупинок), из коих больному можно давать по одной, по две и более крупинок, смотря по обстоятельствам. Одна или две крупинки, положенные прямо на язык и ничем не запиваемые, превосходно уменьшают силу предварительного приема. Наконец, у особенно раздражительных больных, когда нужны возможно тонкий прием и самое быстрое действие, следует больному дать только раз понюхать эти крупинки.

Уменьшенный объем приема должен также действовать на некоторые нервы живого организма, от которых раздражение будет передано всему телу и необходимо окажется более слабым.

§ 286.

По той же причине действие гомеопатического приема усиливается с увеличением количества жидкости, в которой его растворяют, хотя количество лекарства остается неизменным; ибо в этом случае лекарство будет действовать на более обширную нервную поверхность. Хотя теоретики уверяют, что при введении лекарства в желудок со значительным количеством нелекарственной жидкости можно ослабить действие лекарства, но опыт говорит совершенно противное, по крайней мере, относительно гомеопатического употребления лекарств¹²⁵.

§ 287.

---

¹²⁵ Только самые простые раздражающие вещества - вино и винный спирт - теряют несколько свои горячительные и опьяняющие свойства при разведении водою.

Необходимо, однако, указать разницу в действии лекарства, не совершенно и не вполне соединенного (до введения в желудок) с известным количеством воспринимающей жидкости или же соединенного с нею тесно и вполне, так что малейшая часть воспринимающей жидкости содержит пропорциональное ей количество лекарственного вещества; в последнем случае смесь гораздо более, нежели в первом, усилит лекарственную силу приема. Отсюда можно вывести способ приготовления лекарств, когда желают по возможности уменьшить их действие, чтобы пользоваться ими больных самого слабого сложения¹²⁶.

§ 288.

---

¹²⁶ Один быстрый толчок, данный склянке, содержащей в себе 100 капель винного спирта и одну каплю лекарственной жидкости, производит надлежащую смесь; но два, три или четыре подобные толчка сделают эту смесь еще более действительною, т. е. еще более разовьют в ней лекарственную силу, причем действие ее на нервы становится ощутительнее, хотя продолжительность его короче. Если же мы хотим действовать тихо на больной организм, то при всяком новом разжижении достаточно двух сотрясений. Равным образом, делая сухие растирания посредством молочного сахара, должно при всяком новом делении не более часа производить растирание лекарственного зерна. Подробности этого способа можно найти в начале второй части моего сочинения о хронических болезнях.

Действие жидких лекарств на наше тело производится столь ощутительно¹²⁷, быстрота и проницаемость их распространения от первого нервного волокна, воспринимающего впечатление, на все прочие части тела до того изумительны, что это деление следует назвать динамическим, как бы духовным.

---

¹²⁷ Гомеопатические средства всего безопаснее и сильнее действуют в паробразном состоянии, когда больной нюхает или вдыхает испарение высокопотенцированной лекарственной жидкости, которою смочены крупинки молочного сахара, сохраняемые в маленьком, хорошо замкнутом пузырьке. Вынув пробку, врач вводит горлышко пузырька в одну ноздрю больного и заставляет его нюхать лекарство, более или менее сильно втягивая при этом воздух; для усиления действия можно дать больному понюхать также и другую ноздрю, после чего скляночку врач затыкает и убирает в свою карманную аптеку. Крупинки весом в 0,1, 0,2-0,01 грана, смоченные 30-м делением лекарства и затем слегка просушенные, сохраняют вполне свою силу от 18 до 20 лет (период моих собственных опытов), причем склянки, защищенные только от действия высокой температуры и солнечного света, откупоривались не менее 1000 раз. Если обе ноздри больного закупорены насморком или полипами, то больной может вдыхать лекарство ртом, введя горлышко пузырька между губами. У маленьких детей, когда они спят, достаточно приложить горлышко откупоренной склянки на некоторое время к той и другой ноздре - и действие лекарства обнаружится. Это вдыхание лекарственных испарений непосредственно действует на нервы стенок проходимых ими полостей; оно всего тоньше, быстрее и целебнее раздражает жизненную силу, несравненно лучше, чем при введении лекарства в желудок. Все, что только может излечить гомеопатия (а чего не может излечить она, за исключением чисто хирургических болезней?), громадное число хронических и острых болезней, всего безопаснее и вернее излечивается этим нюханием лекарства. Из лечимых мною больных в продолжение последнего года едва ли найдется один на сотню, у которого хроническая или острая болезнь не уступила только нюханью лекарства. За последнее полугодие я пришел даже к убеждению, что нюхание лекарств отнюдь не уступает ни в силе, ни в продолжительности действия введению их в желудок, почему и повторение приемов нюхания должно подчиняться тому же закону, как и обыкновенное употребление лекарственных доз.

§ 289.

Каждая часть нашего тела, одаренная осязанием, способна воспринимать действие лекарства и переносить его силу на все прочие части тела¹²⁸.

§ 290.

Кроме желудка, язык и рот, а также полость носа по преимуществу способны к восприятию лекарственных влияний; впрочем, прямая кишка, половые и прочие чувствительные части нашего тела также обладают способностью к восприятию лекарственной силы; вот почему ссадины, раны и язвы представляют лекарствам почти столь же свободный доступ, как и отверстие рта.

§ 291.

Даже органы, утратившие свое специальное чувство, например, язык, лишенный вкуса, или нос, потерявший обоняние, сообщают, однако, влияние непосредственно на них действующего лекарства всем прочим органам тела и

---

¹²⁸ Даже лишенный обоняния больной может рассчитывать на полное действие лекарства посредством нюхания.

притом так совершенно, что потеря их специальной способности вовсе не ощутительна.

§ 292.

Общие покровы тела, кожа и кожица, также способны воспринимать действие лекарств, особенно жидких, причем более чувствительные части общих покровов расположены к действию лекарств по преимуществу¹²⁹.

---

¹²⁹ Накожные втирания лекарств, как кажется, действуют только благодаря трению, которое значительно развивает чувствительность в коже, причем живое волокно становится восприимчивее к действию лекарства и передает свое впечатление целому организму. Если предварительно натереть внутреннюю поверхность бедра и затем просто приложить к ней ртутиальную мазь, то действие окажется настолько же лекарственным, как и втирание мази в эту часть, так как очень сомнительно, чтобы при этих ртутных втираниях самый металл в субстанции поступал внутрь тела или воспринимался всасывающими сосудами. Впрочем, гомотопия никогда почти не употребляет лекарственных втираний, особенно же ртутной мази.

